Первые литературные шаги.

Автобіографіи современныхъ русскихъ писателей.

Собралъ

Ф. Ф. Фидлеръ.

Чистый доходъ съ этой книги поступаетъ въ пользу Литературнаго Фонда.

Предлагаемыя здѣсь автобіографіи размѣщены въ порядкѣ ихъ поступленія. Авторамъ предоставлялось отвѣчать въ любой формѣ и не на всѣ пункты нижеприводимаго опроснаго листа:

I. Наслѣдственность (прямая или атавистическая) писательскаго дара.—Любовь къ литературѣ и степень начитанности того или другого изъ родителей.

II. Лица, благопріятствовавшія и препятствовавшія развитію литературнаго таланта.

III. Обстановка жизни въ дѣтствѣ и молодости. Первыя прочитанныя книги. — Ранніе жизненные опыты или отсутствіе ихъ, способствовавшіе или мѣшавшіе развитію писательскаго дара.

IV. Фантазія или наблюдательность, какъ элементы первыхъ творческихъ попытокъ.

V. Подъ вліяніемъ какого писателя (отечественнаго или иностраннаго) создалось первое произведеніе?

VI. Случайное совпаденіе фабулы (какой?) съ фабулой отечественнаго или иностраннаго писателя.

VII. Первое написанное и оставшееся въ рукописи произведеніе.—Когда? Какое?

VIII. Первое отправленное для напечатанія произведеніе.—Когда, какое, куда и кому?

IX. Мытарства по редакціямъ. — Какимъ?

X. Возвращенныя редакціями или издателями рукописи. — Кѣмъ и какія?

XI. Первое напечатанное произведеніе. — Когда, ...мъ и гдѣ?

XII. Было ли первое напечатанное произведеніе ...едварительно прочитано близкимъ людямъ? — Ихъ ...авственное, критическое или практическое вліяніе.

XIII. Измѣненія или сокращенія, сдѣланныя въ рукописи авторомъ по требованію редактора или издателя.

XIV. Самовольное исправленіе, добавленіе, сокращеніе и искаженіе редакторомъ или издателемъ первоначальной рукописи.

XV. Опечатки: a) искажающія смыслъ произведенія и b) буквенныя.

XVI. Цензурныя препятствія къ напечатанію; измѣненія и искаженія текста.—Какія?

XVII. Даромъ ли было отдано для напечатанія первое произведеніе или за оттиски (или экземпляры).—Въ какомъ количествѣ?

XVIII. Первый гонораръ. — Со строки, съ листа или полностью за всю рукопись?

XIX. Неисправность въ платежахъ издателя или редактора. Вслѣдствіе недобросовѣстности или несостоятельности?

XX. Отношеніе родственниковъ и постороннихъ лицъ къ первому напечатанному произведенію.

XXI. Напечатано первое произведеніе подъ своей фамиліей или подъ псевдонимомъ? Какимъ?

XXII. Первые критическіе отзывы.—Гдѣ и кѣмъ?

XXIII. Нравственная удовлетворенность или неудовлетворенность автора при напечатаніи его перваго произведенія.

XXIV. Дальнѣйшая судьба возвращенныхъ редакторами или издателями первыхъ рукописей. — Невозвращенныя (затерянныя или уничтоженныя).

XXV. Борьба за существованіе въ началѣ литературной дѣятельности и теперешнее положеніе.

Ф. Ф.

Борисъ Александровичъ ЛАЗАРЕВСКІЙ.

Мой отецъ А. М. Лазаревскій—извѣстный въ ученомъ мірѣ историкъ Украины—писалъ и печаталъ очень много. Дѣдъ тоже владѣлъ слогомъ,—существуетъ написанное имъ и впослѣдствіи напечатанное посланіе къ сыновьямъ. Тѣмъ не менѣе, въ работѣ отца и дѣда нѣтъ и намека на литературно-художественное творчество. Какъ-то отецъ, въ моемъ присутствіи, почти презрительно бросилъ фразу: «это, братъ, одна беллетристика». Однако онъ преклонялся передъ беллетристикой Толстого, Тургенева, Достоевскаго и впослѣдствіи Чехова, хотя и читалъ ихъ рѣдко.

Въ нашемъ домѣ все было пропитано исторіей. Я, братъ и сестры зарабатывали первыя свои деньги перепиской подлинниковъ малорусскихъ актовъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. Получали мы по сорокъ копеекъ за листъ, а работать приходилось чуть ли не съ микроскопомъ въ рукахъ. Я такъ и не выучился этому дѣлу и возненавидѣлъ исторію. Помню, когда я былъ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати, въ тайникахъ моей души часто ворочалась мысль: «Это все равно, что черная работа, матеріалъ берется чужой отъ чужихъ людей, когда-то жившихъ; а вотъ вскрыть смѣло то, что пронаблюдалъ, передумалъ и пережилъ самъ, да изложить такъ, чтобы читатель и оторваться не могъ — это настоящее писательство. Въ исторіи только и есть вѣрнаго, что хронологія, да факты существованія населенныхъ мѣстъ, а всѣ мысли героевъ и многія ихъ дѣянія подъ великимъ сомнѣніемъ,—это

не наука. Если бы Костомаровъ не былъ врожденнымъ беллетристомъ, его бы никто, кромѣ спеціалистовъ, и читать не сталъ».

Правъ я или не правъ былъ, думая такимъ образомъ,—и до сихъ поръ не знаю.

Первымъ разбудившимъ во мнѣ настоящую большую любовь къ художественной литературѣ и жажду къ чтенію былъ извѣстный кіевскій педагогъ В. П. Науменко. Затѣмъ въ коллегіи Павла Галагана,—учитель словесности П. И. Житецкій; но отъ его преподаванія вѣяло слишкомъ научнымъ методомъ и, вѣроятно, поэтому, напримѣръ, «Слово о полку Игоревѣ» казалось мнѣ вещью, за которую легко схватить двойку и только.

Изъ писателей и поэтовъ я тогда восторгался Лермонтовымъ и Шевченко. Помню, что при переходѣ въ 8 классъ, мое сочиненіе оказалось лучшимъ и вызвало недоумѣніе среди нашихъ первыхъ учениковъ, такъ какъ я считался однимъ изъ самыхъ послѣднихъ. Тема была отвлеченная. Зато на выпускномъ экзаменѣ я оскандалился и не могъ ничего написать о «Словѣ о полку Игоревѣ», да еще махнулъ своего наречіе «прежде» черезъ два ять. Какъ это могло случиться?—не понимаю; вѣроятно, ужъ очень я испугался темы.

Писать искренно и просто меня научили мои дневники, которые я началъ вести съ 1883 года и веду и до сихъ поръ. Затѣмъ подавляющее впечатлѣніе произвелъ на меня разсказъ Чехова «Володя». Это случилось уже въ университетѣ.

«Такъ значитъ беллетристика—это искусство рисовать жизнь абсолютно искренно и правдиво. Такъ вотъ оно почему бываетъ такъ сильно чувство нравственнаго удовлетворенія послѣ прочтенія хорошихъ романовъ и повѣстей!» думалъ я. Значитъ, въ художественной литературѣ можно прикасаться къ самымъ завѣтнымъ человѣческимъ мыслямъ и даже мистическимъ вопросамъ, которыхъ такъ боятся господа ученые. Вѣдь не зря же Чеховъ пишетъ, что послѣ

смерти Володя сейчасъ же увидѣлъ... «какъ его покойный отецъ въ цилиндрѣ съ широкой черной лентой, носившій въ Ментонѣ трауръ по какой-то дамѣ, вдругъ охватилъ его обѣими руками, и оба они полетѣли въ какую-то очень темную глубокую пропасть».

Значитъ, Чеховъ и самъ думалъ и рисовалъ себѣ, такъ или иначе, это существованіе внѣ законовъ земного шара... Вѣроятно, искренность писателя-художника и его талантъ—это почти одно и то же.

Дальнѣйшее, уже личное, знакомство съ А. П. Чеховымъ почти убѣдило меня въ этомъ послѣднемъ предположеніи.

Въ моихъ повѣстяхъ и разсказахъ я пользовался и пользуюсь больше наблюдательностью, чѣмъ фантазіей. Лѣтъ въ тринадцать для меня стало ясно, что женщина чувствуетъ иначе, чѣмъ мужчина, и крѣпко захотѣлось узнать, какъ это иначе и почему иначе? И я началъ наблюдать за ними съ огромнымъ наслажденіемъ, безъ-устали, почти инстинктивно, вездѣ и всегда, вотъ какъ вездѣ и всегда будетъ нюхать лягавая собака, если почуетъ дичь.

Здѣсь я долженъ отмѣтить такой фактъ: чѣмъ ближе бывала мнѣ женщина, тѣмъ труднѣе было мнѣ разгадать ея душу; да и не гнался я тогда за этимъ.

Послѣ напечатанія въ ноябрьской книжкѣ «Журнала для всѣхъ» (1905 г.) разсказа «Ученица», я получилъ нѣсколько писемъ отъ дѣвушекъ школьнаго возраста съ выраженіемъ восторга и съ увѣреніями, что я совершенно точно воспроизвелъ моменты зарождающейся любви. И я обрадовался этимъ откликамъ больше, чѣмъ статьямъ заправскихъ критиковъ и рецензентовъ, которые меня поражали всегда своею нечуткостью: хвалили за то, что, по моему мнѣнію, было ничтожно и бранили за вещи серьезныя и болѣе сильныя.

Во время недавняго своего свиданія съ Арцыбашевымъ я услышалъ отъ него приблизительно то же. Онъ удивлялся публикѣ и критикѣ, которыя кричатъ о «Санинѣ» и до тла забыли о «Смерти Ланде».

Теперь скажу о своихъ юношескихъ литературныхъ опытахъ. Первый мой разсказъ былъ написанъ только подъ вліяніемъ той красоты, которую я увидѣлъ при восходѣ солнца, когда началъ охотиться; хотѣлось также запечатлѣть фигуру моего товарища по охотѣ, крестьянина Кондрата; его именемъ я и назвалъ этотъ разсказъ. Но сдѣланъ онъ черезчуръ несмѣло и неумѣло, такъ что я и не пытался никогда его печатать. Было мнѣ тогда, кажется, 15 или 16 лѣтъ. Съ этихъ поръ я уже всегда ходилъ съ какой-нибудь темой подъ сердцемъ и писать сталъ чаще.

Первымъ напечатаннымъ разсказомъ была «Послѣдняя услуга». Господи! Какъ ненавижу я ее теперь. Сентиментальная тема, наивное исполненіе, сдана въ редакцію газеты глубоко несимпатичной, сдана «на ура». Я очень удивился тому, что ее напечатали сразу и заплатили, кажется, по три копейки за строчку. Это случилось въ Кіевѣ въ 1894 году въ декабрѣ.

Отецъ и мачеха отнеслись къ моему дебюту безразлично.

Темой для «Послѣдней услуги» послужилъ разсказъ доктора, у котораго я жилъ на квартирѣ. Ему пришлось свидѣтельствовать безнадежно больного, семейнаго офицера. Нужно было убѣдить этого офицера подать въ отставку по болѣзни, потому что тогда пенсія была бы гораздо больше, чѣмъ послѣ смерти на службѣ. Словомъ, нужно было дать понять человѣку, что дни его сочтены. Доктору пришлось выполнить очень нелегкую задачу, послѣ чего онъ самъ разволновался и запилъ. Я ухватился за эту тему. Сдѣлалъ ее скверно, не художественно, но редакціи разсказъ пришелся по вкусу. И, такимъ образомъ, состоялся мой первый дебютъ. Подписался я—Борисъ Л.

Значительно позже я прочелъ разсказъ Чехова «Учитель», написанный на почти аналогичную тему, и тогда понялъ, что дѣло не въ сюжетѣ, а въ томъ, какъ этотъ сюжетъ разработать.

Первымъ своимъ разсказомъ я считаю «Сирэнъ», напечатанный въ 1902 году въ «Русскомъ Богатствѣ».

Судьба меня ласкала. Мытарствовать мнѣ по редакціямъ почти не приходилось, да и жилъ я тогда въ далекой провинціи — въ Севастополѣ. Случалось, что мнѣ возвращались рукописи, но гораздо чаще онѣ бывали приняты. Былъ у меня такой разсказъ: «Въ лѣсу», его не приняли ни въ «Русское Богатство», ни въ «Журналъ для всѣхъ», и попалъ онъ въ концѣ-концовъ въ одесскую газету «Южное Обозрѣніе». Но когда «Въ лѣсу» вошелъ въ первый томъ, его хвалили больше другихъ разсказовъ. Изъ журналовъ меня упорно не принималъ только «Вѣстникъ Европы», но это меня нисколько не огорчало. Каждый разъ я вспоминалъ, что вѣдь и «Дуэль» Антона Чехова была возвращена автору «Вѣстникомъ Европы»,—и мнѣ дѣлалось смѣшно. Бывало жаль только потеряннаго времени, ибо во всякой другой редакціи непринятый «Вѣстникомъ Европы» разсказъ брали съ удовольствіемъ.

Я не могу также пожаловаться на передѣлку моихъ рукописей, чего почти никогда не бывало. Единственный случай, который меня крѣпко огорчилъ— это произвольное сокращеніе П. А. Сергѣенкой моей статьи въ международномъ альманахѣ о Л. Н. Толстомъ. Я читалъ и не находилъ многихъ своихъ словъ и цѣлыхъ мѣстъ, которыя дѣлали разсказъ живымъ,— точно увидалъ въ зеркалѣ свою голову, да только выстриженную лѣстницами.

Въ концѣ статьи у меня кучеръ, крестьянинъ Тульской губерніи, говоритъ:

— Лошадь? Она види-итъ...

Сергѣенко сдѣлалъ:

— Лошадь она видитъ.

Я готовъ былъ примириться съ тѣмъ, что въ силу своихъ, такъ сказать, цензурныхъ соображеній Сергѣенко выбросилъ цѣлые періоды и нѣкоторыя фразы, но и до сихъ поръ не могу простить искаженія стиля. Правда, онъ написалъ мнѣ извинительное письмо, но уже послѣ того, какъ книга была выпущена.

Вотъ гдѣ приходилось страдать самымъ заправскимъ образомъ, такъ это во время переговоровъ

съ гг. издателями! Ужъ тутъ не везло и долго и упорно.

Я покупалъ много беллетристическихъ книгъ въ севастопольскомъ магазинѣ Вязнова и здѣсь познакомился съ мальчикомъ-приказчикомъ Митей Камышевымъ. Онъ оказался большимъ поклонникомъ моихъ разсказовъ и однажды сказалъ:

— Знаете что, Б. А., а вѣдь ваши разсказы не хуже другихъ. Давайте-ка издадимъ ихъ. Есть у меня въ Москвѣ такой пріятель, правда, изъ кулаковъ, но издаетъ прилично...

И вотъ при помощи этого Мити вышелъ мой первый томъ въ 1903 году. Получилъ я за все изданіе что-то около двухсотъ рублей, а было напечатано болѣе пяти тысячъ экземпляровъ.

Какъ-никакъ, а Митя и его пріятель сослужили мнѣ большую службу. Всѣ толстые журналы дали свои отзывы, откликнулось и много хорошихъ газетъ. Самымъ же дорогимъ было для меня письмо Антона Павловича Чехова, ласковое, веселое, поощряющее...

Позже, при личномъ свиданіи, онъ мнѣ сказалъ:

— Въ вашихъ разсказахъ хорошо то, что люди въ нихъ разговариваютъ такъ, какъ это бываетъ на самомъ дѣлѣ; попробуйте-ка написать пьесу...

Но къ пьесѣ меня не тянуло.

Несмотря на войну и на поѣздку на Дальній Востокъ, черезъ два года уже набѣжалъ и объемистый второй томъ. На помощь мнѣ пришла сама судьба. Въ вагонѣ я встрѣтился съ интеллигентнымъ московскимъ купцомъ М. М. Зензиновымъ. Ему очень понравился въ моемъ первомъ томѣ разсказъ «Элегія». Мы разговорились и познакомились ближе. Впослѣдствіи онъ купилъ у меня второй томъ, по 200 руб. за тысячу, издалъ 5.000 экземпляровъ и деньги заплатилъ впередъ. Въ томъ же 1906 году немного раньше я напечаталъ въ «Нивѣ» большую повѣсть «Урокъ» и получилъ по 150 руб. за листъ. Напечаталъ я еще нѣсколько разсказовъ въ «Журналѣ для всѣхъ» и въ «Образованіи», и въ общемъ, какъ мнѣ казалось, почти ничего не дѣлая, получилъ за годъ болѣе 3.000 руб. Для начала это было хорошо. Могу сказать, что только благодаря матеріальной поддержкѣ М. М. Зензинова и Лидіи Филипповны Марксъ я могъ выйти въ отставку и отдаться литературѣ всецѣло. Я никогда не забуду этихъ двухъ людей.

Издательства же, въ которыхъ принимали и принимаютъ только «своихъ», меня всегда возмущали. Уже слишкомъ ясно было, что служатъ они не искусству, а наживѣ—съ одной стороны, а съ другой—что умѣютъ «ловить моментъ» не хуже какого-нибудь Меньшикова.

Что и какъ пишетъ издаваемый авторъ, для нихъ все равно, важно только, чтобы книга очень быстро разошлась. Разговаривая съ такими господами, я всегда испытывалъ чувство острой брезгливости.

Теперь бы я могъ зарабатывать очень много, поставляя разсказы во вкусѣ «Вѣстника Европы» или какой-нибудь газеты, но лучше бѣдствовать и безъ конца ждать лучшихъ дней, чѣмъ рисовать жизнь такъ, какъ этого хочетъ кто-то другой, а не моя собственная душа.

Въ этомъ 1910 году я подписалъ условіе съ фирмой «Просвѣщеніе», и теперь судьба моихъ сочиненій въ рукахъ лицъ, завѣдывающихъ этимъ предпріятіемъ; окажутся ли они людьми дѣйствительно служащими цѣлямъ просвѣщенія или только коммерсантами,—это покажетъ будущее.

Василій Петровичъ Авенаріусъ.

I. Мои родители, какъ и многіе изъ ихъ предковъ, происходили изъ лютеранскихъ пасторскихъ семей и были оба очень начитаны въ иностранныхъ литературахъ. Отецъ, также пасторъ, былъ извѣстный въ свое время проповѣдникъ, преподавалъ въ учебныхъ заведеніяхъ и, въ качествѣ дѣйствительнаго члена Императорскаго Географическаго Общества, все свое свободное время посвящалъ разработкѣ географическихъ матеріаловъ. Мать, воспитывая своихъ многочисленныхъ дѣтей, въ то же время руководила и церковной школой отца. Постоянная умственная дѣятельность родителей отразилась и на дѣтяхъ: изъ пяти сыновей, достигшихъ взрослаго возраста, у четырехъ появилась наклонность къ умственному труду и писательству: старшій братъ мой сотрудничалъ въ «Современникѣ», но скоропостижно скончался на 26-мъ году жизни; второй, педагогъ и археологъ, участвовалъ въ педагогическихъ и археологическихъ журналахъ; третій, физикъ, писалъ статьи по своей спеціальности въ ученыхъ изданіяхъ русскихъ и иностранныхъ; я, младшій, отдался беллетристикѣ, преимущественно дѣтской *).

II—IV. Родился я 28 сентября 1839 года въ г. Царскомъ Селѣ. Такъ какъ я былъ у нихъ уже 12-мъ ребенкомъ, то родители мои, стѣсненные въ матеріальномъ отношеніи, охотно согласились отдать меня еще съ колыбели на воспитаніе брату отца, лютеранскому же пастору, женатому, но бездѣтному. Здѣсь-то, у пріемныхъ моихъ родителей, въ Царской Славянкѣ, я прожилъ первыя семь лѣтъ жизни; затѣмъ поступилъ въ церковную школу отца, откуда

*) «Какъ я сталъ дѣтскимъ писателемъ», разсказано мною въ декабрьской книжкѣ «Родника» за 1905 г.

черезъ 4 года перешелъ въ петербургскую 5-ю гимназію, а по окончаніи въ ней курса—въ университетъ. Въ Петербургѣ я жилъ сперва въ домѣ другого дяди, доктора, потомъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ братьевъ, на вольной квартирѣ, а съ 16-лѣтняго возраста — у своей матери, которая, овдовѣвъ, переселилась съ дочерьми въ Петербургъ. Но какъ изъ Царскаго Села, такъ и изъ Петербурга я на воскресенье и праздники пріѣзжалъ «домой» въ Славянку, гдѣ на деревенскомъ привольѣ проводилъ и всякое лѣто. Добрѣйшій мой дядя, любившій и баловавшій меня, какъ родного сына, первый, можно сказать, открылъ мнѣ съ ранняго дѣтства міръ фантазіи — не сказками, а разсказами изъ дѣйствительной жизни. Научившись читать, я зачитывался имѣвшимися въ дядюшкиной библіотекѣ романами Купера, Вальтеръ-Скотта, Диккенса, Бульвера, Теккерея, Александра Дюма-отца (все въ нѣмецкомъ переводѣ). Мое знакомство съ русской литературой началось въ гимназіи на 12-мъ году жизни съ «Юрія Милославскаго», котораго я перечиталъ раза три подъ рядъ. За нимъ послѣдовали: «Капитанская дочка», «Повѣсти Бѣлкина», «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», «Миргородъ» и «Мертвыя души». Поэзіей я сталъ увлекаться уже юношей и на заработанныя уроками деньги постепенно пріобрѣлъ себѣ полныя собранія сочиненій: Пушкина, Лермонтова, Шиллера, Гете, Гейне, Фета, Майкова и Щербины. Какъ у большинства молодежи, и во мнѣ нашлись отзвуки этихъ поэтовъ, особенно лѣтомъ на досугѣ. Первое мое стихотвореніе, на 16-мъ году, было посвящено «чернымъ очамъ» молоденькой кузины; а студентомъ я напечаталъ три небольшихъ выпуска своихъ стиховъ, но не для продажи, а для раздачи товарищамъ и роднымъ. Впрочемъ, ни тѣ ни другіе, какъ и я самъ, не придавали литературнаго значенія этимъ юношескимъ «пробамъ пера». Окончивъ въ 1861 году университетъ кандидатомъ естественныхъ наукъ, я, противъ собственнаго желанія, вынужденъ былъ обстоятельствами, ради вѣрнаго ку-

ска хлѣба, сдѣлаться чиновникомъ и до 23-хъ лѣтъ если и писалъ также прозой, то исключительно «отношенія», «представленія», «рапорты» и «записки».

V, VIII и XII. Появившіеся въ 1862 г. «Отцы и дѣти» Тургенева (въ то время моего любимаго писателя) дали мнѣ мысль описать, въ повѣствовательной же формѣ, студентовъ-натуралистовъ, непохожихъ вовсе на студента-медика Базарова, а такихъ, какими были мои товарищи и я самъ.

Осенью 1864 г. моя первая повѣсть «Современная идиллія» была окончена, перебѣлена и безъ вѣдома кого-либо изъ родныхъ снесена въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ». Редакторами-издателями этого журнала были тогда Краевскій и Дудышкинъ; но отдѣломъ «изящной словесности» вѣдалъ единолично Дудышкинъ. Когда я съ бьющимся сердцемъ рѣшился, наконецъ, зайти къ нему за отвѣтомъ, то узналъ отъ него, что повѣсть ему моя понравилась и будетъ напечатана.

XIII и XIV. Хотя въ повѣсти было болѣе 10-ти печатныхъ листовъ, но сколько-нибудь значительнымъ исправленіямъ или сокращеніямъ въ редакціи она не подверглась. Объясняется это, можетъ-быть, тѣмъ, что, набивъ себѣ уже руку писаніемъ «казенныхъ бумагъ», требующихъ особой точности и сжатости изложенія, я самъ исключилъ изъ повѣсти все несущественное и скучное.

XVII. Гонорара за эту мою первую повѣсть я никакого не получилъ и, какъ кажется, по собственной оплошности. Дѣло въ томъ, что едва Дудышкинъ разговорился со мной, какъ въ комнату ворвался одинъ изъ тогдашнихъ корифеевъ литературы, Григоровичъ. Понятно, что Дудышкину было уже не до начинающаго писателя.

Вспомнилъ онъ обо мнѣ только тогда, когда случайно обернулся въ мою сторону. Онъ отвелъ меня къ окну и, повторивъ, что готовъ напечатать мою повѣсть, прибавилъ:

— Мы, однако, не условились еще съ вами насчетъ вознагражденія.

«А вдругъ онъ откажется отъ нея, если я потребую плату?» мелькнуло у меня въ головѣ, и, смутившись, я пробормоталъ, что буду радъ получить хоть оттиски.

— Десять оттисковъ вы, разумѣется, получите,— отвѣчалъ Дудышкинъ и обернулся снова къ Григоровичу, который подошелъ къ нему съ какимъ-то вопросомъ.

Видя, что редактору уже не до меня, я откланялся.

Серьезная болѣзнь заставила меня, по совѣту Боткина, до вскрытія Невы уѣхать въ южную Италію. Когда я вернулся опять въ Петербургъ, повѣсть моя оказалось уже напечатанной (въ іюньской и іюльской книжкахъ «Отеч. Зап.» за 1865 г.). Я зашелъ въ контору журнала за обѣщанными оттисками. Выдававшій мнѣ ихъ конторщикъ замѣтилъ:

— Въ кассѣ есть еще, кажется, чекъ на ваше имя.

«Ну да, какъ же! Я пойду, спрошу, а кассиръ мнѣ въ лицо разсмѣется»...—подумалъ я про себя и поспѣшилъ убраться вонъ. Уже немного погодя я сообразилъ, что Дудышкинъ и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, назначилъ мнѣ какой-нибудь гонораръ. Но по природной застѣнчивости у меня не достало уже духу итти снова въ контору за справкой.

Слѣдующая моя повѣсть «Повѣтріе», оконченная осенью 1866 г., была уже оплачена. Въ «Отеч. Запискахъ» она не могла быть напечатана, потому что въ это время Дудышкинъ скончался, а Краевскій вошелъ въ соглашеніе съ Некрасовымъ объ измѣненіи направленія этого умѣренно-либеральнаго журнала въ духѣ закрытаго, между тѣмъ, оппозиціоннаго «Современника». Почти всѣ прежніе сотрудники «Отеч. Записокъ» (Писемскій, Всев. Крестовскій, Лѣсковъ, Ахшарумовъ, Аверкіевъ, Вейнбергъ и др.) перекочевали во вновь основанный журналъ «Всемірный

трудъ». Туда же отнесъ я и свое «Повѣтріе». Редакція приняла его и предложила мнѣ по 50 руб. за печатный листъ.

XIX. Журналы для взрослыхъ («Русскій Вѣстникъ», ред. Каткова, «Вѣстникъ Европы», «Живописное Обозрѣніе» и «Книжки Недѣли»), въ которыхъ я затѣмъ печатался, платили мнѣ всегда очень аккуратно; заминку же въ платежахъ нѣкоторыхъ дѣтскихъ журналовъ я объясняю тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ эти журналы не окупаютъ даже своихъ расходовъ.

XX. Мои родственники первые годы придавали значеніе только моей государственной службѣ, относясь къ моимъ литературнымъ занятіямъ какъ къ развлеченію, баловству. Изъ постороннихъ же лицъ всего сочувственнѣе отнеслись къ моей «Современной идилліи» двое: критикъ «Отеч. Записокъ» Заринъ (отецъ двухъ современныхъ беллетристовъ) и мой сослуживецъ по Министерству Внутреннихъ дѣлъ, писатель Мордовцевъ.

XXI. Подъ большей частью моихъ сочиненій, начиная съ перваго, я выставлялъ свою настоящую фамилію.

XXII. Были ли критическіе отзывы о моей первой повѣсти,—не умѣю сказать. Вторая же, «Повѣтріе», возбудила противъ меня всю передовую печать, потому что я имѣлъ неосторожность черезчуръ ужъ реально (для того времени) изобразить всю пагубность коммунизма въ любви, который съ такимъ успѣхомъ опоэтизировалъ Чернышевскій въ своемъ романѣ «Что дѣлать».

XXV. Служба доставляла мнѣ достаточныя средства для скромнаго существованія, и потому литературный гонораръ никогда не представлялъ для меня вопроса жизни. Писалъ я по неодолимой потребности «сочинять» и писалъ всегда только на интересовавшія меня самого темы. Не дорожа построчной платой, я безъ колебанія зачеркивалъ у себя цѣлыя страницы, цѣлыя главы, если при перечитываніи на-

ходилъ ихъ малозанимательными. Подневольная служебная работа, особенно въ теченіе первыхъ 20-ти лѣтъ, брала у меня очень много времени (по 10-ти, 12-ти и даже по 15-ти часовъ въ сутки). Но по поговоркѣ: nulla dies sine linea, я каждый день старался урвать хоть часъ, хоть полчаса для «вольнаго сочинительства». Въ праздничные же дни и во время лѣтнихъ отпусковъ я отдавалъ литературѣ обыкновенно все время до обѣда. Впрочемъ, долженъ сказать, что и служебныя бумаги доставляли мнѣ не только нравственное удовлетвореніе, но и своего рода удовольствіе, когда требовали болѣе сложныхъ соображеній и аргументовъ.

Наши великіе художники слова Гоголь и Тургеневъ, сколь извѣстно, переписывали свои произведенія по 8-ми разъ. Покойный пріятель мой Мордовцевъ (какъ и кое-кто изъ современныхъ нашихъ литераторовъ) писалъ сразу набѣло. Что касается меня, то, за неимѣніемъ времени для многократной передѣлки своихъ сочиненій, я смолоду еще принялъ себѣ за правило собственноручно переписывать отъ начала до конца, по крайней мѣрѣ, два раза; причемъ, чтобы имѣть возможность дѣлать вставки и поправлять слогъ, я оставляю широкія поля въ полстраницы; а когда и тѣхъ оказывается недостаточно, то прилагаю еще добавочные листы.

Для болѣе крупныхъ произведеній я составляю предварительно краткій конспектъ, который, по мѣрѣ выполненія, измѣняю и дополняю новыми сценами и этюдами. Тѣ зарождаются у меня въ головѣ совершенно непроизвольно, какъ бы по наитію свыше, особенно подъ утро, когда я еще лежу въ постели. Вставъ, я тотчасъ же набрасываю ихъ въ общихъ чертахъ на бумагу. Хотя въ ночные часы фантазія разыгрывается гораздо живѣе, ярче, чѣмъ при трезвомъ свѣтѣ дня, но зато послѣ ночной работы та же фантазія не даетъ уже заснуть; поэтому я издавна работаю по возможности только днемъ и берусь за перо регулярно съ утра. Теперь, въ старости, я, раз-

умѣется, утомляюсь скорѣе и не въ состояніи заниматься подъ рядъ столько часовъ, какъ въ молодые годы. Но ежедневный литературный трудъ и до сихъ поръ для меня такая же жизненная потребность, какъ пища и воздухъ.

Григорій Спиридоновичъ ПЕТРОВЪ.

Мое литературное рожденіе.

I.

Первую радость литературнаго успѣха и вмѣстѣ горечь обидной критики я пережилъ мальчикомъ тринадцати лѣтъ, въ бытность мою ученикомъ четвертаго класса нарвской гимназіи.

Не въ примѣръ школьнымъ воспоминаніямъ большинства учащихся, мое пребываніе въ нарвской гимназіи, отъ приготовительнаго до четвертаго класса включительно, осталось въ моей памяти одною изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ моего дѣтства.

Гимназія была молодая, только что народилась. Классы открывались постепенно. Число учащихся было ограниченное. Насъ, напримѣръ, въ четвертомъ классѣ было всего одиннадцать человѣкъ. Учителя не были загромождены скучнымъ и безплоднымъ дѣломъ переспрашиванья массы учениковъ для отмѣтокъ. Они много читали намъ въ классѣ, бесѣдовали съ нами на урокахъ запросто. Могли любовно и внимательно входить въ нашъ нѣжный, какъ лепестки цвѣтка, и слегка туманный, какъ раннее весеннее утро, міръ дѣтскихъ думъ и мечтаній.

Съ особою любовью и благодарностью я вспоминаю образы трехъ моихъ гимназическихъ учителей. Учителя географіи и математики, Михаила Андреевича Петрова, моего классного наставника и вмѣстѣ

учителя греческаго и латинскаго языковъ, Карла Карловича Галлера, и учителя исторіи и русскаго языка, Павла Игнатьевича Палецкаго.

Какъ я теперь отдаю себѣ отчетъ, они были первые въ моей жизни, кто положилъ основаніе, далъ тонъ основнымъ настроеніямъ лучшихъ сторонъ моей личности, кто предопредѣлилъ характеръ моей дѣятельности впослѣдствіи.

До гимназіи я росъ и жилъ одною растительною жизнью. Окружающая меня среда была чужда какой-либо и тѣни культурныхъ запросовъ. Грамотность и образованіе если и признавали, то съ чисто-практической точки зрѣнія. Помню, отецъ мой всегда говорилъ:

— Ну, я понимаю,—учатъ латинскому языку: кто пойдетъ въ доктора, надо рецепты по латыни прописывать. Но греческій для чего?

И такъ во всемъ. Никакихъ идей, мысли о связи съ окружающимъ міромъ, объ отношеніяхъ къ людямъ у меня не было. Была въ полномъ смыслѣ tabula rasa. Чистый листъ бумаги, — пиши, что хочешь.

И вотъ, въ первомъ классѣ гимназіи, Карлъ Карловичъ Галлеръ, отложивъ какъ-то латинскія склоненія, спряженія и исключенія, сталъ читать намъ древніе миѳы. Прочелъ миѳъ о Прометеѣ, какъ этотъ полубогъ, получивъ доступъ на небо, похитилъ тамъ огонь и принесъ эту живую и свѣтлую силу людямъ на землю.

К. Галлеръ для меня оказался также своего рода Прометеемъ. Своимъ чтеніемъ принесъ мнѣ огонь съ неба. Меня вдругъ осѣнила мысль: «Да вѣдь я же былъ дикаремъ. И окружавшіе всѣ меня дома были дикари. И тысячи крестьянъ, солдатъ, пропойцъ-босяковъ, что я видѣлъ у себя дома, на постояломъ дворѣ маленькаго уѣзднаго городка, тоже дикари. Къ нимъ не приходилъ еще Прометей. Они живутъ безъ огня. Во тьмѣ. Въ невѣжествѣ. Въ нищетѣ. Въ грубости. У «боговъ», наверху свѣтло. Вкушаютъ амвросію,

пьютъ нектаръ, поютъ Орфеи, играютъ на лирѣ Аполлоны. А внизу... Внизу все то, что я видѣлъ съ дѣтства вокругъ себя, что было сплошною тьмою».

Прометей восхитилъ меня. Я думалъ: «Онъ былъ самъ полубогъ. Имѣлъ доступъ на небо. Могъ бы самъ остаться тамъ среди боговъ, а онъ, взявъ скрываемый верхними отъ нижнихъ огонь, принесъ его внизъ, людямъ».

Мнѣ стало вдругъ все понятно. Учителя читали о древнихъ Элладѣ и Римѣ, о дикаряхъ Занзибара и Патагоніи, о лондонскомъ Сити, о рыбакахъ Григоровича, — огонь Прометея мнѣ все освѣщалъ: «Таятъ, прячутъ «верхи» огонь отъ низовъ. Оттого вверху— макаріой теой,—свѣтлые, безпечальные боги, а внизу тьма, грубая дикость. Нужны Прометеи. Прометеи и въ Занзибарѣ, и въ Сити, и на Волгѣ, и на постоялом дворѣ».

К. Галлеръ прочелъ мнѣ о Прометеѣ. Оказался Прометеемъ для меня. И меня самого потянуло къ прометейству. «Боговъ»-то вверху я еще не видѣлъ, огонь ихъ только что запримѣтилъ издалека, ну, а низы-то, тьму тамъ я зналъ хорошо. Я самъ родился тамъ. Самъ былъ выходцемъ оттуда. И моя мысль пробудилась, заработала самостоятельно. Стала искать причинъ и объясненій, почему жизнь, различныя явленія ея складываются такъ, а не иначе. Стала искать выхода изъ тупиковъ.

И вотъ, въ четвертомъ классѣ учитель русскаго языка, П. И. Палецкій, разучивъ и разработавъ съ нами стихотвореніе: «Ликуетъ буйный Римъ», задаетъ на домъ работу: разсказать предыдущую исторію раба гладіатора, какъ и почему онъ попалъ на арену.

Эта работа была первымъ моимъ самостоятельнымъ литературнымъ трудомъ. И помню, что писаніе ея доставляло мнѣ тихую радость. О писательствѣ я и не думалъ. Мнѣ просто было пріятно, что я удачно рѣшаю какую-то задачу, распутываю самъ клубокъ. Когда П. И. Палецкій, спустя нѣсколько дней, принесъ въ классъ наши работы, я не испытывалъ ни особаго волненія, ни любопытства. И когда учитель на вопросъ класса, какъ работы, отвѣчалъ, что ничего себѣ, но что одну работу хоть печатай, я провелъ глазами по классу:

— Чья бы это?

Учитель прочелъ ее и тогда я замеръ:

— Моя?

— Чья? Сколько поставили? Пять?—раздалось по классу.

— Четыре,—отвѣтилъ учитель.

— Почему?—закричали въ классѣ.—Надо пять.

— Не можетъ быть, чтобы онъ самъ написалъ,— сказалъ учитель.—Ему кто-нибудь помогалъ.

Незаслуженное подозрѣніе меня горько обидѣло. И вмѣстѣ еще сильнѣе обрадовало. Я ничего даже не возразилъ, а попрежнему, сидя молчаливо, думалъ:

— Ага! Значитъ, я такъ написалъ, что мальчикъ такъ и писать не можетъ.

И этимъ все кончилось. Я не мечталъ о своихъ литературныхъ талантахъ. И даже на минуту не подумалъ о писательствѣ въ будущемъ.

II.

Ко времени моего перехода въ пятый классъ гимназіи семейныя мои обстоятельства сложились такъ, что за меня платить было нечѣмъ. Приходилось покинуть гимназію, а меня уже потянуло «на верхъ» за прометеевымъ огнемъ. Я четырнадцатилѣтнимъ мальчуганомъ выпросился въ Петербургъ и, послѣ долгихъ исканій, совершенно случайно попалъ въ духовную семинарію съ содержаніемъ на казенный счетъ. Писалъ здѣсь много. Писалъ нѣсколькимъ товарищамъ сочиненія. Ухитрялся въ классѣ писать часовые экспромпты себѣ и еще двумъ-тремъ друзьямъ. Много работалъ надъ выработкою стиля. Но опять-таки о писательствѣ, о какой-либо литературной дѣятельности и въ мечтахъ не помышлялъ.

Меня захватывало Евангеліе. Ученикомъ второго класса семинаріи я сталъ учить Евангеліе наизусть. Я пришелъ къ мысли, что самое высшее прометейство—быть рудокопомъ въ этой горѣ истины.

Семинарская схоластика, дутая риторика, мертвыя формулы догматики мнѣ пришлись сразу не по нутру. Все это было безжизненно. Книжное. Надуманно сочиненное. Для жизни совершенно ненужное. Я рѣшилъ про себя: «Съ какой стати за этимъ на гору лѣзть? Это ненужный мнѣ огонь. А встрѣчный, по дорогѣ на гору за огнемъ, валежникъ, талая и мертвая листва. Чтобы добраться до огня на вершинѣ, необходимо пройти, перешагнуть черезъ этотъ валежникъ». И я шелъ.

Пробирался черезъ вороха семинарскаго валежника, но съ собой его не забиралъ. Очевидно, уже тогда выяснилось, что я не попутчикъ семинарской мудрости. За всѣ шесть лѣтъ семинарскаго ученья я не имѣлъ ни одного литературнаго успѣха. Большая часть отмѣтокъ, какъ равно и въ академіи послѣ, за письменныя работы была только удовлетворительна. Къ мечтамъ о литературной дѣятельности не располагала. Я съ семинарской скамьи упорно мечталъ о проповѣдничествѣ, о выступленіи съ живымъ словомъ. И юношею восемнадцати лѣтъ я уже выступалъ съ церковной каѳедры въ своемъ родномъ городѣ Ямбургѣ.

Однако первый литературный гонораръ я получилъ въ бытность студентомъ духовной академіи. Мнѣ въ руки достался отчетъ о химическомъ анализѣ восковыхъ церковныхъ свѣчъ, употреблявшихся въ петербургскихъ храмахъ. Оказывалось, что чисто-восковыхъ свѣчъ нѣтъ. Вездѣ громадная примѣсь суррогатовъ воска, параффина и церезина. Я разузналъ, что это такое—параффинъ и церезинъ, написалъ статейку и снесъ въ журналъ «Церковный Вѣстникъ». Тамъ напечатали и дали мнѣ, кажется, по восемь копеекъ за широченную строчку, всего двѣнадцать рублей съ копейками,—деньги для меня тогда громадныя.

Интересно здѣсь случайное совпаденіе. Цѣлая полоса моей начальной литературной дѣятельности впослѣдствіи ушла также на своего рода анализъ «церковныхъ свѣчъ»: я цѣлые годы занимался потомъ анализомъ идей церковнаго ученія и строя. И нашелъ здѣсь также много «церезина» и «параффина». Но «церковные вѣстники» тогда уже меня не печатали.

III.

Первымъ крупнымъ моимъ печатнымъ трудомъ было «Евангеліе, какъ основа жизни». Печаталъ его я, также не думая нисколько о литературной дѣятельности.

Въ 1893 году, пробывши уже полтора года священникомъ, я былъ приглашенъ па мѣсто настоятеля и законоучителя въ Михайловское Артиллерійское Училище. Лекціи должны были читаться по утвержденной программѣ. Но я, опираясь на то, что казенный курсъ мои слушатели обязаны были сдавать по имѣвшимся у нихъ учебникамъ, читалъ молодежи о выработкѣ нравственнаго, евангельскаго міровоззрѣнія и о нравственномъ воспитаніи воли.

Съ первой же вступительной моей лекціи моимъ постояннымъ слушателемъ сталъ начальникъ Училища и Академіи, генералъ Н. А. Демяненковъ. И послѣ первой же лекціи онъ настаивалъ:

— Ваши чтенія необходимо печатать.

Я думалъ иначе. Лично мнѣ казалось все такъ просто, а о духовной цензурѣ я предвидѣлъ, что тамъ мы не споемся. Генералъ настаивалъ и настоялъ. Я не рѣшился итти куда-нибудь въ большой журналъ. Направился въ скромный, никому невѣдомый «Вѣстникъ военнаго духовенства». Тамъ мою вступительную лекцію приняли, напечатали и дали сотню оттисковъ. На какой-то оберточной бумагѣ, нелѣпымъ канцелярскимъ шрифтомъ.

Генералъ повезъ по высокопоставленнымъ лицамъ: графамъ, князьямъ, генераламъ, между прочимъ, К. Побѣдоносцеву.

— Ну, этотъ врядъ ли похвалитъ насъ съ вами,— улыбнулся я генералу при упоминанiи Побѣдоносцева.

— Почему? Такой просвѣщенный человѣкъ!

— Увидите.

Я оказался правъ. Прошло недѣли двѣ. Генералъ видѣлся снова съ К. Побѣдоносцевымъ и мнѣ потомъ говоритъ:

— Странно: вы угадали. Старикъ разнесъ васъ и вашу лекцiю. Возмущался, что вы, священникъ, цитировали стихи Гейне. Знаете что,—мотнулъ онъ нервно плечомъ.—Бросимте печатать чтенiя далѣе. Будемъ лучше устно читать, иначе ни печатать, ни читать не придется.

Я согласился. Болѣе потому, что не считалъ свои лекцiи достойными печати.

Прошло шесть лѣтъ. Я прочелъ сотни лекцiй въ учебныхъ заведенiяхъ, въ публичныхъ аудиторiяхъ. Накопился запасъ мыслей, образовъ, всесторонне освѣщенныхъ вопросовъ моральной жизни.

Я былъ приглашенъ читать въ восьмомъ классѣ женской гимназiи. Учебника, программы чтенiй не было. Я читалъ по своему усмотрѣнiю и къ экзамену рѣшилъ дать свои записки. Печатать чтенiя опять не думалъ. Боялся и мысли выступить въ литературѣ.

Сталъ просить въ сосѣднемъ пиротехническомъ училищѣ, чтобы мнѣ отлитографировали мои лекцiи. Завѣдующiй литографiей полковникъ, Ѳ. А. Григорьевъ, прочтя первые листы, отказался литографировать. Требовалъ, чтобы я печаталъ. Между прочимъ, онъ прибавилъ:

— Съ такими лекцiями вамъ въ рясѣ не уцѣлѣть; но прочтя ваши книги, я за васъ споконенъ: если васъ и лишатъ священничества, вы найдете мѣсто въ литературѣ.

Пришлось печатать. Робко печаталъ тысячу двѣсти экз., при чемъ по пятисотъ, тысячу, взяли заранѣе артиллеристы и пиротехники. Прошло мѣсяца дватри, стали требовать «Евангелiе, какъ основу жизни» изъ книжныхъ магазиновъ. Съ удивленiемъ напечаталъ второе изданiе, три тысячи. Разошлось въ полгода. Напечаталъ третье, четвертое,—идутъ. И что обратило мое вниманiе: почему-то много требуетъ Тула? Допытываюсь и узнаю: мою книжечку прочелъ и всѣмъ рекомендуетъ Л. Н. Толстой.

Появился большой хвалебный фельетонъ В. В. Розанова въ «Новомъ Времени». Потомъ онъ же въ «Мiрѣ Искусства» за эту книгу разбранилъ меня. Какъ изъ рѣшета посыпалась «критика» духовныхъ «писателей». Особенно старался многошумливый В. Скворцевъ. Онъ нѣсколько лѣтъ перьями разныхъ авторовъ на страницахъ своего «Миссiонерскаго Обозрѣнiя» исписалъ буквально въ три - пять разъ больше, чѣмъ была самая моя книга.

По счастливой организацiи моего характера я равнодушенъ какъ къ похваламъ, такъ и еще болѣе къ порицанiямъ. Критики съ «перцемъ» на мою долю выпало въ достаточной мѣрѣ, чтобы огорчить человѣка досыта. Скворцовы, Гринянины, кн. Мещерскiй, А. Столыпинъ, М. Меньшиковъ, В. Буренинъ просыпали на меня не мало соли. И, какъ всегда водится, добрые друзья—замѣтьте, совершенно искренно и отъ чистаго сердца — первые доставляли «критическую соль».

— Читали?

— Нѣтъ.

— Прочтите: сильно бранятъ.

Я удовлетворялся сообщенiемъ и не читалъ. Не скажу, чтобы и отъ сообщенiя я оставался совершенно равнодушнымъ. Нѣтъ. Въ родѣ, какъ отъ укуса комара: пожжетъ, почешется, а потомъ и забудешь. Объясняется это, вѣроятно, моимъ личнымъ, нѣсколько, можетъ-быть, и своеобразнымъ пониманiемъ назначенiя и достоинства писателя.

Что я болѣе думаю, то сильнѣе склоняюсь къ мысли, что очень ужъ мы носимся съ писательствомъ, литературою, съ писателями и вообще съ искусствомъ. Красивыхъ поэмъ, художественныхъ романовъ, поэтическихъ страницъ написаны горы, а уродства и без-

образія жизни рядомъ съ ними живутъ и живутъ. Труды Либиха, отца земледѣльческой химіи, по-моему, стоятъ сотни поэмъ Байрона, а если бы мнѣ надо было выбирать, то я лично предпочелъ бы быть авторомъ американской деклараціи правъ человѣка и гражданина, составителемъ бюджета въ духѣ Асквита и гомруля Гладстона, чѣмъ авторомъ всѣхъ романовъ Тургенева, Толстого и Достоевскаго. Меня раздражаетъ и оскорбляетъ споръ защитниковъ преимущества красоты формы передъ содержаніемъ. Моисей былъ косноязыченъ, а братъ его Ааронъ обладалъ изысканнымъ мастерствомъ рѣчи; но на Синаѣ-то былъ, десятословіе далъ не Ааронъ, а косноязычный Моисей. Идея, мысль, содержаніе—прежде всего и выше всего. А затѣмъ и съ самыми идеями. Не всѣмъ быть творцами новыхъ идей. Великое дѣло и распыленіе старыхъ идей. Прометей принесъ чужой огонь, но онъ принесъ его тѣмъ, у кого не было ни искры, ни отблеска огня.

Ищущіе новыхъ словъ, новыхъ красокъ, новыхъ звуковъ обыкновенно говорятъ:

— Наши чувства, мысли такъ утончились, что старыми средствами нельзя выразить ихъ.

Какой самообманъ, или, еще хуже, грубое шарлатанство! Чаще всего этимъ искателямъ и на старыхъ-то языкахъ, старыми словами нечего сказать. А если и есть, что сказать, то все ли и *всѣмъ* сказано? Неужели только слушателей, что аудиторія «боговъ и полубоговъ» наверху, а тамъ внизу, гдѣ нѣтъ огня, гдѣ и не знаютъ объ огнѣ? Прометей не несъ новый огонь богамъ. Онъ отъ боговъ унесъ ихъ старый огонь. И принесъ внизъ, во тьму.

Я лично вышелъ съ низа. И увидѣлъ, и вижу, что вверху, у горсти боговъ, накоплены солнца знанія, идей, научныхъ и философскихъ истинъ. И все это только для «боговъ». Нищимъ ничего. Моя задача была и есть тащить сверху внизъ больше, больше и больше прометеева огня. На золотомъ треножникѣ, въ серебряныхъ кадильницахъ, или въ простомъ чугунѣ, въ глиняной плошкѣ будетъ прометеевъ огонь,— для меня не важно. Былъ бы огонь. Что у Прометея былъ не свой огонь, богамъ не нужный, меня также мало печалитъ. Я не «боговъ» хочу дивить. Боги и полубоги къ моей плошкѣ могутъ и не спускаться. Я съ плошкою шелъ и иду туда, откуда самъ вышелъ. Внизъ, къ сидящимъ во тьмѣ. Поэтому, что говорятъ о красотѣ и цѣнности посуды, въ которой я несу, сколько ухватилъ, прометеева огня, — меня нимало не тревожитъ. Огонь же взятъ съ чужихъ вершинъ. Какъ говорилъ А. Мюссе: «Я собралъ и несу цвѣты изъ разныхъ садовъ, отъ себя даю лишь ту нить, которая связываетъ ихъ въ букетъ».

И сознаніе того, что внизу, подъ ногами «боговъ и полубоговъ» нѣтъ ни огня мысли, ни цвѣтовъ радости и проблеска надеждъ, направляетъ всю работу моей мысли, всю мою литературную дѣятельность сюда. Здѣсь каждой прометеевой искрѣ рады, каждый работникъ дорогъ. И я радъ, счастливъ, нравственно всегда удовлетворенъ, что могу посильно работать, именно, въ этомъ направленіи. И какъ не разъ лично выражалъ благодарность моему давнему учителю, К. К. Галлеру, такъ печатно благодарю теперь, что онъ, ровно тридцать лѣтъ и три года тому назадъ, во мнѣ, мальчуганѣ, зажегъ искру прометеева огня.

Леонидъ Николаевичъ АНДРЕЕВЪ.

Я плохо знаю моихъ восходящихъ родныхъ: большинство изъ нихъ умерло, либо безвѣстно затерялось въ жизни, когда я былъ еще маленькимъ. Но насколько могу судить по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя дало мнѣ наблюденіе, мое влеченіе къ художественной дѣятельности наслѣдственно опирается на линію материнскую. Именно въ этой сторонѣ я нахожу наибольшее количество людей одаренныхъ, хотя

одаренность ихъ никогда не поднималась значитель
выше средняго уровня и часто, подъ неблагопріятн
ми вліяніями жизни, принимала уродливыя форм
Безкорыстная любовь къ вранью и житейскому вре
ному сочинительству, которой иногда страдаютъ об
татели нашихъ медвѣжьихъ угловъ, часто бывае
неразвившимся зародышемъ того же литературна
дарованія. И пылкое фантазерство, не находивш
себѣ границъ въ условіяхъ скудной дѣйствительн
сти, составляло характерную черту нѣкоторыхъ моих
родственниковъ, повторяю, уже умершихъ. Въ смысл
обычной талантливости они, оставаясь самоучкам
проявляли себя такъ: одни любили и умѣли рис
вать, но не шли дальше лошадей и турокъ въ фескахъ
другіе имѣли склонность къ музыкѣ, но другого ин
струмента, кромѣ трехрядной гармоники, не знали.

Покойный отецъ мой былъ человѣкомъ яснаго ум
сильной воли и огромнаго безстрашія, но къ худ
жественному творчеству въ какой бы то ни был
формѣ склонности не имѣлъ. Книги, однако, любил
и читалъ много, къ природѣ же относился съ глуб
чайшимъ вниманіемъ и той проникновенной любовь
источникъ которой находился въ его мужицко-помѣ
щичьей крови. Былъ хорошимъ садоводомъ, всю жизн
мечталъ о деревнѣ, но умеръ въ городѣ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о наслѣдственн
сти, скажу, что отецъ и мать поженились очень ра
но, оба были людьми здоровыми и очень крѣпкими
а отецъ, кромѣ того, отличался огромной физическо
силой. Въ городѣ отецъ умеръ рано, всего сорок
двухъ лѣтъ (скоропостижно, отъ кровоизліянія въ мо
гу), въ деревнѣ онъ могъ дожить и до ста лѣтъ.

Читать я началъ шести лѣтъ и читалъ чрезвычайн
много, все, что попадалось подъ руку; лѣтъ съ сем
уже абонировался въ библіотекѣ. Съ годами страст
къ чтенію становилась все сильнѣе, и уже лѣтъ с
десяти—двѣнадцати я началъ ощущать то извѣстно
провинціальному читателю чувство, которое могу на
звать тоскою по книгѣ. Моментомъ сознательнаго от

ношенія къ книгѣ считаю тотъ, когда впервые прочелъ Писарева, а вскорѣ затѣмъ «Въ чемъ моя вѣра?» Толстого. Это было въ классѣ четвертомъ или пятомъ гимназіи; и тутъ я сдѣлался одновременно соціологомъ, философомъ, естественникомъ и всѣмъ остальнымъ. Вгрызался въ Гартмана и Шопенгауэра, и въ то же время наизусть (иначе нельзя было) вызубрилъ полкниги «Ученіе о пищѣ» Молешотта. Къ двадцати годамъ я былъ хорошо знакомъ со всею русскою и иностранною (переводною) литературой; были авторы, какъ, напримѣръ, Диккенсъ, которыхъ я перечитывалъ десятки разъ. Вообще же любилъ и до сихъ поръ люблю только толстыя книги; и въ библіотекѣ бралъ лишь такія, при которыхъ цѣна была обозначена не меньше рубля.

Но о томъ, чтобы быть писателемъ, не думалъ, ибо чуть ли не съ самаго младенчества чувствовалъ страстное влеченіе къ живописи. Рисовалъ много (первой учительницей была мать, которая держала карандашъ въ моихъ рукахъ); но такъ какъ въ Орлѣ ни школъ, ни настоящихъ учителей не было, то все дѣло ограничивалось безплоднымъ диллетантизмомъ. Бывали удачные рисунки и портреты, за которые меня хвалили, а учителя гимназіи совѣтовали немедленно ѣхать въ академію (обычная форма совѣта была такова: чѣмъ сидѣть на камчаткѣ и протирать парту, поѣзжайте-ка... и т. д.). Но еще чаще бывали неудачи, и во всемъ, что я рисовалъ, чувствовалось отсутствіе школы, иногда простая неграмотность. Натуры я не любилъ и всегда рисовалъ изъ головы, впадая временами въ комическія ошибки: до сихъ поръ со стыдомъ вспоминаю лошадь, у которой по какой-то нелѣпой случайности оказалось всего три ноги. Все уже кончилъ, «оттушевалъ» бока, похожіе на колбасу, а четвертую ногу позабылъ, и только посторонній критическій взглядъ открылъ мнѣ мою позорную забывчивость. И до чего было обидно: прекрасно оттушеванной колбасы никто и не замѣтилъ, а надъ ногой всѣ смѣялись. Фантазировалъ я безконечно; былъ у

меня огромный альбомъ «Рожъ», штукъ триста, и года два или три я провелъ въ мучительныхъ поискахъ «демона».

О писательствѣ задумался впервые лѣтъ семнадцати. Къ этому времени относится очень характерная запись въ моемъ дневникѣ: въ ней съ удивительной правильностью, хотя въ выраженіяхъ и ребяческихъ, намѣченъ тотъ литературный путь, которымъ я шелъ и иду нынѣ... Вспомнилъ о дневникѣ случайно, когда былъ уже писателемъ, съ трудомъ нашелъ эту страничку — и былъ пораженъ точностью и совсѣмъ не мальчишеской серьезностью сбывающагося предсказанія.

Въ гимназіи къ моимъ «сочиненіямъ» относился очень благосклонно директоръ, онъ же преподаватель русскаго языка, И. А. Бѣлорусовъ.

Первый мой, однако, литературный опытъ былъ вызванъ не столько влеченіемъ къ литературѣ, сколько голодомъ. Я былъ на первомъ курсѣ въ Петербургскомъ университетѣ, очень серьезно голодалъ и съ отчаянія написалъ прескверный разсказъ «О голодномъ студентѣ». Изъ редакціи «Недѣли», куда я самолично отнесъ разсказъ, мнѣ его вернули съ улыбкой. Не помню, куда онъ дѣвался. Потомъ были и серьезныя попытки проникнуть въ литературу: посылалъ я разсказы и въ «Сѣверный Вѣстникъ», и въ «Ниву», и ужъ не помню куда, и отовсюду получалъ отказъ, въ общемъ совершенно справедливый,—вещи были плохи. Но меня эти неудачи привели къ тому, что къ окончанію университета, т.-е. къ 27 годамъ, я уже совершенно не думалъ о литературѣ и серьезно рѣшилъ стать присяжнымъ повѣреннымъ.

Но здѣсь вмѣшалась въ дѣло «случайность». Между прочимъ, самъ я «случайности» не признаю и прибѣгаю къ этому выраженію только въ цѣляхъ упрощенія разсказа. Дѣло заключалось въ томъ, что одинъ знакомый адвокатъ, знавшій о моихъ попыткахъ писательствовать и даже непосредственно знакомый съ нѣкоторыми изъ моихъ неудачныхъ разсказовъ, предложилъ мнѣ мѣсто судебнаго репортера въ газетѣ «Московскій Вѣстникъ». Какъ репортеръ я заслужилъ одобренія редакціи, мѣсяца черезъ два перекочевалъ въ только что возникшую газету «Курьеръ», а дальше все уже пошло по-писаному: сперва репортажъ, потомъ маленькіе фельетоны, потомъ большіе, потомъ робкая пасхально-праздничная беллетристика и такъ далѣе. Здѣсь мой путь, какъ мнѣ кажется, ничѣмъ не отличается отъ пути всякаго иного беллетриста, начавшаго свою литературную дѣятельность въ газетѣ. Работалъ я очень много, но въ деньгахъ нуждался: половину у меня черкала цензура, а за другую половину оставалось по тогдашней построчной платѣ не такъ ужъ много. Помню, что за разсказъ «Большой шлемъ» я получилъ 18, не то 19 рублей. Въ редакціи «Курьера» ко мнѣ относились хорошо, чувствовалъ я тамъ себя превосходно и, подпавъ подъ гипнозъ типографской краски, безо всякаго дѣла просиживалъ ночи въ типографіи съ секретаремъ И. Д. Новикомъ. Благодарную память храню я и о редакторѣ нашей газеты Я. А. Фейгинѣ.

Какъ первымъ моментомъ моего сознательнаго отношенія къ книгѣ я считаю чтеніе Писарева, такъ пробужденіемъ истиннаго интереса къ литературѣ, сознаніемъ важности и строгой отвѣтственности писательскаго званія, я обязанъ Максиму Горькому. Онъ первый обратилъ серьезное вниманіе на мою беллетристику (именно на первый напечатанный мой разсказъ «Баргамотъ и Гараська»), написалъ мнѣ и затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ оказывалъ мнѣ неоцѣнимую поддержку своимъ всегда искреннимъ, всегда умнымъ и строгимъ совѣтомъ. Въ этомъ смыслѣ знакомство съ Максимомъ Горькимъ я считая для себя, какъ для писателя, величайшимъ счастьемъ; и если говорить о лицахъ, оказавшихъ дѣйствительное вліяніе на мою писательскую судьбу, то я могу указать только на одного Максима Горькаго, исключительно вѣрнаго друга литературы и литератора. Только извѣстная сдержанность по отношенію къ нему, за-

ставляетъ меня удержаться отъ болѣе горячаго выраженія чувства признательности и чувства глубокаго единственнаго уваженія.

Постараюсь коротко отвѣтить и на остальные вопросы второстепеннаго значенія.

Первый мой разсказъ «Баргамотъ и Гараська» написанъ подъ исключительнымъ вліяніемъ Диккенса, и носитъ на себѣ замѣтные слѣды подражанія.

Серьезныхъ цензурныхъ препятствій въ моей беллетристической работѣ не встрѣчалъ. Нѣкоторыя гоненія испытывалъ уже послѣ того, какъ вещь была напечатана или поставлена въ театрѣ.

Первый критическій отзывъ, который я знаю, принадлежитъ А. А. Измайлову — онъ очень доброжелательно отнесся къ моему разсказу «Жили-были». Вообще же, до появленія перваго моего тома, критическихъ статей обо мнѣ не было.

Сейчасъ я матеріально обезпеченъ.

Александръ Алексѣевичъ ИЗМАЙЛОВЪ.

I. Родъ по отцу — духовный до прадѣда, по матери—купеческій. Литературой не занимались. И отецъ и мать были большими любителями чтенія. Отецъ зналъ нѣмецкій и французскій языки, что было для его среды почти безпримѣрно. Въ библіотекѣ его, по смерти, осталось больше иностранныхъ книгъ, чѣмъ русскихъ. Мать до глубокой старости удѣляла книгѣ все свободное время.

II. Отъ отца и матери и получена любовь къ чтенію и уваженіе къ писательству, которое стало очень ранней мечтой. Въ годы отрочества большое вліяніе оказалъ на меня мой учитель латыни Ник. Матв. Соколовъ, поэтъ, критикъ, переводчикъ Канта и позднѣе цензоръ, бывшій въ дни своего учительства явнымъ

прогрессистомъ, сотрудникомъ «Русской Мысли» и въ учительской средѣ протестантомъ.

III. Съ внѣшней стороны—почти крайняя бѣдность. У вдовы-матери было четверо неустроенныхъ дѣтей. Я остался едва трехлѣтнимъ. Съ внутренней стороны—вольное и по-своему счастливое дѣтство на городской окраинѣ, похожей на деревню. Живое общеніе съ обильной кладбищенской дѣтворой, материнская ласка, взморье, поповскіе сады, шумныя игры. Пестрыя картины городского кладбища. Впечатлѣнія разнообразныя, —духовенство, низшій штатъ, нищіе, посѣтители, своеобразная борьба за существованіе. Трагическое и смѣшное.

IV. Наблюденія, выносимыя изъ прямого общенія съ окружающей средой. Толчки фантазіи въ разсказахъ окружающихъ. Кладбищенскій анекдотъ и легенда.

V. Едва ли не первымъ разсказомъ былъ сфантазированный разсказъ, подъ вліяніемъ Гоголя, о чиновникѣ типа Акакія Акакіевича и его драмѣ изъ-за того, что въ отвѣтственной бумагѣ онъ не поставилъ шляпки надъ буквой Й,—писано безъ всякаго знанія быта. Чиновниковъ нигдѣ не наблюдалъ.

VI. Разъ былъ случай, когда во время писанія разсказа съ ужасомъ поймалъ шалость памяти: невольно пересказывалъ чужой сюжетъ,—чей, не помню. Начатое немедленно уничтожилъ.

VII. Лѣтъ семнадцати участвовалъ въ школьномъ журналѣ, гдѣ началъ разсказъ изъ быта духовенства, потомъ брошенный.

VIII. Посылалъ кой-что кой-куда. Запомнилось возвращеніе рукописи изъ ежемѣсячника «Колосья» въ самой ранней молодости.

XI. Если не считать мелочи, первый разсказъ принялъ А. К. Шеллеръ («Дамокловъ мечъ») въ «Живописное Обозрѣніе». Первый разсказъ «Дѣтство Кузьки» напечаталъ А. Е. Заринъ въ «Звѣздѣ» въ 1905 г.

XII. Никогда не могъ преодолѣть чувства стыдливости за написанное мною. Читать вслухъ свою вещь

органически не могу и никогда не читалъ. Только самую незначительную часть своихъ работъ въ рукописи давалъ читать брату и—никому болѣе никогда.

XIII. При печатаніи перваго разсказа мнѣ оказалъ несомнѣнную пользу своимъ совѣтомъ и указаніями А. Е. Заринъ. Послѣ никогда не считался ни съ чьими совѣтами или требованіями, и уже въ полномъ разгарѣ труда только разъ, печатая разсказъ въ «Вѣстникѣ Европы», долженъ былъ отбросить заключительную страницу въ «Ржавчинѣ», считаясь съ мнѣніемъ редакціи.

XIV. Не было.

XV. Объ этомъ любой газетный литераторъ можетъ написать цѣлый фельетонъ. Страдалъ отъ этого жестоко, вынужденный сдавать въ типографію первый листъ, когда второй еще писался и лишенный возможности прочесть вещь въ корректурѣ. Анекдотовъ трагическихъ и комическихъ сотни.

XVI. Начались чуть ли не со второго разсказа. «Златыя уста» были цѣликомъ запрещены для «Живописнаго Обозрѣнія». Шеллеръ принялъ ихъ со смягченіями въ «Сынъ Отечества». Слѣдомъ была цѣликомъ зачеркнута, уже набранная и оплаченная Шеллеромъ, повѣсть «На порогѣ жизни», позднѣе изданная подъ названіемъ «Въ бурсѣ». Въ спасеніи ея помогъ цензоръ Н. М. Соколовъ, посовѣтовавшій мнѣ личное обращеніе къ начальнику печати М. П. Соловьеву. Прочтя самъ повѣсть въ корректурѣ, Соловьевъ согласился съ особымъ мнѣніемъ въ комитетѣ Соколова, противъ мнѣнія цензора Пантелеева, и разрѣшилъ печатаніе. Позднѣе, при отдѣльномъ печатаніи, я много обязанъ цензору Соколову.

XVII. Получалъ по 5 коп. за строчку.

XIX. Относительно счастливъ. Были недоплаты вслѣдствіе банкротства и т. п., но крупныхъ потерь не было.

XX. Полнѣйшее сочувствіе родныхъ. Осужденіе клерикальнаго міpка. Послѣ «Бурсы» одинъ архимандритъ изъ недавняго начальства выразился: «Отогрѣли змѣю». Въ бытность мою на педагогической службѣ по духовному вѣдомству нѣкто Рункевичъ, покивая на мое духовное воспитаніе и службу, въ рѣзкихъ выраженіяхъ въ одномъ церковномъ органѣ «обличалъ» меня въ клеветѣ на духовный бытъ и школу.

XXI. Подъ фамиліей *Стрѣльбицкій* напечаталъ справку о Кремлевскихъ раскопкахъ въ Москвѣ въ «Сынѣ Отечества» еще при Куплетскомъ. Первый разсказъ «Дѣтство Кузьки» подписанъ псевдонимомъ *Смоленскій*.

XXII. Кажется, только послѣ появленія первой книжки разсказовъ «Черный воронъ» въ 1909 г. Первый отзывъ—фельетонъ въ «Волгарѣ» или «Приднѣпровскомъ Краѣ» напечатала Назарьева, за подписью *Левинъ*.

XXIII. Былъ радъ, хотя совершенно ясно видѣлъ заурядность перваго опыта.

XXIV. Первые полудѣтскіе опыты, съ которыми пробовалъ счастье, уничтожалъ сознательно. Трепещу при мысли о возможности появленія когда-нибудь въ свѣтѣ одной изъ такихъ раннихъ рукописей, оставшихся въ чьихъ-либо рукахъ. Досадую о потерѣ только одной рукописи,—разсказа «Безпокойные люди» (о ссорящихся двухъ дьячкахъ), которую затерялъ Голяховскій, и которую по переработкѣ можно было бы напечатать.

XXV. Добывалъ почти насущный хлѣбъ первыми заработками въ литературѣ. Почувствовалъ себя болѣе или менѣе устойчиво лишь съ вступленія въ члены редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей» въ 1898 г. Съ тѣхъ поръ «рѣже въ дверь мою стучится голодъ». Въ 1908 г. могъ осуществить мечту о посѣщеніи Италіи и Германіи. Но до исполненія мечты о собственной не виллѣ, а просто дачѣ подъ Петербургомъ, все-таки еще далеко.

Владиміръ Алексѣевичъ ТИХОНОВЪ.

I. Матери своей я не помню. Отецъ глубоко чтилъ литературу. Получивъ небольшое образованіе, онъ всю жизнь пополнялъ его чтеніемъ. Самъ пробовалъ писать, но не печатался. У меня хранятся нѣсколько отрывковъ изъ его сочиненій (путевыя записки). Наблюдательность и юморъ—ихъ отличительная черта.

II. Развитію моего литературнаго таланта очень благопріятствовалъ отецъ и, когда я, будучи десяти лѣтъ, сочинилъ первое стихотвореніе и, конечно, показалъ ему, онъ похвалилъ меня и, къ несказанному моему удовольствію, послалъ мои ребячьи вирши въ помѣщавшуюся въ нашемъ домѣ типографію и приказалъ ихъ набрать и напечатать на листочкахъ почтовой бумаги въ десяти экземплярахъ; такъ что я имѣлъ рѣдкое счастье видѣть первое мое произведеніе напечатаннымъ. Уже будучи глубокимъ старикомъ, онъ писалъ мнѣ, благословляя избранный мной литературный путь, называя его хотя и тернистымъ, но честнымъ. Затѣмъ, болѣе другихъ, поддерживалъ меня на литературномъ пути покойный поэтъ Михаилъ Николаевичъ Соймоновъ, указывая мнѣ на мои ошибки, давая совѣты и отмѣчая наиболѣе удавшіяся вещи... А затѣмъ покойный драматургъ Александръ Ивановичъ Пальмъ, авторъ «Стараго барина» и многихъ другихъ пьесъ, первый прочелъ мои первыя, правда, очень неудачныя пьесы—«Черный яръ» («Грѣшница»), драму, и комедію «Тина». Хотя онъ ихъ и забраковалъ, но настойчиво требовалъ, чтобъ я продолжалъ писать для театра и, главнымъ образомъ, въ области легкой комедіи. Затѣмъ Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ очень сердечно отнесся къ моей комедіи «Черезъ край» и въ особенности убѣждалъ меня не заглушать юмора, «столь присущаго моей душѣ», какъ говорилъ онъ.

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ заботливо и любовно относился къ моимъ пьесамъ. И, наконецъ, самъ Александръ Николаевичъ Островскій сердечно привѣтствовалъ меня на поприщѣ драматургіи.

Какъ видите, съ этой стороны, мнѣ жаловаться не на что.

Но зато критика все время обдавала меня холодкомъ. Не принадлежа ни къ какому литературному «кружку» или «притону», я былъ довольно одинокъ на моемъ пути и очень благодарю за это судьбу, такъ какъ это дало мнѣ возможность остаться самимъ собой, расти, цвѣсти, развиваться, вянуть и умаляться не такъ, какъ бы мнѣ предписывали разные «кружки» и «притоны», а такъ, какъ это было свойственно моей натурѣ и моему таланту. Нигдѣ одиночество такъ не желательно и не благословенно, какъ въ литературѣ.

III. Дѣтство я провелъ въ полномъ довольствѣ, почти въ богатствѣ. Молодость моя прошла бурно. Двадцати лѣтъ я былъ уже офицеромъ и сдѣлалъ турецкую кампанію 1877—78 гг. на Кавказѣ. Затѣмъ, по окончаніи войны, сейчасъ же вышелъ въ отставку и поступилъ на сцену, т.-е. сдѣлался профессіональнымъ актеромъ. Сцену я то бросалъ, то возвращался къ ней опять. Въ промежуткахъ былъ простымъ приказчикомъ по закупкѣ хлѣба и льна. Шатался, по своей службѣ, по вятскимъ и казанскимъ уѣзднымъ городишкамъ. Потомъ, нѣкоторое время жилъ во Франціи (въ г. Ниллѣ), какъ представитель одной русской экспортной фирмы; затѣмъ въ концѣ 1882 г. вернулся въ Петербургъ и уже всецѣло посвятилъ себя литературѣ. И съ этого времени узналъ, что такое значитъ настоящая нужда, такъ какъ отецъ къ тому времени уже разорился и поддерживать меня не могъ. Изъ этого видно, что «опытовъ» въ жизни моей было не мало, а такъ какъ, будучи офицеромъ, актеромъ, приказчикомъ, комми-вояжеромъ, я ни на одну минуту не переставалъ въ душѣ быть литераторомъ, то думаю, что это много способствовало обогащенію моего

писательскаго багажа и облегчало мнѣ литературную дѣятельность.

Очень трудно отвѣтить на вопросъ о первой прочитанной книгѣ. Несомнѣнно, была такая книга, но какъ она называлась—не помню. Тамъ были и стихи, и проза, ребусы и шарады и, кажется, гаданья и предсказанья. Но это не была книга для дѣтей. Яснѣе уже помню книги на нѣмецкомъ языкѣ: собраніе сказокъ подъ названіемъ «Museum»; стихотворенія Гейне въ оригиналѣ (по-нѣмецки и по-французски говорить и читать я началъ очень рано). Въ большой библіотекѣ отца моего было, между прочимъ, изданіе Смирдина: «100 русскихъ литераторовъ». Перечиталъ я и ихъ. Читалъ Шекспира (въ переводѣ) и больше всего на меня произвелъ впечатлѣніе: «Сонъ въ лѣтнюю ночь»—Оберонъ, Титанія, Пэкъ для меня были живыми существами,—Шиллеровскій «Фридолинъ» и «Пѣснь о Колоколѣ», Державинъ «Ода на смерть князя Мещерскаго», — какъ видите, довольно поэтическій винегретъ. Но сильнѣйшее впечатлѣніе производили на меня стихи Гейне, пока... не пришелъ Пушкинъ и не покрылъ всѣхъ и все.

Дѣтскихъ книжекъ, за исключеніемъ нѣмецкихъ сказокъ, я никогда не читалъ.

IV. Несмотря на то, что съ дѣтства я былъ большой руки фантазеръ, во всѣхъ моихъ произведеніяхъ, отъ первыхъ до послѣднихъ, фантазія не играетъ почти никакой роли. Я писалъ только то, что видѣлъ и пережилъ, прибѣгая къ вымыслу постольку, поскольку этого требовала техническая сторона работы. Не правда ли, какъ это мало вяжется со «Сномъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира и съ пѣснями Гейне? А между тѣмъ это такъ.

V. Такъ какъ первыя мои произведенія (не напечатанныя) были стихи, то создались они подъ впечатлѣніемъ Пушкина и Кольцова. Напечатанныя же первыя мои произведенія были «Военные очерки», и тогда я находился весь подъ впечатлѣніемъ «Войны и мира» Л. Толстого. Первыя же мои попытки драматическаго творчества «Черный яръ» — подъ впечатлѣніемъ Островскаго («Не такъ живи, какъ хочется») и Писемскаго («Горькая судьбина»); комедія же «Тина»—подъ общимъ впечатлѣніемъ тогдашняго репертуара.

VI. Такого (т.-е. совпаденія) не помню, а можетъ быть, и не знаю. Указывали, впрочемъ, мнѣ на близкое родство между моимъ «Байбакомъ» и гончаровскимъ «Обломовымъ», но вѣдь это уже не фабула...

VII. Объ этомъ я уже говорилъ выше.

VIII. Очеркъ «Сутки на очереди»—въ газетѣ «Обзоръ», издававшейся въ г. Тифлисѣ Н. Я. Николадзе, въ 1878 г. Былъ напечатанъ въ двухъ померахъ: 11 и 12 февраля того же года.

IX. Ахъ, какъ трудно отвѣтить на этотъ вопросъ! Вся моя литературная жизнь была мытарствомъ по редакціямъ, а по какимъ—даже и пересчитать трудно!

X. Возвращенныхъ рукописей было немного и всѣ онѣ, въ концѣ-концовъ, находили не тамъ, такъ здѣсь себѣ пріютъ. Затерянныхъ рукописей тоже было очень немного—три-четыре, не больше.

XI. См. § VIII.

XII. По беллетристикѣ—нѣтъ. О драматическихъ—я говорилъ выше (А. И. Пальмъ). Но слѣдуетъ еще добавить нѣсколько словъ о первой моей пьесѣ, увидавшей свѣтъ рампы Александринскаго театра въ 1884 г., а именно, о комедіи «Черезъ край». Написана она была въ 1881 г. и три года проваллялась въ моемъ чемоданѣ (въ чемоданѣ потому, что я все время былъ въ разъѣздахъ). Эту пьесу я, тотчасъ же по написаніи, прочелъ моему старшему брату. Онъ нашелъ ее никуда не годной и настоятельно совѣтовалъ мнѣ сжечь ее и развѣять даже самый пепелъ. Эта «критика» такъ обезкуражила меня, что я, правда, пьесы не сжегъ, но бросилъ ее въ свой чемоданъ, гдѣ она и валялась три года, пока мой покойный другъ, поэтъ М. Н. Соймоновъ, не извлекъ ее оттуда и не далъ ей толчка. Какъ я благословляю судьбу, что не послушался тогда моего брата! «Черезъ край»

явился краеугольнымъ камнемъ всей моей литературной дѣятельности. И сожги я его тогда, можетъ-быть, вся моя жизнь сложилась бы иначе. А такъ какъ я, несмотря на всѣ терніи, судьбою своею вполнѣ доволенъ, то и паки благословляю что-то, удержавшее мою руку отъ этого ауто-да-фе.

XIII. Всякое бывало, но очень значительныхъ, впрочемъ, нѣтъ.

XIV. Этого не помню.

XV. О, Господи! Что за вопросъ! Гдѣ ихъ не бываетъ? Впрочемъ, у меня есть лично моя одна «описка», которая нѣтъ-нѣтъ, да и смутитъ мой покой. Я написалъ въ одномъ романѣ, что мой герой сидитъ и попиваетъ *«красненькое* Liebfrauenmilch». А когда самъ увидалъ въ печати — весьма огорчился: Liebfrauenmilch—вино бѣлое и назвалъ я его «красненькимъ» не по незнанію, а по разсѣянности. И мнѣ даже, въ утѣшеніе, не оставалось попенять на редактора, который не исправилъ этой описки, такъ какъ редакторомъ журнала «Сѣверъ», гдѣ печатался мой этотъ романъ «Красота», былъ не кто иной, какъ я самъ. Это волненіе объясняется тѣмъ, что всегда и больше всего я боялся упрека со стороны читателя въ томъ, что я могу написать то, чего самъ хорошенько не знаю.

XVI. Этимъ похвастаться не могу! Были, но очень мало и все незначительные.

XVII. Нѣтъ за гонораръ, по 5 коп. за строчку. И вообще, къ стыду моему, я почти никогда и ничего не печаталъ даромъ... За все, злодѣи, платили!

XVIII. См. § XVII.

XIX. Случалось, конечно, и это, но... de mortuis aut nihil, aut bene.

XX. Относительно родственниковъ я уже говорилъ; а въ виду того, что первыя мои произведенія были такъ незначительны, то постороннія лица ни овацій мнѣ не устраивали, ни камнями не побивали, а что они обо мнѣ думали, не знаю, такъ какъ я никогда и никого о своихъ произведеніяхъ не разспрашивалъ.

Критика же меня замѣтила очень не скоро, да и то черезъ плечо.

XXI. За подписью «В Т—въ».

XXII. Первыхъ не помню. Впрочемъ, о пьесѣ «Черезъ край» наиболѣе обстоятельный и благопріятный отзывъ былъ данъ Д. В. Аверкіевымъ въ его «Дневникѣ писателя», въ 1885 г.

XXIII. Когда появилось въ печати мое первое произведеніе, т.-е. вышеупомянутый очеркъ «Сутки на очереди» и когда я своими глазами увидалъ его въ печати, меня охватилъ такой страхъ, такой ужасъ, что я передать не могу. Мнѣ казалось, что я, занявъ подъ свою особу нѣсколько столбцовъ газеты, совершилъ прямо-таки преступленіе и что теперь, несомнѣнно, всѣ будутъ ругать меня за такое нахальство: какъ, дескать, я смѣлъ утруждать вниманіе читателя своей дребеденью? И мнѣ кажется, будь это возможно, я бы скупилъ всѣ номера, гдѣ появился мой скромный очеркъ, и уничтожилъ бы ихъ. Въ эти дни я даже боялся заговаривать съ моими знакомыми. Я, такъ благоговѣвшій (и понынѣ благоговѣющій) передъ родной старой литературой, позволилъ себѣ не прошено, не звано ворваться въ нее! Нахалъ! Для современныхъ литераторовъ эти мои слова и чувства, конечно, покажутся или непонятными, или смѣшными, но изъ «стариковъ», я увѣренъ, многіе поймутъ меня. Мы любили и почитали родную литературу... Да будетъ она благословенна вовѣки!

XXIV. Объ этомъ я уже говорилъ.

XXV. Вначалѣ существовать было *очень тяжело*! Потомъ стало просто *тяжело*. Теперь, цослѣ 32 лѣтъ литературной работы, все еще — *тяжело*; а въ перспективѣ, вѣроятно, будетъ опять *очень тяжело*. Это со стороны матеріальной необезпеченности. А впрочемъ, остальнымъ всѣмъ я очень доволенъ и счастливъ, что прошелъ мою жизнь именно по этому пути, а не по какому-либо другому.

Евгеній Николаевичъ ЧИРИКОВЪ.

Родился въ г. Казани въ 1864 г., 24 іюня. Родословной никогда не интересовался и не знаю, были ли въ числѣ родственниковъ литераторы, или ихъ не было. Не слыхалъ что-то... Изъ родителей — мать очень любила книги и читала ихъ запоемъ. До поступленія въ гимназію жилъ по селамъ и уѣзднымъ городамъ, и товарищами дѣтства были крестьянскіе ребятишки и дѣти очень бѣдныхъ людей. Сказки Андерсена и Гримма были любимыми въ раннемъ дѣтствѣ. Очень любилъ ходить на рыбную ловлю и на охоту со старшимъ братомъ. Эти первыя путешествія развивали любовь къ природѣ и давали богатую пищу дѣтской фантазіи. Десяти лѣтъ влюбился въ подругу сестры и началъ царапать стихи и рѣзать вензеля на деревьяхъ. Съ 11 лѣтъ жилъ въ г. Казани, гдѣ учился въ гимназіи и университетѣ, только на рождественскія, пасхальныя и лѣтнія каникулы пріѣзжая домой. Въ гимназіи былъ надзиратель Н. Н. Шестаковъ, и ему особенно обязанъ я любовью къ книгамъ и литературѣ: онъ завѣдывалъ библіотекой, руководилъ нашимъ чтеніемъ и всѣ «пустые уроки» читалъ намъ шедевры русскихъ классиковъ и бесѣдовалъ съ нами о прочитанномъ. Въ гимназіи тогда даже въ старшихъ классахъ проходили только до Гоголя, а Н. Н. Шестаковъ читалъ намъ и Пушкина, и Гоголя, и Некрасова, а изъ иностранной литературы—Шиллера, Гёте, Диккенса. Въ IV классѣ гимназіи мы издавали рукописный журналъ «Гимназистъ», и здѣсь я писалъ очерки и сатирическіе стихи на учителей.

Пушкинъ, Гоголь, Некрасовъ, Тургеневъ — изъ русскихъ, Гюго и Диккенсъ—изъ иностранныхъ писателей—были любимыми моими въ среднихъ классахъ

гимназіи. Въ старшихъ классахъ мы уже группировались въ «кружки саморазвитія» и, подчиняясь революціонному духу того времени, читали Михайловскаго, Шелгунова, Миртова, Чернышевскаго, Писарева и обязательную, такъ сказать, для всякаго мыслящаго гимназиста беллетристику: Омулевскаго «Шагъ за шагомъ», Мордовцева «Знаменія времени», «Что дѣлать?» Чернышевскаго, «Эмма» Швейцера, «Между молотомъ и наковальней» Шпильгагена, «Кто виноватъ?» Герцена и др. Ходившая въ то время въ изобиліи «нелегальщина» уже частенько попадала въ наши «кружки», которые въ университетѣ уже формировались постепенно въ первыя ступени къ революціонной дѣятельности, завязывая знакомства съ революціонерами...

Съ 1882 г. писалъ тенденціозные стихи подъ Некрасова и любовные отъ собственнаго сердца, но держалъ ихъ въ тайной тетрадкѣ. Въ 1883 г. послалъ нѣсколько стихотвореній въ газету «Волжскій Вѣстникъ», но стихи не появлялись, а итти спрашивать о судьбѣ ихъ было очень стыдно и страшно. Осенью 1885 г., вернувшись съ каникулъ, былъ пораженъ вопросомъ товарища: «Не твои ли стихи напечатаны въ «Сборникѣ Волжскаго Вѣстника?» Покраснѣлъ, замеръ сердцемъ, отрекся, а затѣмъ побѣжалъ въ публичную библіотеку и разъ 20 перечиталъ свои стихи, находя ихъ прекрасными... Скоро, однако, разочаровался,—кто-то мнѣ указалъ на ошибки противъ ямба и хорея, и я бросилъ писать стихи. Въ 1886 г., 7 января — день, который я считаю, собственно, началомъ литературной дѣятельности, появился въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» мой фельетонъ «Рыжій» (онъ вошелъ въ «Мою книгу» дѣтскихъ разсказовъ). Нужда была у меня тогда огромная: я ходилъ зимою въ лѣтнемъ пальто и въ одѣялѣ вмѣсто пледа.

— Поди за гонораромъ!—убѣждали товарищи.

Долго не рѣшался. Брался за ручку двери въ редакціи и отходилъ. Не на что было обѣдать,— опять пошелъ.

— Что вамъ угодно?

— Принесъ еще разсказъ... Одинъ мой разсказъ вы напечатали...

— Какой?

— «Рыжій».

— А-а-а! Давайте! «Рыжій» намъ понравился... Получите гонораръ!

Стою съ краснымъ лицомъ у кассы, не считая кладу въ карманъ гонораръ и выбѣгаю вонъ...

Получилъ первый гонораръ по 2 к. за строчку, 14 съ чѣмъ-то рублей!..

Съ этого дня писательскій зудъ, съ одной стороны, а съ другой — крайняя нужда сдѣлали изъ меня постояннаго сотрудника «Волжскаго Вѣстника» и другихъ поволжскихъ газетъ. Писалъ подъ полнымъ именемъ и фамиліей.

Въ 1887 г. лѣтомъ былъ въ г. Екатеринбургѣ на выставкѣ корреспондентовъ и познакомился съ первымъ настоящимъ писателемъ, С. Каронинымъ (Н. Е. Петропавловскій), съ которымъ потомъ сошелся очень близко. И какъ человѣкъ и какъ писатель это былъ прямо святой подвижникъ: онъ внушилъ мнѣ благоговѣніе къ литературѣ и писателямъ, ибо тогда, издали, они всѣ мнѣ представлялись именно такими «святыми».

Въ 1888 г. напечаталъ очеркъ «Свинья» въ Гайдебуровскихъ «Книжкахъ Недѣли». Въ этомъ году я переѣхалъ волею судебъ и администраціи въ г. Астрахань и здѣсь удостоился узрѣть воочію Н. Г. Чернышевскаго. Онъ часто заходилъ въ редакцію «Астраханскаго Вѣстника», гдѣ я тогда работалъ.

— Это вы написали «Свинью»? — спросилъ онъ однажды при встрѣчѣ въ редакціи.

Я побагровѣлъ отъ смущенія и радости, набралъ въ грудь побольше воздуха и отвѣчалъ:

— Я, Николай Гавриловичъ!..

— Что же, и про свинью надо писать!..

— Плохо, Николай Гавриловичъ?..

— По-моему, не дурно... Про свинью лучше нельзя!.. Пишите, дарованіе есть... Темы придутъ...

Я стоялъ передъ человѣкомъ, на котораго молился въ гимназіи, и вы можете себѣ представить, какъ оглушила меня радость отъ этихъ словъ Н. Г.!!.

Да простится мнѣ маленькое отступленіе: не могу не записать небольшого эпизода, случившагося при одной изъ встрѣчъ съ Н. Г. Чернышевскимъ. Зашла рѣчь объ интеллигенціи и народѣ. Какъ же не спросить автора «Что дѣлать?»—что дѣлать теперь съ народомъ?.. Не удержался,—спросилъ, и вотъ что сказалъ Н. Г. Чернышевскій:

— Однажды, когда я жилъ въ Петербургѣ и тоже очень желалъ помочь народу, поднимаюсь къ себѣ на квартиру по лѣстницѣ, а впереди идетъ дворникъ съ вязанкою дровъ за спиной. Вижу я, что дрова, того и гляди, развалятся. Какъ же не помочь?.. Вотъ я на ходу и давай поправлять вязанку... Разсыпались дрова-то, а дворникъ меня сталъ ругать!..

Въ 1892 г. послалъ въ «Русскую Мысль» разсказъ изъ дѣтской жизни «Ранніе всходы». Получилъ отъ г. Лаврова отвѣтъ: «Написано съ несомнѣннымъ дарованіемъ, но мы не можемъ занимать нашихъ читателей героями такого возраста. Сдѣлайте вашихъ героевъ болѣе взрослыми и тогда милости просимъ!» Этотъ же разсказъ, посланный затѣмъ въ «Міръ Божій», гдѣ и былъ въ 1893 г. напечанъ, былъ встрѣченъ болѣе, чѣмъ радушно покойной Александрой Аркадьевной Давыдовой, письма которой страшно ободряли меня и окончательно привязали къ серьезной работѣ. Въ томъ же году въ «Русскомъ Богатствѣ» появился мой разсказъ «Въ лѣсу». И съ этого времени я окончательно перебрался изъ провинціальной газетной прессы въ толстые журналы. Первые критическіе отзывы появились въ журнальныхъ обозрѣніяхъ 1893 г. Помню, что очень огорчилъ меня критикъ «Недѣли», гдѣ нашла когда-то пріютъ моя «Свинья»: критикъ нашелъ мои «Ранніе всходы» безнравственными!.. Я жилъ тогда въ уѣздномъ городишкѣ Алатырѣ, недавно женился, разсказъ посвятилъ, конечно, женѣ и другъ!.. Мы читали и оба плакали...

Ольга Андреевна ШАПИРЪ.

Родилась 10 сентября 1850 г. въ Ораніенбаумѣ.

Я происхожу изъ смѣшанной семьи, въ которой всѣ пути наслѣдственной передачи совершенно очевидны. Отецъ нашъ, Андрей Петровичъ Кисляковъ, родился крестьяниномъ. Бабушка же по матери изъ шведской старинной, обѣднѣвшей дворянской фамиліи, уроженка г. Выборга. Замужъ она вышла за прусскаго выходца, о которомъ мнѣ извѣстно только, что онъ былъ необыкновенно кроткаго характера и сочинялъ нѣмецкіе стихи. Бабушка, послѣ замужества дочери поселившаяся навсегда въ домѣ зятя, буквально жила своей страстью къ чтенію и умерла 90 лѣтъ съ книгой въ рукахъ. Она тоже писала стихи и переводила русскихъ поэтовъ, но, кажется, что я была ея единственной читательницей; и никакихъ слѣдовъ отъ всего этого не уцѣлѣло. Я была ея любимицей и обязана ей жизнью. При моемъ преждевременномъ появленіи на свѣтъ, меня сочли за мертворожденную, и одна бабушка отказывалась съ этимъ помириться. При громадной опытности въ уходѣ за новорожденными (вся наша семья изъ девяти человѣкъ прошла черезъ ея руки), ей какъ-то удалось разжечь гаснущую искорку жизни. И вотъ, завернутая въ вату, я прожила первыя недѣли моей жизни на горячей «бабинькиной лежанкѣ», что вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, какъ теперь по наукѣ выращиваютъ недоношенныхъ дѣтей въ согрѣтыхъ ваннахъ.

Это типъ бабушекъ—какихъ не знаетъ наше время. Это путь *вторичнаго* семейнаго рабства: новаго подчиненія новому главѣ дома, и все тѣхъ же материнскихъ трудовъ и безсонныхъ ночей для цѣлаго поколѣнія внуковъ. Даже и представить себѣ нельзя, какъ безъ ея помощи наша мать взрастила бы своихъ 9 человѣкъ дѣтей при большомъ хозяйствѣ и неумолимой требовательности деспота-мужа. И вотъ въ этой замкнутой трудовой жизни единственной пищей для ума было чтеніе. Бабинька (какъ мы ее звали) любила читать вслухъ, читала превосходно, можно сказать, самозабвенно, не переставая перебирать руками вязальныя спицы своей работы. Страсть читать вслухъ была такъ велика, что позднѣе, когда въ домѣ появилась одна изъ первыхъ въ Россіи швейныхъ машинъ—она не смогла отказаться отъ своего единственнаго удовольствія: подсаживалась къ машинѣ и читала сквозь ея стукъ.

Для матери, равнодушной къ чтенію, то была нелегкая марка при ея хронической озабоченности. И бѣда, если она слушала недостаточно внимательно—бабинька принимала чуть не за личное оскорбленіе такое неуваженіе къ судьбамъ ея героевъ. До конца ея дней традиціоннымъ подаркомъ бабинькѣ отъ выращенныхъ ею внуковъ былъ абонементъ на Gartenlaube, Familienblatt и т. п. нѣмецкіе фоліанты.

По-русски бабинька не читала сама, и реализмъ русской литературы былъ ей не по вкусу. Она не желала переживать еще въ чтеніи ту же обыденную будничную канитель, которая, можно сказать, два вѣка душила врожденные порывы ея фантазіи.

У матери поэтическія наклонности ея родителей выразились въ любви и способности къ пластическимъ искусствамъ, въ особенности къ архитектурѣ; не даромъ же сыновья ея вышли прекрасными инженерами, и вся семья наша одарена способностью къ живописи, хоть только одинъ братъ и сестра стали художниками. Старшій братъ, кромѣ большого сценическаго таланта комика, имѣлъ даръ импровизаціи и славился въ инженерныхъ кругахъ своими застольными рѣчами въ стихахъ и экспромптами. Упоминаю объ этомъ, чтобъ отмѣтить общую артистичность и разностороннюю одаренность семьи; быть-можетъ, по шведской или германской линіи можно было бы разыскать какого-нибудь живописца или скульптора.

Воспроизводя въ своей памяти атмосферу далекаго прошлаго, я сознаю, что на всю жизнь она укрѣпила во мнѣ любовь къ труду, чувство долга, обязательность справляться собственными силами и скромность личной требовательности. Богъ вѣсть, что вышло бы изъ меня, если бы я родилась не послѣдней, а въ первыхъ рядахъ семьи, и испытала на себѣ гнетъ отцовскаго деспотизма. Но отецъ умеръ скоропостижно отъ удара 48 лѣтъ, жертвой своего бурнаго темперамента,—а послѣ его смерти поразительнымъ контрастомъ расцвѣло гуманное—скажу даже философски углубленное—свободолюбіе нашей кроткой благородной матери. Правда, никакихъ педагогическихъ теорій или пріемовъ она не вѣдала, а только въ каждомъ видѣла и берегла человѣческую душу. Была проникнута вниманіемъ и уваженіемъ къ врожденнымъ способностямъ и вкусамъ своихъ дѣтей и страшилась одного насилія, отъ котораго сама столько выстрадала. Въ ней не было ни религіозности (лютеранка), ни страстности материнскихъ чувствъ. Былъ ясный умъ и настоящее презрѣніе къ суетности и алчности.

Овдовѣвъ въ юности и ставъ полноправной хозяйкой небольшого имѣнія и только что выстроеннаго отцомъ дома въ Ораніенбаумѣ, она получила возможность приложить свои способности и силы лицомъ къ лицу съ народомъ. При своей страсти къ постройкамъ она всегда имѣла дѣло съ артелями плотниковъ, землекоповъ, маляровъ и пр. Всѣ они были ея друзья-пріятели, работавшіе *безъ ряды*, «на совѣсть», увѣренные, что Лизавета (Луиза) Абрамовна разсчитается справедливо. Не бывало у нея никакихъ недоразумѣній и съ крестьянами въ тотъ напряженный моментъ, предшествовавшій эмансипаціи. И трогательно, что ея послѣдними словами, когда она тихо умирала въ полномъ сознаніи, было: «Рабочаго человѣка я никогда не обижала».

Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ никакихъ личныхъ воспоминаній объ отцѣ. Яркая, крупная личность этого человѣка, пробившагося изъ военныхъ писарей въ аракчеевскія и николаевскія времена, запечатлѣлась скупо и формально въ кое-какихъ семейныхъ разсказахъ. О его молодости мнѣ ничего не извѣстно. Отецъ страстно любилъ и дико, безсмысленно ревновалъ жену, но, конечно, не допускалъ до откровенности въ широкомъ размахѣ своихъ предпріятій, вкусовъ и, тѣмъ болѣе, тайнъ. Эта женщина должна была быть для него существомъ другой породы,—превосходство онъ, вѣроятно, чувствовалъ,—но между ними легло прирожденное отношеніе къ женщинѣ его народной среды.

Такимъ образомъ отъ самой интересной стороны отцовской біографіи не уцѣлѣло ничего. Извѣстно только, что свою служебную карьеру онъ сдѣлалъ, благодаря покровительству избѣжавшихъ разгрома членовъ кружка декабристовъ, и служилъ частнымъ переписчикомъ у самого Пестеля, цѣнившаго въ немъ большой природный умъ и желѣзный характеръ.

Все было рѣзко и ярко въ этомъ человѣкѣ: самодурство, ревность, страсть къ игрѣ, къ лошадямъ, къ вину. Любимой его забавой было катать на рысакѣ по льду залива полумертвую отъ страха жену.

Въ Ораніенбаумѣ, гдѣ онъ служилъ по интендантству, онъ былъ извѣстенъ своими чудачествами. Заставъ неожиданно полный домъ гостей, собранныхъ въ его отсутствіе, чтобы повеселить дочерей-невѣстъ, онъ молча началъ тушить лампы и свѣчи, предоставляя гостямъ выбираться въ полной темнотѣ. Замѣтивъ, что барышни у окошка засматриваются на офицеровъ, зазываетъ проходящаго мимо знакомаго трубочиста, усаживаетъ его за чайный столъ и обращаетъ на него одного свое хозяйское вниманіе. Онъ любилъ на пари состязаться со знакомыми инженерами въ рѣшеніи задачъ, при чемъ ученые молодые люди рѣшали ихъ на бумагѣ пріемами высшей математики, а Андрей Петровичъ ходилъ по своей привычкѣ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и рѣшая въ умѣ по четыремъ правиламъ ариѳметики. Понятно, что полной и осознанной характеристикѣ личности отца мѣшала сложиться и у старшихъ дѣтей

та почтительная разобщенность съ родителями, въ какой воспитывались прежнія поколѣнія даже и въ болѣе культурныхъ семьяхъ. Ни о какой интимности съ отцомъ не могло быть и рѣчи. Ничего похожаго на теперешнее равноправное участіе дѣтей въ жизни родителей нельзя было въ то время встрѣтить нигдѣ.

Такимъ образомъ, въ моей наслѣдственности сплетаются самые крайніе контрасты: ярко-волевого темперамента и нетронутаго культурой смѣлаго великорусскаго ума и старинной культурности и артистической одаренности шведско-германской линіи. Литературныя способности передаются черезъ поколѣніе, минувъ собственную семью бабушки, и получаютъ опредѣленное выраженіе только въ моей литературной карьерѣ.

Писательская способность сказалась во мнѣ довольно поздно, 21 года, когда однажды совершенно для себя неожиданно я набросала въ нѣсколько часовъ небольшой разсказъ на тему фиктивнаго брака, входившаго въ моду среди молодежи. Психологическая сложность этого любопытнаго фрукта бурной эпохи такъ поразила мое воображеніе, что, какъ говорится, отъ избытка чувствъ заговорили уста. Это было въ 1871 г. До тѣхъ же поръ мнѣ и въ голову никогда не приходило, чтобы во мнѣ могли оказаться какія-то необычайныя способности,— отъ самой неподдѣльной врожденной и привитой воспитаніемъ скромности.

Должна сознаться, что много разъ въ моей жизни не добромъ была помянута эта пресловутая нѣмецкая добродѣтель. Несомнѣнно, что гораздо лучшую услугу могло бы мнѣ оказать отцовское безудержное «самоопредѣленіе», выражаясь по-модному. Помню только, что я всегда любила фантазировать за шитьемъ, или лѣтомъ, собирая землянику и грибы въ деревнѣ; любила поэтому и люблю и до сихъ поръ всѣ машинальныя женскія работы. Въ это время мысленно велись нескончаемые діалоги и развертывались въ образахъ цѣлыя фабулы, непроизвольно всплывавшія въ моемъ воображеніи. Но никакого значенія я этому придать не умѣла, скорѣе конфузилась такой праздной

забавы и не пробовала что-нибудь записать. Правда, въ гимназіи я славилась литературно написанными сочиненіями, да и вообще прошла курсъ трехъ старшихъ классовъ блестяще и училась со страстью (золотая медаль).

Къ большому горю моему, я по семейнымъ условіямъ могла жить въ Петербургѣ только наѣздами и потому не попала на возникавшіе въ то время высшіе женскіе курсы. Немного позднѣе, передъ замужествомъ, посѣщала публичные Владимірскіе курсы.

Къ этому же времени относится и первый разсказъ о фиктивномъ бракѣ, названный «Сгоряча». Послѣ горячаго одобренія, полученнаго отъ аудиторіи моихъ избранныхъ друзей, я по ихъ настоянію рѣшилась снести разсказъ въ редакцію «Вѣстника Европы». Разсказъ похвалили и одно время хотѣли напечатать, но въ концѣ-концовъ редакція предпочла не затрогивать щекотливой темы. Никому больше я разсказа этого не предложила и потомъ сожгла его вмѣстѣ съ первымъ большимъ романомъ, въ духѣ тенденціозной беллетристики Благосвѣтловскаго «Дѣла». Заглавія романа не помню; онъ также былъ прочитанъ избранному кружку, но, вопреки похваламъ, совершенно не удовлетворилъ автора и былъ имъ приговоренъ къ смерти.

Эти двѣ первыя вещи—единственное, что не увидѣло печати изъ написаннаго мною, и не по безнадежности, а по авторскому приговору. Позднѣе я поняла, что разсказъ «Сгоряча» вовсе не заслуживалъ такой участи, и жалѣю, что погибла эта первая творческая искорка, вспыхнувшая въ моей душѣ.

Отвѣчая на вопросные пункты анкетнаго листка, я должна сказать, что свою любовь къ чтенію въ дѣтствѣ и юности я не считаю чрезмѣрной. Любимымъ моимъ авторомъ въ ранней юности былъ Шиллеръ; потомъ Шекспиръ, Тургеневъ, Э. Золя и уже позднѣе Л. Толстой. Я читала много, но преимущественно книги научныя и на общественныя темы. Одинъ годъ, передъ замужествомъ, я завѣдывала Васильеостровскимъ отдѣленіемъ библіотеки Черкесова и при мнѣ

однажды утромъ библіотека была опечатана: это полиція отбирала только что отпечатанную «Азбуку соціальныхъ наукъ» Флеровскаго (Берви).

Въ 1872 году я обвѣнчалась съ Лазаремъ Марковичемъ Шапиръ, съ которымъ познакомилась въ Новгородѣ, куда онъ былъ висланъ съ 5 курса медицинской академіи послѣ 8-мѣсячнаго заточенія въ Петропавловской крѣпости (по связямъ съ нечаевскимъ кружкомъ). Нелегко было добиться для него разрѣшенія вернуться въ Петербургъ для окончанія медицинскаго курса, и въ этой удачѣ моихъ единоличныхъ хлопотъ сказалась упорная отцовская энергія. Мужъ мой прекрасно зналъ и любилъ литературу нѣмецкую и русскую и всю нашу жизнь былъ моимъ первымъ строгимъ и безпристрастнымъ критикомъ, всегда поддерживая во мнѣ серьезное и безкорыстное отношеніе къ писательскому призванію.

Замужество и ежедневная переводная работа въ газетахъ («Биржевыя Вѣдомости» Трубникова и «Новое Время» Нотовича), необходимая, чтобы существовать въ Петербургѣ до окончанія Академіи, отвлекли меня отъ первыхъ беллетристическихъ опытовъ. Однакожъ этотъ промежутокъ въ 2—3 года былъ самымъ важнымъ для моего личнаго развитія, по общенію съ передовыми кружками. Одно время мы жили въ общей квартирѣ съ А. П. Успенской, рожденной Засуличъ, мужъ которой былъ сосланъ въ каторгу по процессу Нечаева; въ то время она училась акушерству для того, чтобы послѣдовать за мужемъ съ маленькимъ сыномъ. Многіе изъ тогдашнихъ нашихъ сожителей и знакомыхъ фигурировали впослѣдствіи въ большихъ политическихъ процессахъ, когда насъ медицинская дѣятельность Лазаря Марковича увлекла далеко на югъ. Съ другой стороны, мои гимназическія связи сблизили меня съ женскимъ такъ называемымъ «Корниловскимъ» кружкомъ, изъ котораго вышли многія блестящія піонерки высшаго женскаго образованія (Ф. М. Берлинъ-Кауфманъ, Н. К. Скворцова-Михайловская, Н. Ф. Литвинова, сестры Кароли и др.).

Только очутившись въ глуши и тишинѣ Царицынскаго уѣзда, Саратовской губерніи, я снова и уже навсегда отдалась литературной работѣ. Романъ «Одна изъ многихъ» былъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», но не былъ первымъ, что появилось за моимъ именемъ въ печати. Третья часть романа признана была нецензурной и колебанія длились до тѣхъ поръ, пока М. Е. Салтыковъ не положилъ: напечатать только двѣ первыя части романа. Подъ второй частью стоитъ его собственноручная приписка: «Выдержала ли Ева и что сталось съ Нѣженскимъ, я постараюсь разсказать впослѣдствіи». Однакожъ этого не случилось, и 3 часть романа (неизданнаго и отдѣльнымъ изданіемъ) лежитъ и сейчасъ въ рукописи. Пока длились всѣ эти колебанія и переговоры, П. А. Гайдебуровъ напечаталъ въ «Книжкахъ Недѣли» маленькую повѣсть «На порогѣ жизни». Вотъ съ этого 4 января 1879 года, я уже непрерывно печаталась во всѣхъ прогрессивныхъ большихъ журналахъ и только изрѣдка въ газетахъ.

На вопросы, поставленные анкетой, должна сказать, что писательская карьера моя развивалась равномѣрно, изъ собственныхъ данныхъ моего дарованія безъ помощи чьихъ-либо стороннихъ воздѣйствій. Отчасти вслѣдствіе долгаго отсутствія изъ Петербурга, мнѣ не посчастливилось познакомиться ни съ кѣмъ изъ моихъ великихъ современниковъ. Отношеніе редакцій къ начинающему автору, работу котораго они охотно печатали, я принуждена назвать сухо формальнымъ. (За исключеніемъ горячаго интереса Павла Александровича Гайдебурова, любившаго выводить на большую воду нарождающіеся таланты).

Впрочемъ, въ значительной степени это слѣдуетъ приписать моему собственному неумѣнію сближаться и легко дружиться. Всецѣло преданная моему призванію и независимая во всѣхъ моихъ воззрѣніяхъ, я не примѣшивала къ любимому дѣлу личныхъ тщеславныхъ цѣлей. Ни похвалы, ни порицанія не могли отклонить отъ осознаннаго пути: никогда не поддѣ-

лываться подъ «мужское перо», признавая, что дѣйствительно цѣннымъ вкладомъ можетъ быть только то, что я говорю отъ лица женщины. То, что открыто только женщинѣ въ вѣчной проблемѣ любви, во взаимоотношеніяхъ членовъ семьи и поколѣній и въ общественномъ безправіи женщины. Ироническій ярлыкъ «дамской беллетристики» настолько самоочевиденъ для такой программы, что, сознаюсь, меня скорѣе даже удивляло, если я не встрѣчала его въ критической замѣткѣ. Должна сказать, что и посейчасъ меня удивляетъ, какъ мало *вниманія* удѣляется подлинному голосу женскихъ опредѣленій жизни. Вѣдь очевидно же, что перспектива рисуется совершенно различно съ разныхъ позицій созерцающаго. Но мужской умъ не сомнѣвается въ своемъ исчерпывающемъ проникновеніи въ женскую психологію и не любопытенъ къ женскимъ наблюденіямъ и къ суду ея надъ ними. Да, вотъ это всегда удивляло меня: пренебреженіе къ затаенному, къ неуслѣдимому, трудно поддающемуся опредѣленію въ интимныхъ переживаніяхъ иной психики. как вас описают!

Оставаясь вѣрна основной цѣли, я отнюдь не чуждалась болѣе широкихъ темъ и не могу считать себя «пѣвцомъ любви», какъ выразился кто-то изъ моихъ критиковъ. Любовь, какъ таковая, не занимаетъ первенствующаго мѣста въ моихъ книгахъ. Послѣдній напечатанный романъ «Въ бурные годы» (1866—1877 гг.) пролежалъ въ рукописи семнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ стало возможнымъ его напечатать. Онъ писался по достовѣрнымъ даннымъ и впечатлѣніямъ близкихъ знакомствъ, документовъ и личныхъ переживаній автора. Считала долгомъ моей писательской совѣсти посильно освѣтить замѣчательную эпоху, отразившуюся въ литературѣ почти исключительно въ клеветническихъ искаженіяхъ и пасквиляхъ. До тѣхъ поръ, пока съ романомъ знакомились по рукописи, онъ встрѣчалъ единодушные лестные отзывы какъ редакцій, такъ и всѣхъ выдающихся знатоковъ эпохи — какъ «объективное и жизненное воплощеніе въ образахъ

духа того времени». Но вотъ покойный В. А. Гольцевъ въ 1906 г. далъ мѣсто старому знакомцу на страницахъ «Русской Мысли», а въ 1907 г. я выпустила романъ отдѣльнымъ изданіемъ. Сознаюсь, для меня было величайшимъ разочарованіемъ глубокое молчаніе, какимъ приняла его критика: ни одинъ изъ журналовъ, «сожалѣвшихъ», что не могутъ напечатать его по цензурнымъ условіямъ, не рекомендовалъ его вниманію читателя хотя бы бѣглой замѣткой, ни одна изъ авторитетныхъ и дорогихъ мнѣ похвалъ не прозвучала въ печати... Правда, незабвеннаго Н. К. Михайловскаго тогда уже не было въ живыхъ!

Въ этой единственной моей автобіографіи я не могла не коснуться этой больной раны моей писательской судьбы. «Въ бурные годы», несомнѣнно, самое крупное по замыслу и лучшее по осуществленію изъ всего написаннаго мною за 30 лѣтъ. Появившись какъ разъ въ моментъ рѣзкаго перелома литературныхъ вѣяній, въ наплывѣ волны молодыхъ талантовъ, романъ особенно нуждался въ авторитетной рекомендаціи его вниманію молодежи, и я позволяю себѣ считать это желательнымъ не столько въ моихъ авторскихъ интересахъ, сколько въ интересахъ ознакомленія съ эпохой, погребенной подъ могильной плитой цензурныхъ печатей. Авторъ, проработавъ надъ романомъ пять лѣтъ, даже и не могъ въ то время надѣяться напечатать его при жизни.

Слѣдуя далѣе параграфамъ анкеты, должна сказать, что ничто изъ напечатаннаго не подвергалось переработкѣ по требованіямъ редакціи, равно какъ и сокращеніямъ,— все напечатано въ томъ видѣ, какъ сдавалось въ редакцію. Гонораръ мой не поднимался выше 200—250 руб. Неоплаченной (кромѣ, конечно, вещей, данныхъ мною въ благотворительные сборники) осталась только одна большая повѣсть вслѣдствіе краха изданія. Двѣ мои драмы «Два момента» и «Глухая стѣна» шли на сценахъ Императорскихъ театровъ со среднимъ успѣхомъ.

Самовознесение на литературный Олимп

Всё это и есть типичная „дамская беллетристика"

Клавдія Владиміровна ЛУКАШЕВИЧЪ.

(Странички прошлаго изъ воспоминаній дѣтства).

Это далекое прошлое я помню какъ въ туманѣ... Тамъ было много горя... Но тамъ было и свѣтлое хорошее, что согрѣвало дѣтскую душу и не давало ей возможности преждевременно зачерствѣть. Сколько умныхъ, добрыхъ, благородныхъ личностей вспоминается мнѣ изъ моего далекаго прошлаго; ихъ уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ... Нѣтъ моихъ отца, мамы, любимой няни, нѣтъ бабушки и дѣда, нѣтъ и взрослыхъ серьезныхъ друзей, которые удѣляли вниманіе и заботы мнѣ, тогда еще маленькой дѣвочкѣ, и заложили въ мою душу лучшія мысли и чувства, заложили умѣнье и любовь трудиться, закинули тѣ драгоцѣнныя искорки литературнаго дарованія, которыя такимъ счастьемъ озаряютъ всю мою жизнь и даютъ мнѣ неизсякаемый источникъ нравственнаго удовлетворенія и радости. Спасибо вамъ, милые, родные, незабвенные друзья! Въ минуту жизненной борьбы и горя вы встаете передо мной, какъ живые, укрѣпляете во мнѣ бодрость и вѣру въ людей и вдыхаете любовь ко всему, что есть лучшаго и свѣтлаго въ жизни.

* * *

Я помню поздній вечеръ... Въ маленькой низкой комнатѣ съ однимъ окномъ собралось человѣкъ восемь-девять. На кругломъ столѣ стоялъ самоваръ. Онъ былъ необыкновенный: круглый какъ шарикъ и съ тонкой подставкой внизу. На крышкѣ у него вмѣсто деревянныхъ шишечекъ красовались двѣ металлическихъ пуговицы. Я знаю, что ихъ придѣлалъ мой папа. Кранъ у самовара тоже былъ необыкновенный,

сдѣланный изъ старой мѣдной ручки отъ комода. Это тоже придѣлалъ папа. На этомъ самоварѣ стоялъ чайникъ съ отбитымъ носикомъ, но носикъ былъ придѣланъ изъ олова. Какая-то кожаная сухарница была въ двухъ мѣстахъ заклеена клеенкой, тарелки и блюдце были склеены. Все это было сдѣлано моимъ отцомъ. Отецъ мнѣ казался чародѣемъ: онъ все умѣлъ сдѣлать: оклеить всю квартиру новыми обоями, переобить заново всю мебель, починить остановившіеся часы; онъ умѣлъ даже сшить намъ сапоги и платья. И всякое дѣло кипѣло въ его проворныхъ и умѣлыхъ рукахъ. Меня, какъ двѣ капли воды похожую на него, онъ любилъ какъ-то особенно горячо и нѣжно. Онъ всегда говорилъ, что самъ вырастилъ меня на рожкѣ, самъ пеленалъ, купалъ, а затѣмъ и училъ. Отецъ былъ малороссъ, сынъ обѣднѣвшаго помѣщика, человѣкъ образованный и умный. Онъ окончилъ университетъ по камеральному факультету и дома много читалъ и занимался для самообразованія. Но это былъ человѣкъ необыкновенно тихій и кроткій, очень молчаливый и застѣнчивый. Вѣроятно, эти нежизненныя качества и погубили его жизнь. Главное счастье жизни онъ видѣлъ въ семьѣ, въ дѣтяхъ, въ своемъ скромномъ уголкѣ. Маму онъ обожалъ. Онъ служилъ въ какомъ-то департаментѣ. Я помню, какъ, приходя со службы, онъ—такой застѣнчивый и кроткій—цѣловалъ мамѣ руки, голову, лицо, становясь передъ ней на колѣни, говорилъ ей самыя нѣжныя слова. Это бывало ежедневно и очень удивляло мою младшую сестру. Однажды, глядя на ласки отца, она проговорила фразу: «Ужъ какъ папа надоѣдаетъ мамѣ». Все свое свободное время отецъ отдавалъ семьѣ: онъ занимался съ нами, шилъ, дѣлалъ въ домѣ поправки, иногда даже стряпалъ, и благодаря ему въ нашей жизни не чувствовалось нужды. А жили мы очень бѣдно: отецъ получалъ крошечное жалованье и приходилось разсчитывать каждую копейку. У насъ была квартира въ четыре комнаты, и двѣ лучшія отдавались жильцамъ; въ двухъ остальныхъ помѣщались отецъ, мать и мы, три дѣвочки...

* * *

... Однако я отвлеклась... Я вспомнила этотъ вечеръ. За самоваромъ я вижу мою маму. Какая она молодая, красивая, веселая. Она полная противоположность отцу: онъ блондинъ, она брюнетка. Онъ тихій, кроткій, молчаливый. Она такая шумная, разговорчивая, живая, вспыхиваетъ какъ огонь и часто заразительно смѣется. Я восторгаюсь моей мамой и больше всего въ жизни жажду ея любви и ласки. Но она бывала всегда такъ скупа на нихъ...

... Я опять отвлеклась... Мама наливаетъ чай въ кружку съ краснымъ цвѣточкомъ и подаетъ ее Николаю Ивановичу. Николай Ивановичъ Наумовъ хозяинъ этой комнаты. Онъ былъ тогда у насъ жильцомъ. Какъ теперь помню его: высокаго роста, рыжеватый, съ необыкновенно маленькой головкой. Онъ говорилъ тонкимъ голосомъ умно и ѣдко. Кромѣ него, тутъ былъ Николай Александровичъ Благовѣщенскій, тоже нашъ жилецъ, еще сибирякъ — Михаилъ Яковлевичъ Писаревъ,—мой дядя, двоюродный братъ мамы, тогда еще юный студентъ Иліодоръ Пальминъ, и еще какая-то молодежь. Но кто—теперь не помню.

Я знала, что и Николай Ивановичъ и Николай Александровичъ—писатели. И что собираются у нихъ всегда тоже писатели. Мама всегда бывала въ ихъ компаніи, отецъ очень рѣдко. И если онъ бывалъ, то обыкновенно застѣнчиво молчалъ, а мама всегда спорила, горячилась, что-то доказывала, къ чему-то рвалась. Они, всѣ тогда еще совсѣмъ молодые люди, всегда спорили, горячились, кричали, иногда даже ссорились. Они употребляли тогда часто незнакомыя мнѣ слова: «нигилистъ», «эмансипація», и слова эти почему-то казались мнѣ бранными. Собираясь то въ комнатѣ Николая Ивановича, то Николая Александровича, молодые люди часто что-нибудь читали. Если гости собирались у Николая Ивановича, я неизмѣнно пробиралась въ его комнату и садилась въ уголъ на старое, рваное кожаное кресло. Изъ него торчала пружина и мочала, но это не мѣшало ему быть моимъ любимымъ мѣстопребываніемъ... Затаивъ дыханіе, я не спускала глазъ съ говорившихъ и слушала, жадно слушала эти бесѣды. Это были счастливыя минуты моего дѣтства. Въ этомъ креслѣ я прослушала много разсказовъ Николая Ивановича Наумова, очерковъ Благовѣщенскаго, статей Помяловскаго, стихотвореній дяди Иліодора Пальмина. Но въ моей восьмилѣтней головѣ оставался какой-то невообразимый сумбуръ и полное непониманіе того, что происходило. Я не боялась этихъ шумныхъ споровъ и криковъ, напротивъ, ихъ очень любила; особенно мнѣ нравилось, когда говорила мама. Она говорила страстно, убѣдительно, всегда почему-то заступалась за женщинъ, часто повторяла слова: «это право женщины», «женщина перестала быть рабой»... И это мнѣ очень нравилось, хотя я не понимала, что это значитъ и чего хочетъ мама.

Изъ всѣхъ этихъ людей я не любила только Николая Александровича Благовѣщенскаго; онъ никогда не сдѣлалъ ни мнѣ, ни сестрѣ никакого зла, не сказалъ рѣзкаго слова, но у насъ съ сестрой была какая-то инстинктивная нелюбовь къ нему. Это былъ человѣкъ сумрачный, нелюдимый и, помимо воли своей, причинившій намъ, дѣтямъ, первое горе. Онъ сталъ заниматься науками съ нашей молоденькой, неустойчивой матерью, онъ развилъ ее, направилъ ее на путь знаній, труда и новыхъ идей о женскомъ правѣ. Она увлеклась имъ и оставила насъ съ отцомъ осиротѣлыми, но всегда горячо ее любящими и по ней тоскующими...

* * *

Въ тотъ памятный вечеръ... одинъ изъ многихъ подобныхъ вечеровъ, Николай Александровичъ Благовѣщенскій читалъ свои очерки о монастырской жизни на Аѳонѣ. Онъ читалъ плохо, невнятнымъ голосомъ, тянулъ и мямлилъ. Я сидѣла на кожаномъ

креслѣ и слушала. Я смутно помню какіе-то ужасы монастырской жизни. Помню, что онъ читалъ про строгій монастырь, куда не пускали женщинъ... Про монаховъ, которымъ было невыносимо тяжело, про отца Анатолія, очень хорошаго, мечтавшаго о прошломъ, отца Василія, Сергѣя... Всего не припомню, но жизнь на Аѳонѣ меня поразила своими ужасами. На меня никто не обращалъ вниманія, никто не замѣтилъ, что я пробралась въ свой любимый уголокъ. Вдругъ внимательный взоръ моего друга Николая Ивановича скользнулъ по мнѣ. Онъ всталъ, подошелъ и тихо сказалъ:

— Клавдюша, что ты тутъ дѣлаешь?

— Слушаю,—шопотомъ отвѣтила я.

— Иди спать. Ужъ очень поздно,—еще тише шепнулъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, не пойду! Оставьте меня... Уйдите!..— Я такъ боялась, что онъ меня выдастъ, и мама замѣтитъ меня и прогонитъ спать.

Въ то время мнѣ было 8 лѣтъ.

Къ сожалѣнію, я смутно помню подробности этихъ интересныхъ собраній, бесѣдъ, чтеній и споровъ. Я такъ мало и короткое время пользовалась вниманіемъ и ласками этихъ людей, ставшихъ потомъ извѣстными. Въ этихъ маленькихъ комнатахъ бывали и Николай Ивановичъ Костомаровъ, знаменитый историкъ, и Писаревъ (критикъ), и Благосвѣтловъ и многіе другіе писатели того времени. Всѣ они ласкали и баловали маленькую бѣленькую дѣвочку, такъ жадно ихъ слушавшую. Но я скоро ихъ лишилась; лишилась и моей матери. И воспоминанія эти смутны и тревожны. Но я все-таки увѣрена, что именно мое присутствіе на шумныхъ спорахъ и чтеніяхъ въ маленькой комнаткѣ Наумова, именно всѣ эти люди оставили первые неизгладимые слѣды на пробуждавшемся дѣтскомъ сознаніи и заронили проблески любви къ писательству, къ роднымъ писателямъ и къ родной литературѣ.

*
* *

Если мама случайно открывала мое присутствіе на литературной бесѣдѣ, она всегда звала отца, пріоткрывъ дверь въ сосѣднюю комнату.

— Володя, Володя, возьми Клавдію. Не знаю, когда она сюда забралась. Я не замѣтила. Ну, развѣ возможно ребенку сидѣть до часу...

Отецъ неизмѣнно или читалъ, или работалъ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ входилъ за мной смущенный и печальный, бралъ за руку и уводилъ. А я бросала сердитый взглядъ на Николая Ивановича, выдавшаго меня. Онъ ласково кивалъ своей маленькой головкой и улыбаясь говорилъ: «Завтра приходи ко мнѣ, Бѣляночка, и мы съ тобой помиримся».

Папа самъ укладывалъ меня спать и лаская приговаривалъ: «Дѣточка, я очень огорченъ, что ты туда ушла... Тебѣ надо спать... Ты слабенькая, опять будетъ головка болѣть. Я думалъ, что мама тебя давно уложила. А ты вотъ какъ огорчаешь папу. Ложись и спи скорѣе»...

Папѣ легко было сказать «спи». А спать-то я совсѣмъ не могла и проводила часто ночи совершенно безъ сна. Мы съ сестрой спали въ той же комнатѣ, гдѣ отецъ и мать. И это была непоправимая ошибка родителей, допустившихъ это. Они, конечно, думали, что я, утомленная позднимъ сидѣніемъ, сплю, какъ убитая, но я не спала, слушала всѣ ихъ разговоры, и многое такое, о чемъ дитя не должно имѣть и понятія. Мнѣ было такъ интересно слушать, что они говорятъ, и я лежала, затаивъ дыханіе, и ни однимъ движеніемъ не выдавала своей безсонницы.

Трудно в это поверить

Мама всегда поздно приходила съ вечеринокъ нашихъ жильцовъ. Отецъ дожидался ея. Онъ былъ очень взволнованъ и печаленъ и начиналъ упрекать маму. Они ссорились. Онъ ее уговаривалъ, ласкалъ, умолялъ, то опять упрекалъ... Иногда онъ сердился, но какъ-то тихо, кротко, безшумно, иногда даже плакалъ.

— Ты ни себя, ни меня, ни дѣтей не жалѣешь,— говорилъ отецъ.

— Я ничего не дѣлаю дурного,—возражала мама.— Всю жизнь въ работѣ, въ бѣдности, безъ образованія... Въ такой сѣрой жизни — понимаешь, меня томитъ, сосетъ тоска... Я хочу свѣта, знанія и буду, буду ходить на эти вечеринки... Я хочу учиться... Я не раба...

— Да, конечно, ты не раба, но прежде всего ты— мать. У насъ трое дѣтей и крошечныя средства, надо вырастить дѣвочекъ, дать воспитаніе... А дѣти не могутъ быть досмотрѣны, умыты, причесаны, накормлены, когда мать занимается только своими интересами, своимъ самообразованіемъ, своими удовольствіями... Клавдя, моя милая, надо поступиться своими радостями ради дѣтей,—говорилъ огорченный отецъ.

— Я не могу быть хорошей матерью,—сама ничего не знающая, я не могу быть другомъ своихъ дѣтей безъ малѣйшаго образованія, не умѣющая отвѣтить ни на одинъ вопросъ...—возражала мать.

— Я тебѣ не запрещаю учиться, но всему же есть мѣра... Нельзя же забросить мужа, дѣтей, домъ, вѣчно читать, учиться, вѣчно быть въ комнатѣ чужихъ людей... У тебя есть свой домъ, свои обязанности,—кротко и ласково говорилъ отецъ.

А мама горячилась, ужасно волновалась и даже кричала:

— У тебя отсталый взглядъ... Ты отнимаешь отъ женщины всѣ человѣческія права, дѣлаешь ее только нянькой, кухаркой, рабой... Между тѣмъ мы также хотимъ трудиться, стать наравнѣ съ вами... Если тебѣ трудно зарабатывать достаточно на семью, то и я, научившись чему-нибудь, могу работать. Я хочу работать и приносить пользу и тебѣ и дѣтямъ...

Мама говорила горячо, долго и убѣжденно. Отецъ смягчался и начиналъ ласкать ее и уговаривать.

— Клавдя, моя милая, ненаглядная, моя женушка, имѣя дѣтей, надо прежде всего трудиться на нихъ... А потомъ уже какъ Богъ дастъ.

— А ты недоволенъ тѣмъ, что я учусь, работаю надъ самообразованіемъ, нахожусь въ такой свѣтлой и умной компаніи... Что эти люди обращаютъ на меня вниманіе—для меня это величайшее счастье и гордость. Я считаю это особой милостью судьбы.

— Ахъ, Клавдя, Клавдя, милая ты моя женушка, уста твои говорятъ одно, а въ сердцѣ у тебя другое... Люблю я тебя, страдаю и боюсь за наше счастье...

Отецъ называлъ маму самыми нѣжными именами, лаская уговаривалъ и умолялъ... А дѣтскія уши все слышали, голова работала много, неугомонно... И я понять не могла, кто же изъ нихъ правъ: отецъ или мать?

***

Послѣ такихъ вечеринокъ, послѣ безсонныхъ ночей, на другой день, я, взволнованная до крайности тихонько пріоткрывала дверь въ комнату своего друга Николая Ивановича, пробиралась на кресло и заискивающе посматривала на него. Онъ всегда писалъ, низко пригнувъ голову къ своей рукописи.

— Что скажешь, Бѣляночка?—спрашивалъ онъ. (Такъ называла меня покойная няня за мои свѣтлые какъ ленъ волосы, такъ называли меня дома и такъ называлъ меня Наумовъ въ добрыя минуты).

— Я опять стихи сочинила, Николай Ивановичъ,— заявляла я съ гордостью.

— Ну, говори, какіе.

— Я сочинила про свою няню Пелагею.—Я начинала говорить съ волненіемъ и паѳосомъ.

Мой другъ улыбался и гладилъ меня по головѣ. Иногда онъ сомнѣвался и говорилъ:

— Ты выдумываешь, Клавдюша, эти стихи не твои... Это чьи-нибудь чужіе.

— Нѣтъ, мои, мои... Спросите у всѣхъ. Я сама ихъ сочинила. Я буду писательницей.

Я волновалась и увѣряла, что стихи мои. Вспоминая теперь мое прошлое, я дѣйствительно думаю,

что къ своимъ стихамъ я придѣлывала цѣлыя чужія строфы.

Я всѣхъ просила себѣ что-нибудь почитать. Мнѣ много читали вслухъ отецъ, мама, тети, дѣдушка, иногда и Николай Ивановичъ. Память у меня была удивительная. Еще не умѣя читать, я знала наизусть «Конька-Горбунка», «Кота въ сапогахъ», «Семь спящихъ дѣвъ» и много другихъ поэмъ и сказокъ. Стихи я слагала очень легко и свободно, и съ сестрой моей часто вела цѣлые разговоры стихами. На эту мою способность тогда не обратили вниманія. Стиховъ я «сочиняла», какъ сама говорила, множество. И даже на литературное поприще выступила стихами. Но поэтическія произведенія никогда не удовлетворяли меня и скоро стали казаться наборомъ риѳмъ. Дѣйствительно, они были слабы; не было яркихъ образовъ, живыхъ описаній, силы и красоты... Сознавъ это, я навсегда оставила поэзію и обратилась къ прозѣ.

Однако я опять отвлеклась... Мой добрый взрослый другъ, Николай Ивановичъ былъ не только цѣнителемъ моихъ первыхъ литературныхъ произведеній, но и учителемъ на порогѣ первыхъ дѣтскихъ жизненныхъ запросовъ. Эти запросы волновали меня гораздо болѣе, чѣмъ литературныя произведенія и всѣ мои дѣтскія дѣла и игры...

— Николай Ивановичъ, я думаю, что женщина не должна много учиться,—сказала я ему однажды.

Николай Ивановичъ тряхнулъ рыжими волосами, взглянулъ на меня строго и удивленно и задумчиво произнесъ:

— Кто тебѣ сказалъ подобную нелѣпость?

— Это сказалъ папа. Онъ еще сказалъ, что женщина должна трудиться для своихъ дѣтей, а не для чужихъ,—говорила я, по-своему освѣтивъ разговоръ родителей и слова отца.

Я не помню, что отвѣчалъ мнѣ на это Николай Ивановичъ, но онъ всегда горячо стоялъ за трудъ, за просвѣщеніе женщины и былъ на сторонѣ мамы.

Я шла къ нему постоянно съ моими литературными произведеніями и со сложными жизненными вопросами, которые терзали, мучали меня и не давали покою.

Но не всегда мой добрый другъ встрѣчалъ меня въ своей комнаткѣ ласково. Иногда его лобъ былъ сморщенъ складками, глаза задумчиво устремлены въ даль; онъ не писалъ, а сидѣлъ, положивъ голову на руки, грызъ перо и думалъ...

Я не любила его такимъ задумчивымъ. Но войдя тихонько въ его комнату и набравшись храбрости, я пробовала завязать разговоръ...

— Николай Ивановичъ, что это значитъ: «женщина не раба, а человѣкъ»?

Николай Ивановичъ сначала смотрѣлъ на меня удивленно, точно не узнавая. Потомъ, вдругъ очнувшись, машинально спрашивалъ:

— О чемъ ты тутъ толкуешь?

— Мама всегда говоритъ, что «женщина не раба»... А папа говоритъ, что «женщина прежде всего мать».

— Ахъ, Клавдя,—досадливо возражалъ Николай Ивановичъ,—уйди, пожалуйста, и не мѣшай мнѣ думать и писать.

Какъ сильно обижалась я тогда на него! До сихъ поръ не могу забыть боли этой смѣшной дѣтской обиды.

— Охъ, какой вы важный!—говорила я сердито, пожавъ плечами.—Больше никогда, никогда не приду къ вамъ въ комнату... И не стану съ вами разговаривать... И знать васъ не хочу!..—грозилась я и съ намѣренным шумомъ уходила изъ маленькой комнатки.

— Пожалуйста, не приходи... Очень буду радъ...— слышала я въ отвѣтъ.

Между нами наступала размолвка, но она длилась недолго. Черезъ день или два Николай Ивановичъ былъ уже въ хорошемъ расположеніи духа и, заставъ меня за куклами, говорилъ:

— Ну, что, Бѣляночка, не сочинила ли еще стихи? Такая маленькая женщина, а уже работаетъ... Видишь, значитъ, женщина должна работать всегда и для своихъ и для чужихъ... Вотъ, какъ ты старательно обшила своихъ куколъ...

Я не могла не улыбнуться на его шутку. Я теперь видѣла, что онъ выслушаетъ и мои тревожные вопросы, и стихи, и просто болтовню. Повиснувъ у него на рукѣ, я бѣжала за нимъ въ его комнату, чтобы разсказать свои фантазіи.

— Николай Ивановичъ, я работаю не для чужихъ, а для своихъ: куклы мои дѣти... А когда я выросту большая, то у меня будетъ много, много заправдашныхъ дѣтей... И я никому не позволю съ ними заниматься... буду сама... даже не дамъ Лидѣ (сестрѣ). Пусть со своими занимается...

Это была моя завѣтная мечта дѣтства и даже юности: имѣть много дѣтей. И отчасти она осуществилась: потому что я горячо люблю и своихъ собственныхъ и всѣхъ дѣтей вообще, которыхъ кругомъ меня такъ много, много...

Николай Ивановичъ говорилъ со мной серьезно о трудѣ, отвѣчалъ на вѣчные вопросы, которыхъ у меня бывалъ всегда готовъ неисчерпаемый запасъ, заставлялъ меня читать, иногда читалъ самъ. Это длилось недолго, и я вскорѣ разсталась со всѣми ими навсегда... Но сердечное отношеніе взрослаго друга, его участіе и ласки мнѣ всегда дороги и памятны! Спасибо ему за все хорошее, что онъ заронилъ въ мою душу, и за то, что участіемъ согрѣвалъ дѣтское сердце.

Игнатій Николаевичъ ПОТАПЕНКО.

I. Отецъ мой читалъ исключительно духовныя книги—творенія свв. отцовъ, житія святыхъ, и увлекательно говорилъ сельскому народу проповѣди. Ничего не писалъ.

II.

III. Малороссійская деревня. Бурса. Книги — какія попадались. Рано попался Гоголь и произвелъ неотразимое впечатлѣніе.

IV. Лѣтъ съ десяти сочинялъ стихи. Сочинилъ нѣчто въ родѣ оды на именины архіерея и декламировалъ передъ нимъ во время торжественнаго пріема. Былъ влюбленъ въ особу лѣтъ 17 и писалъ любовные стихи, но тайно.

V. Гоголь.

VI.

VII. Въ бытность въ одесской семинаріи написалъ романъ. Содержанія не помню, но помню, что въ немъ семинарское начальство было выставлено въ дурномъ видѣ. Послалъ въ редакцію «Дѣла» (Благосвѣтлова). Отвѣта, разумѣется, не получилъ. Былъ вызванъ ректоромъ, который доброжелательно повѣдалъ, будто редакція «Дѣла» сообщила ему о томъ, что я въ романѣ браню начальство, отечески журилъ и уговаривалъ не заниматься такими пустяками. Впослѣдствіи истина выяснилась въ томъ смыслѣ, что ректору о романѣ донесъ его племянникъ, мой товарищъ по классу, и такимъ образомъ редакція «Дѣла» въ моихъ глазахъ была реабилитирована.

VIII. Отчасти отвѣтилъ уже въ предыдущемъ пунктѣ. Живя въ Петербургѣ, уже студентомъ, послалъ разсказъ въ стихахъ и прозѣ въ редакцію «Маляра» — полуюмористическій журналъ, подъ редакціей Божина. Божинъ лично далъ отвѣтъ, что

проза у меня лучше, чѣмъ стихи, что слѣдуетъ работать, но печатать рано.

X. Смотри выше.

XI. Въ газетѣ Берса (кажется, въ «Русской Правдѣ») разсказъ «Два дня», вошедшій потомъ въ томъ «Записки стараго студента», приблизительно въ 1873 году.

XII. Никогда не читалъ близкимъ своихъ рукописей. Стѣснялся и таилъ.

XIII. Не было.

XIV. Не было.

XV. Не помню.

XVI. Съ цензурой часто приходилось имѣть дѣло. Помню, цензоръ (кажется, Кюнеръ), когда «Сѣверный Вѣстникъ» представилъ ему мой разсказъ «Шестеро», очень хвалилъ его, но пропустить его для подцензурнаго журнала отказался и посовѣтовалъ помѣстить въ безцензурной «Русской Мысли», что я и сдѣлалъ.

XVII. Просто было дано безъ всякихъ условій, лишь бы напечатали. Но былъ уплаченъ гонораръ.

XVIII. Со строки почемъ, не помню. Получилъ 50 руб. съ чѣмъ-то.

XIX. Довольно долго гонораръ былъ задержанъ, вслѣдствіе прекращенія газеты, но все же былъ уплаченъ.

XX. Покойный Арс. Ив. Введенскій почему-то очень хвалилъ разсказъ «Два дня» и читалъ на одной изъ своихъ пятницъ.

XXI. Подъ псевдонимомъ, а какимъ, не помню.

XXII. Не помню.

XXV. Никогда не прекращалась.

Татьяна Львовна
ЩЕПКИНА-КУПЕРНИКЪ.

«Первые шаги писателя на литературномъ поприщѣ!» Одна эта фраза уже неизбѣжно вызываетъ цѣлую вереницу готовыхъ образовъ и представленій: мытарство по редакціямъ, возвращеніе непрочитанныхъ вещей, холодно-недовѣрчивые глаза секретарей редакціи, классическое «зайдите черезъ недѣльку... лучше черезъ двѣ»... Письма, оставленныя безъ отвѣта; сомнѣнія, муки и тревоги за судьбу рукописи и т. д., и т. д.

Но мнѣ придется разочаровать Васъ, многоуважаемый Ѳедоръ Ѳедоровичъ, если Вы ждете отъ меня такого разсказа. Мои первые шаги были настолько легки, настолько просты,—что даже ничего изъ себя не представляютъ интереснаго. Выражаясь высокимъ стилемъ, судьба ласково взяла меня на руки и вынесла на берегъ.

Вотъ какъ все началось.

Съ дѣтства я постоянно писала какіе-то стихи, сочиняла для собственнаго употребленія драмы и трагедіи, которыя мы, дѣти, и разыгрывали; и всегда всѣ знали, что если я сижу смирно, значитъ—что-нибудь пишу.

Кончивъ гимназію, я поступила на сцену, совершенно не предполагая, что пойду по другому пути. На сцену пошла, главнымъ образомъ, чтобы что-нибудь дѣлать, такъ какъ въ то время не существовало никакихъ курсовъ—все было закрыто на неопредѣленное время. А щепкинская семья и сцена—всегда были чѣмъ-то близко связаннымъ. Въ то время моя тетушка—извѣстная комическая ingénue, А. П. Щепкина—служила въ Императорскомъ театрѣ.

Какъ-то всѣ мы были у нихъ, старшіе играли въ винтъ, а «дѣти», къ которымъ еще, считалось, принадлежала и я, мѣшали имъ шумомъ и разговорами.

— Боже мой!—воскликнула тетя,—несносные вы! Посидите смирно! Ты (обратилась она ко мнѣ), чѣмъ ничего не дѣлать, садись и напиши мнѣ пьесу.

— Какую?

— Ну, какую...—задумалась моя хорошенькая тетя на минутку.—Такую, чтобъ я была дѣвочкой... и въ уголъ меня ставили... а нянька на меня ворчала. И чтобъ оказалось, что въ меня влюбленъ очаровательный господинъ, и я бы вышла замужъ. Садись и пиши!

— Ну, хорошо!

Я сѣла тутъ же въ углу за столъ, и пока они сыграли робберъ, у меня было написано нѣсколько явленій. Я ихъ прочла тетѣ, и вдругъ она, съ заблестѣвшими глазами, сказала мнѣ:

— Да ты знаешь, это очень мило! Пиши дальше!

Къ концу вечера пьеса была готова. Это была «Лѣтняя картинка». Черезъ нѣсколько времени, въ концертѣ, подходитъ ко мнѣ А. И. Южинъ и говоритъ:

— Васъ можно поздравить?..

— Съ чѣмъ?—говорю я.

— Развѣ это секретъ?

— Если и секретъ, то отъ меня самой. Въ чемъ дѣло?

— Ваша пьеска первая въ этомъ сезонѣ единогласно одобрена Литературнымъ Комитетомъ!

Что со мной при этихъ словахъ сдѣлалось, описать трудно. Потомъ все пошло быстро, какъ въ сказкѣ: повидалась съ директоромъ, назначили репетицію... Помню эти репетиціи: игралъ моего героя покойный Ф. П. Горевъ, тогдашній кумиръ Москвы, согласившійся играть въ водевилѣ, разумѣется, только для тети. Я, благодаря маленькому росту, казалась въ 18 лѣтъ совсѣмъ ребенкомъ; актеры добродушно подсмѣивались надо мной, сажали на тронъ Іоанна Грознаго, вытащенный изъ реквизита, чтобы я была повыше, и обращались со мной, какъ съ маленькой.

Насталъ вечеръ перваго представленія, а я—увы!—была занята въ театрѣ! Играла какого-то гимназиста въ водевилѣ. Какъ я играла—не помню, потому что душа моя была въ это время въ стѣнахъ Малаго театра, моего любимаго театра, ступени котораго, истоптанныя еще шагами М. С. Щепкина, были мнѣ какъ-то священны.

Кончился спектакль, а меня не отпускалъ помощникъ режиссера,—надо было выходить на вызовы! Въ другое время эти вызовы привели бы меня въ восторгъ, а сейчасъ я дрожала отъ нетерпѣнія, и когда, наконецъ, все кончилось—я не имѣла уже силъ переодѣваться, а полетѣла домой какъ была, въ бѣлокуромъ парикѣ и костюмѣ гимназиста.

Помню ярко освѣщенную комнату, накрытый столъ, цвѣты, тетю въ бѣломъ платьѣ, покойную мать мою, всѣхъ близкихъ, и еще много кого-то чужихъ, всѣ веселые, радостные, съ бокалами съ рукахъ—и спокойный голосъ С. А. Черневскаго, режиссера Малаго театра:

— Поздравляю! Первый примѣръ въ лѣтописяхъ Малаго театра: за одноактную вещицу всѣмъ театромъ вызывали автора!..

— А я сказалъ, что авторъ въ театрѣ Корша гимназиста играетъ, и меня чуть не оштрафовали на 500 руб. за этотъ анонсъ,—смѣясь прибавилъ Ф. П. Горевъ.

«Гимназистъ» въ это время упалъ на стулъ и смѣялся и чуть не плакалъ отъ радости одновременно, и голова его кружилась какъ отъ вина—отъ перваго такого неожиданнаго успѣха. Золотой день юности! Цвѣты, милыя лица, сіяющіе глаза... это была минута незабвенная.

Пресса встрѣтила «Лѣтнюю картинку» очень сочувственно; черезъ нѣсколько дней ко мнѣ пріѣхалъ редакторъ «Артиста», Ф. П. Куманинъ, съ просьбой

напечатать у него «Лѣтнюю картинку», и еще черезъ нѣсколько времени М. П. Саблинъ—незабвенный мой другъ и рѣдкой душевной красоты человѣкъ—сказалъ мнѣ, чтобы я что-нибудь написала не только для сцены, а въ «Русскія Вѣдомости»,—и такъ я стала сотрудницей этихъ изданій. Дальше... но это уже не первые шаги, о первыхъ я разсказала Вамъ подробно.

Вы спрашиваете, кто имѣлъ на меня вліяніе? Кромѣ вышеназванныхъ людей, большое дружеское вліяніе имѣли на меня отецъ мой Л. А. Куперникъ, К. С. Шиловскій, А. П. Чеховъ и В. А. Гольцевъ. Въ дѣтствѣ и когда я была подросткомъ, со мною занимался другъ нашей семьи, прис. пов. А. И. Урусовъ. Шиловскій былъ рѣдкій умница, талантомъ отъ него такъ и брызгало: артистъ, поэтъ, пѣвецъ, скульпторъ, человѣкъ разносторонняго образованія и оригинальной души. Крупная натура. Когда-то милліонеръ, баринъ, потомъ—скромный актеръ Императорскихъ театровъ, и во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни рыцарски-честный и обаятельный человѣкъ. Онъ поэзію любилъ какъ-то всѣмъ существомъ, и мнѣ, совсѣмъ дѣвочкѣ, сумѣлъ многое внушить изъ своихъ взглядовъ и мыслей. Объ А. П. Чеховѣ и В. А. Гольцевѣ распространяться не приходится. Всѣхъ ихъ уже нѣтъ на свѣтѣ; но жива, жива въ душѣ моей память о нихъ и горячая благодарность за то ободреніе и духовную поддержку, которую видѣла отъ нихъ въ моей юности.

Большое вліяніе имѣла на мою литературную дѣятельность артистка Л. Б. Яворская. Она первая заставила меня переводить Ростана, для нея я перевела его всего почти, начиная съ «Романтиковъ» и «Принцессы Грезы». Но на этомъ не останавливалась ея неистощимая энергія; она наталкивала меня сплошь да рядомъ на какую-нибудь тему, будила мысль; многое въ моей первой большой вещи «Счастье» навѣяно всецѣло ею.

Вы спрашиваете объ атавизмѣ? Насколько помню, никто не писалъ въ нашей семьѣ по профессіи. Щепкины большинство посвящали себя сценической дѣятельности, мать моя была великолѣпная музыкантша, отецъ мой былъ адвокатомъ. Онъ писалъ немного, статьи публицистическаго характера; славился же онъ какъ ораторъ, и былъ однимъ изъ наиболѣе начитанныхъ людей, которыхъ я знала.

Николай Александровичъ МОРОЗОВЪ.

Вы спрашиваете меня: была ли какая-нибудь наслѣдственность при первомъ возникновеніи во мнѣ стремленія къ наукѣ и литературѣ? Прямой наслѣдственности не было, такъ какъ ни отецъ мой, ни мать не написали для печати или даже для друзей ни одной литературно обработанной замѣтки. Но любовь къ литературѣ была у обоихъ, и мать прекрасно знала наизусть много произведеній Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Гоголя, а отецъ въ молодости выписывалъ лучшіе журналы своего времени. Лицъ, благопріятствовавшихъ моимъ научнымъ и литературнымъ стремленіямъ, въ юности совершенно не было.

Первыми книгами, которыя я прочелъ, были произведенія Пушкина, Лермонтова и Гоголя, находившіяся въ библіотекѣ моего отца, представлявшей сотни три журналовъ и книгъ различнаго содержанія вплоть до «Журнала коннозаводства и охоты».

Изъ всѣхъ ихъ особенно растрогали меня «Инки», кажется, Мармонтеля, «Бѣдная Лиза» Карамзина, и поразилъ ужасомъ «Вій» Гоголя и другіе его разсказы на хуторѣ близъ Диканьки. Наиболѣе же интереснымъ казался въ юности романъ Габріеля Ферри «Лѣсной бродяга», и его я перечиталъ не менѣе, какъ двѣнадцать разъ и помнилъ почти весь наизусть.

Моимъ первымъ чисто-литературнымъ произведеніемъ было стихотвореніе, никогда не видавшее печати. Начиналось оно такъ:

То не вѣтеръ въ темномъ лѣсѣ
Надъ вершинами гудетъ,
То не волны на прибрежье
Вѣтеръ по морю несетъ,
То идетъ толпа народа,
На пути она растетъ,
И о волѣ, о свободѣ
Пѣснь призывную поетъ.
Собирайтеся, ребята,
Вмѣстѣ съ нами заодно!
Ужъ настало время сбросить
Рабства тяжкое ярмо.
Мы работой непосильной
Въ мірѣ все произвели,
Только сами жизнь лихую
Въ нищетѣ мы провели.
Ой ты воля, наша воля,
Воля—соколъ въ небесахъ,
Воля—мѣсяцъ въ поднебесьи,
Воля—звѣзды въ облакахъ...
. . . .

Дальше я уже не помню этого своего перваго произведенія. Написано оно было въ ноябрѣ 1874 г., послѣ того, какъ я рѣшилъ окончательно пожертвовать своей жизнью и отдаться революціонной дѣятельности. Мѣстомъ составленія былъ домъ моихъ знакомыхъ, Армфельдовъ, на Арбатѣ въ Москвѣ, а временемъ—полночь, когда всѣ въ домѣ уже спали, а я ходилъ одинъ по комнатѣ, уже скрываясь отъ розысковъ администраціи и мечтая о всевозможныхъ геройскихъ подвигахъ. Самъ не знаю, какъ вдругъ нашло на меня вдохновенье и я, взявъ карандашъ, неожиданно для себя сталъ составлять эти строфы, удивляясь, что выходятъ и размѣръ и рифмы. На этомъ

стихотвореніи еще ясно видно вліяніе господствовавшаго въ то время лже-народническаго направленія въ подпольной революціонной литературѣ, въ которой старались замѣнять фразы общепринятаго русскаго языка крестьянскими выраженіями и оборотами.

Ранѣе этого я писалъ только популярно-научныя статьи въ редактировавшемся мною рукописномъ гимназическомъ журналѣ. Первое напечатанное произведеніе была статья въ заграничномъ изданіи «Впередъ», редакторомъ котораго былъ Лавровъ. Это въ сущности была корреспонденція о раскрытой къ тому времени пропагандѣ среди крестьянъ Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи, гдѣ принималъ участіе и я. Ея заглавіе было: «Даниловское дѣло», и помѣщена она въ двухнедѣльномъ изданіи «Впередъ» весной 1875 года, когда я уже былъ эмигрантомъ въ Женевѣ. Гонорара за нее я не получилъ, да и не предполагалъ получить. Видъ этого своего перваго анонимнаго произведенія въ печати привелъ меня, еще 19-лѣтняго юношу, въ неописуемый восторгъ. Въ журналѣ оно показалось мнѣ несравненно лучше, чѣмъ въ рукописи.

Одновременно съ этимъ я былъ выбранъ въ редакцію задуманнаго тогда эмигрантами въ Женевѣ журнала «Работникъ», гдѣ мы писали анонимныя статьи, поддѣлываясь подъ простонародный говоръ, который теперь, вѣроятно, было бы смѣшно читать и мнѣ самому.

Затѣмъ весной 1875 года я былъ арестованъ, лишенъ права читать книги за нежеланіе давать показанія и заключенъ въ особой камерѣ для политическихъ въ Москвѣ при Тверской части. Тутъ въ одинъ поздній вечеръ лѣтомъ 1875 г. въ моей головѣ вдругъ снова стали складываться стихи. Это были первыя строфы стихотворенія «Тюремныя видѣнья». Но я не могъ его продолжать, такъ какъ не имѣлъ ни пера, ни бумаги, а память не удерживала многихъ куплетовъ подъ рядъ.

Только зимой 1875—1876 г.г. когда меня перевезли въ Петербургъ, въ домъ предварительнаго заключенія, и я получилъ и книги и письменныя принадлежности, я окончилъ это произведеніе и написалъ нѣсколько другихъ стихотвореній, переданныхъ потомъ на волю и вышедшихъ въ сборникѣ «Изъ-за рѣшетки», изданномъ въ 1877 г. въ Женевѣ.

Кому и какъ я прочелъ впервые свои стихотворенія?—Товарищамъ по заключенію, и очень страннымъ образомъ. Одиночныя камеры, въ которыхъ сидѣли политическіе въ домѣ предварительнаго заключенія, не имѣли между собою никакихъ другихъ сообщеній, кромѣ идущей въ стѣнѣ сточной трубы, въ которую выходили клозеты камеръ. Выплескавъ рукой (за неимѣніемъ другихъ инструментовъ) изъ нихъ воду, можно было разговаривать черезъ вонючую трубу съ цѣлымъ рядомъ сосѣдей, и жажда слышать другъ друга заставляла насъ каждый вечеръ производить эту отвратительную операцію выплескиванья нечистотъ, чтобъ образовывать безпрепятственное сообщеніе своей камеры съ сосѣдними вверху и рядомъ. Этимъ способомъ было легко разговаривать, и мы каждый вечеръ развлекали другъ друга, разсказывая все, что казалось намъ интереснымъ, а иногда устраивая и литературные вечера.

И вотъ въ одинъ прекрасный день, желая узнать, какъ отнесутся товарищи къ моимъ стихотворнымъ произведеніямъ, я, еще стыдясь признать себя авторомъ, прочелъ имъ въ этотъ «телефонъ» свои «Тюремныя видѣнья» и еще какія-то два небольшія стихотворенія, выдавъ ихъ за стихотворенія Огарева.

«Повѣрятъ ли?» думалъ я со страхомъ.

Оказалось, всѣ повѣрили и большинство попросило меня даже продиктовать имъ «такія хорошія стихотворенія Огарева» для записи въ тетрадкахъ. Тогда я признался, что авторъ я, и возбудилъ этимъ всеобщее удивленіе: никто и не предполагалъ въ то время, что я могу писать стихами. Такимъ образомъ въ первый разъ мои поэтическія произведенія прозвучали въ вонючей сточной трубѣ въ стѣнѣ дома предварительнаго заключенія въ Петербургѣ.

Само собой понятно, что ни они, ни другія мои первыя произведенія не были допустимы для обычной печати по цензурнымъ условіямъ, и гонораръ за нихъ въ заграничныхъ и подпольныхъ изданіяхъ я не получилъ.

Потомъ, когда послѣ трехъ лѣтъ заключенія меня выпустили на свободу, и вслѣдъ за тѣмъ я скрылся отъ начальства, опредѣлившаго меня въ административную ссылку, я, какъ извѣстно, редактировалъ въ Россіи, вмѣстѣ съ другимъ соредакторомъ, сначала «Землю и Волю», а затѣмъ «Народную Волю», издававшіяся въ тайной типографіи въ Петербургѣ въ 1878 и 1879 годахъ, и гонораровъ за свои статьи тоже не получалъ. Нѣкоторыя изъ этихъ статей сильно передѣлывались передъ печатаньемъ по желанію соредакторовъ, одинъ изъ которыхъ, Тихоміровъ, не сходился со мной въ моемъ всегдашнемъ крайнемъ республиканствѣ. Нѣкоторыя программныя статьи приходилось брать обратно совсѣмъ, хотя почти вся редакціонная работа въ «Народной Волѣ» и лежала на мнѣ.

Заключенный затѣмъ на всю жизнь сперва въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, а потомъ въ Шлиссельбургской крѣпости, я сначала былъ лишенъ какихъ бы то ни было книгъ или письменныхъ принадлежностей, и ходилъ почти три года взадъ и впередъ по своей одиночной камерѣ, въ цынгѣ отъ недостатка пищи и воздуха, составляя въ умѣ научно-фантастическіе романы въ духѣ Жюля Верна, или слагая лирическія стихотворенія. Если бъ записать всѣ эти романы, то получилось бы навѣрное томовъ десять; но оставшись незаписанными, они всѣ уже исчезли почти цѣликомъ изъ моей памяти. Одновременно съ ними я размышлялъ о научныхъ вопросахъ, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который внесъ съ собою въ собственной своей головѣ, и который не могъ быть поэтому отобранъ у меня администраціей,

вмѣстѣ со всѣми книгами, при моемъ заточеніи. Въ то время и оформились у меня въ общихъ чертахъ тѣ идеи, которыя я обработалъ впослѣдствіи въ изданной послѣ освобожденія изъ Шлиссельбурга книгѣ «Періодическія системы строенія вещества» *) и въ рукописи, носящей названіе: «Строеніе Матеріи», которая до сихъ поръ остается неизданной по причинѣ трудности найти издателя въ Россіи для спеціальныхъ научныхъ книгъ, имѣющихъ у насъ мало читателей.

Въ томъ же равелинѣ (когда послѣ восьми мѣсяцевъ заключенія мнѣ дали единственную изъ полученныхъ мною въ немъ книгъ—старинную библію на французскомъ языкѣ), сложились у меня и первыя идеи о возможности астрономическаго истолкованія Апокалипсиса, пророковъ и нѣкоторыхъ мѣстъ въ другихъ библейскихъ книгахъ.

Но только черезъ двадцать лѣтъ, въ Шлиссельбургской крѣпости, я получилъ возможность сдѣлать вычисленія для одной изъ этихъ книгъ: Апокалипсиса, и написалъ «Откровеніе въ грозѣ и бурѣ». Книгу эту тотчасъ послѣ моего освобожденія пожелала издать одна дама, предложившая взять всѣ расходы на себя съ тѣмъ, что я ей возвращу послѣ распродажи книги, но заболѣла и издержала свои деньги на лѣченье. Такимъ образомъ книга объ Апокалипсисѣ пролежала почти годъ послѣ моего освобожденія даромъ. Послѣ отказа этой дамы я обращался послѣдовательно ко многимъ издателямъ, напримѣръ, въ Товарищество «Просвѣщеніе», къ Пирожкову, въ «Знаніе», къ Пятницкому, къ Ольгѣ Поповой, Карбасникову, Вольфу, но всѣ отказались печатать, говоря, что эта книга не пойдетъ. Такъ рукопись и лежала болѣе года, когда вдругъ началось обратное теченіе. Изъ Москвы пріѣхалъ ко мнѣ представитель социалъ-революціоннаго книгоиздательства того времени, Высоцкій, и предложилъ издать «Откровеніе» за гонораръ въ 2.000 р.;

*) Издалъ И. Д. Сытинъ на томъ условіи, что послѣ скидки 30% книгопродавцамъ и покрытія издержекъ печатанья, чистая прибыль будетъ раздѣлена пополамъ, и въ счетъ ея выдалъ сразу 500 р.

но не успѣлъ я ему отвѣтить согласіемъ, какъ получилъ изъ редакціи «Былого» предложеніе издать эту самую книгу въ 6.000 экз. съ тѣмъ, что вся чистая прибыль поступитъ мнѣ. Я отдалъ въ редакцію «Былого», и книга была издана П. Е. Щеголевымъ; но послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ запрещеніе «Былого» и арестъ завѣдывавшаго моей книгой П. Е. Щеголева привели къ тому, что я получилъ за это первое изданіе, вмѣсто предполагаемыхъ 2.500 р., всего лишь около 1.000 р. За послѣдующія же изданія 15.000 экз. этой самой книги, которую сначала никто не хотѣлъ печатать, я получилъ отъ московскаго издателя В. М. Саблина 3.900 руб.

Критическихъ отзывовъ на эту мою книгу и сочувственныхъ и несочувственныхъ появилось въ первый же годъ послѣ ея изданія не менѣе двухсотъ въ отдѣльныхъ брошюрахъ, журналахъ и газетахъ.

Въ *легальныхъ* журналахъ первымъ появился въ 1906 году въ «Русскомъ Богатствѣ» мой разсказъ «Въ началѣ жизни». Его вывезла изъ Шлиссельбургской крѣпости, еще за полтора года до моего освобожденія, Вѣра Николаевна Фигнеръ, которой въ то время окончился срокъ заключенія, но разсказъ этотъ былъ задержанъ въ департаментѣ полиціи и выданъ ей оттуда лишь въ дни «освободительной борьбы», въ концѣ 1905 г., благодаря хлопотамъ вліятельныхъ родныхъ. Гонораръ за него я получилъ, насколько помню, 200 руб. съ листа безъ всякихъ задержекъ.

Затерянныхъ рукописей у меня было болѣе, чѣмъ попавшихъ въ печать, благодаря превратностямъ моей жизни. Почти всѣ изъ тѣхъ рукописей, которыя я отдавалъ на сохраненіе знакомымъ, были сожжены ими при ожиданіяхъ обыска, безъ разбора, цензурны онѣ въ политическомъ смыслѣ или нѣтъ. Уже одинъ фактъ принадлежности ихъ мнѣ, разыскиваемому правительствомъ, дѣлалъ ихъ опасными для хранителей.

Опечатки, особенно въ моихъ научныхъ работахъ, были очень разнообразны: такъ, вмѣсто: «періодической системы минеральныхъ элементовъ», мнѣ наби-

рали: «періодическая система *моральныхъ* элементовъ»; вмѣсто «химическихъ элементовъ» мнѣ набирали «комическіе элементы», а послѣ моей поправки въ корректурѣ разъ окончательно набрали «космическіе элементы». Но тутъ всего не перечтешь...

Алексѣй Алексѣевичъ ЛУГОВОЙ.

I. Отецъ очень много читалъ, отличался большой любовью къ просвѣщенію вообще и литературѣ въ частности; любилъ театръ, велъ знакомство съ артистами; нигдѣ не печатался, но пытался писать стихи и писалъ путевые очерки. Насколько помню, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія онъ основалъ въ Казани первую тамошнюю частную газету «Казанскій биржевой листокъ», подъ редакторствомъ проф. С. М. Шпилевскаго. Мать не успѣла оказать никакого вліянія, потому что мнѣ было только 7 лѣтъ, когда она умерла.

II. Гувернеры - иностранцы и домашніе учителя изъ студентовъ.

III. Самая благопріятная. Книги въ дѣтствѣ читалъ безъ разбору всѣ, какія были популярны въ шестидесятыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка.

Подробно описалъ я условія моего умственнаго развитія въ моей автобіографіи «Какъ росла моя вѣра» («Вѣстникъ Европы», III—VI книги 1909 г.).

IV. И фантазія и наблюдательность.

V. Никакого въ отдѣльности. Больше всего любилъ въ дѣтствѣ Лермонтова, позднѣе Некрасова и еще позднѣе—Пушкина.

VI. «Геро и Леандръ». Такъ и назывался мой первый разсказъ, напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» (январь 1886 г.) подъ заглавіемъ «Не судилъ Богъ», заглавіемъ, придуманнымъ по настоянію редакціи, вмѣсто указаннаго выше.

VII. Рядъ юношескихъ стихотвореній (переводныхъ и оригинальныхъ) и отрывковъ неоконченныхъ повѣстей и разсказовъ. Въ маѣ 1878 г. написалъ первый законченный разсказъ «Двѣ встрѣчи», но никому не предлагалъ его для печати.

Разсказъ этотъ остается въ рукописи до сихъ поръ. Тема его, какъ водится у большинства начинающихъ писателей, вѣчно-современная: о студентѣ и проституткѣ.

VIII. См. написанное подъ № VI.

IX. Многообразныя и по многимъ, но только не съ первыми произведеніями.

X. То же, что и въ IX.

XI. Стихотвореніе «Изъ Гюго. Прощайте женщинѣ ея паденье», 15 февраля 1884 г. въ московскомъ иллюстрированномъ журналѣ «Россія», тогда только что основанномъ. Я въ то время думалъ, что въ каждомъ старомъ журналѣ всѣ мѣста заняты извѣстными писателями и послалъ свое стихотвореніе въ «Россію», разсчитывая, что только что родившійся журналъ возьметъ произведеніе начинающаго писателя. Такъ и было. Подъ этимъ стихотвореніемъ я впервые подписался псевдонимомъ «А. Луговой». Псевдонимъ избралъ *исключительно* для того, чтобы мои произведенія не смѣшивали съ произведеніями брата моего Влад. А. Тихонова, печатавшагося уже раньше подъ собственной фамиліей. Къ сожалѣнію, нѣкоторые беззаботные литературные хроникеры позволяютъ себѣ допускать эту путаницу и сейчасъ.

Стихотвореніе «Изъ Гюго» было первымъ произведеніемъ моимъ въ печати съ подписью; но раньше этого была уже напечатана въ газетѣ «Эхо» (1883 г.) моя публицистическая статья «Наслѣдство богача» безъ подписи, какъ редакціонная.

XII. Всѣ мои первые литературные опыты (1883 г.) я читалъ въ рукописяхъ покойному поэту М. Н. Соймонову, котораго съ благодарностью называю воспріемникомъ моей музы.

XIII. Въ первомъ стихотвореніи и въ первой статьѣ (см. XI) не было. Въ первомъ разсказѣ (см. VI), кромѣ измѣненія заглавія, вычеркнутъ эпиграфъ изъ Шиллера.

XIV. Въ первомъ разсказѣ «Не судилъ Богъ» редакція «Вѣстника Европы» сдѣлала только одну вымарку: не разрѣшила крестьянину-парню поцѣловать самымъ невиннымъ образомъ свою невѣсту, опасаясь худыхъ послѣдствій, такъ какъ свиданіе было ночью и въ оврагѣ. Но и по замыслу автора свиданіе кончилось невинно, и опасенія редакціи были излишни даже и для того времени, даже и для салоннаго чтенія. Со второй моей вещью—«На куриномъ насѣстѣ» (1887 г.) редакція «Русской Мысли» обошлась съ истиннымъ вандализмомъ, отбросивъ (вѣроятно, по настоянію метранпажа, для уменьшенія объема толстой книжки журнала, переполненной декабрьскими объявленіями) всю послѣднюю главу, достоинство которой можетъ быть оцѣнено по отдѣльному изданію моихъ сочиненій.

XV. Предметъ, достойный особаго трактата.

XVI. То же, что и XV.

XVII. Первое стихотвореніе и первая статья (см. XI)—даромъ. Гонорара я и не просилъ.

XVIII. Первый гонораръ получилъ за стихотвореніе «Крымскіе пейзажи» изъ «Вѣстника Европы» (1885 г.) по 10 руб. за страницу, что вышло около 60 к. за строку. Первый гонораръ за разсказъ тоже изъ «Вѣстника Европы» по 100 руб. за листъ.

XIX. Ничего не получилъ за разсказъ «За грозой—вѣдро», напечатанный въ журналѣ «Дѣло». Я не протестовалъ, такъ какъ журналъ закрылся.

XX. Никакого отношенія.

XXI. См. XI.

XXII. Мой первый разсказъ «Не судилъ Богъ» былъ встрѣченъ Скабичевскимъ въ «Новостяхъ» съ такимъ заключеніемъ: не понимаемъ, чего ждала редакція «В. Е.» отъ молодого писателя. А журнальный обозрѣватель «Русской Мысли», желая за этотъ же разсказъ уязвить меня въ духѣ того времени, сказалъ: совсѣмъ Фетъ въ прозѣ!

XXIII. То обстоятельство, что одно изъ первыхъ моихъ стихотвореній, а затѣмъ мой первый разсказъ были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» (разсказъ *приберегли* даже для январьской книжки), заставило меня сразу относиться очень серьезно ко всѣмъ моимъ послѣдующимъ произведеніямъ и быть очень разборчивымъ въ выборѣ органовъ печати для помѣщенія своихъ произведеній.

XXIV. Возвращенныя въ одномъ журналѣ, рукописи находили помѣщеніе въ другомъ. Затерянныхъ и уничтоженныхъ не было.

XXV. Выражаясь гиперболически—отчаянное, а говоря просто—я за все время своей литературной дѣятельности никогда не чувствовалъ себя обезпеченнымъ своимъ литературнымъ заработкомъ.

Многія подробности въ моей повѣсти «Умеръ талантъ!»—правдивое описаніе того, что было пережито лично. Улучшеніе моего положенія началось только, когда я сдѣлался редакторомъ «Нивы» и имѣлъ возможность въ теченіе того времени, что я былъ редакторомъ, расплачиваться съ накопленными долгами.

Александръ Александровичъ БЛОКЪ.

Многіе члены семьи моей матери причастны къ литературѣ и наукѣ. Дѣдъ мой, Андрей Николаевичъ Бекетовъ, былъ ректоромъ Петербургскаго университета въ его лучшіе классическіе годы. Жена его, моя бабушка, Елизавета Григорьевна Бекетова, дочь извѣстнаго путешественника Григорія Силыча Корелина, всю жизнь работала надъ переводами научныхъ и, особенно, художественныхъ произведеній. Она была очень начитана, владѣла нѣсколькими языками, ея

міровоззрѣніе было удивительно живое и своеобразное, стиль образный, точный, смѣлый русскій языкъ, обличавшій казачью породу. Ея многочисленные переводы, преимущественно съ англійскаго (особенно Вальтеръ-Скотта, Диккенса, Гольдсмита) остаются до сихъ поръ одними изъ лучшихъ. Характеръ до рѣдкости отчетливый соединялся въ ней съ мыслью ясной, какъ лѣтнія деревенскія утра, въ которыя она до свѣту садилась работать. И все это вязалось съ пламенной романтикой, переходившей иногда въ старинную сентиментальность. Она любила музыку и поэзію и писала мнѣ трогательные стансы.

Къ сожалѣнію, она такъ и не написала своихъ воспоминаній, которыя могли быть цѣнны: она знала лично многихъ нашихъ писателей, встрѣчалась съ Гоголемъ, братьями Достоевскими, Толстымъ, Полонскимъ, Майковымъ и другими.

Отъ дѣдовъ унаслѣдовали любовь къ литературѣ и незапятнанное понятіе о ея высокомъ значеніи моя мать и ея двѣ сестры. Всѣ три переводили съ иностранныхъ языковъ: мать (Александра Андреевна Кублицкая-Піоттухъ)—съ французскаго, нѣмецкаго и польскаго; Екатерина Андреевна (Краснова)—съ англійскаго, испанскаго и итальянскаго; послѣдняя, теперь уже покойная, издала, кромѣ того, два тома разсказовъ и стиховъ.

Въ семьѣ отца, насколько я знаю, литература играла второстепенную роль. Самъ отецъ мой, Александръ Львовичъ Блокъ—профессоръ Варшавскаго университета по каѳедрѣ государственнаго права,—кромѣ спеціальной учености, очень образованный человѣкъ; онъ—талантливый музыкантъ, знатокъ изящной литературы и тонкій стилистъ.

Жилъ я въ дѣтствѣ въ семьѣ матери, такъ что обстановка жизни только способствовала развитію моей любви къ слову. Въ семьѣ, въ общемъ, господствовали старинныя понятія о литературныхъ цѣнностяхъ и идеалахъ,—одной только моей матери свойственны были постоянный мятежъ и безпокойство о новомъ.

Первымъ вдохновителемъ моимъ, имѣвшимъ огромную власть надо мной, былъ Жуковскій; черезъ него впервые узналъ я духъ нѣмецкой романтики. Съ ранняго дѣтства я помню постоянно наплывавшія на меня лирическія волны, тогда еще еле связанныя съ чьимъ-либо именемъ. Запомнилось развѣ имя Полонскаго и первое впечатлѣніе его строфъ:

Снится мнѣ: я свѣжъ и молодъ,
Я влюбленъ. Мечты кипятъ.
Отъ зари роскошный холодъ
Проникаетъ въ садъ.

«Жизненныхъ опытовъ» не было долго, сознательной жизни—еще дольше. Смутно помню я большія петербургскія квартиры съ массой людей, съ няней, игрушками, елками, баловствомъ,—и благоуханную глушь маленькой дворянской усадьбы (с. Шахматово, Московской губерніи, Клинскаго уѣзда). Лишь около 15 лѣтъ родились первыя опредѣленныя мечтанія о любви и рядомъ—приступы отчаянья и иронія.

«Сочинять» я сталъ чуть ли не съ пяти лѣтъ. Гораздо позже мы съ двоюродными и троюродными братьями основали журналъ «Вѣстникъ» въ одномъ экземплярѣ, гдѣ я былъ редакторомъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ три года.

Серьезное писаніе началось, когда мнѣ было около 18 лѣтъ. Года три-четыре я показывалъ свои писанія только матери и теткѣ. Все это были—лирическіе стихи, и ко времени выхода первой моей книги «Стиховъ о Прекрасной Дамѣ» ихъ накопилось до 800, не считая отроческихъ. Въ книгу изъ нихъ вошло лишь около 100. Позже я печаталъ кое-что изъ стараго въ журналахъ и газетахъ.

Семейныя традиціи и моя замкнутая жизнь способствовали тому, что ни строки такъ назыв. «новой поэзіи» я не зналъ до первыхъ курсовъ университета. Здѣсь, въ связи съ острыми мистическими и романическими переживаніями, всѣмъ существомъ моимъ овладѣла поэзія Владиміра Соловьева. Позже—сильное вліяніе на меня оказали Мережковскій и Брюсовъ.

Отъ полнаго незнанія и неумѣнья сообщаться съ міромъ, со мною случился анекдотъ, о которомъ я вспоминаю теперь съ удовольствіемъ и благодарностью: какъ-то, въ дождливый осенній день (если не ошибаюсь, 1900 года) отправился я со стихами къ старинному знакомому нашей семьи, Виктору Петровичу Острогорскому, теперь покойному. Онъ редактировалъ тогда «Міръ Божій». Не говоря, кто меня къ нему направилъ, я съ волненіемъ далъ ему два маленькихъ стихотворенія, внушенныя Сиринымъ, Алконостомъ и Гамаюномъ В. Васнецова. Пробѣжавъ стихи, онъ сказалъ: «какъ вамъ не стыдно, молодой человѣкъ, заниматься *этимъ,* когда въ университетѣ Богъ знаетъ что творится», — и выпроводилъ меня съ свирѣпымъ добродушіемъ. Тогда это было обидно, а теперь вспоминать объ этомъ пріятнѣе, чѣмъ обо многихъ позднѣйшихъ похвалахъ.

Послѣ этого случая, я долго никуда не совался, пока въ 1902 году меня не направили къ Б. Никольскому, редактировавшему тогда вмѣстѣ съ Рѣпинымъ студенческій сборникъ. Никольскій взялъ у меня стихотворенія и исказилъ ихъ, впрочемъ, съ моего согласія.

Печататься серьезно я сталъ уже черезъ годъ послѣ этихъ неудачъ. Первыми, кто обратилъ вниманіе на мои стихи со стороны, были Михаилъ Сергѣевичъ и Ольга Михайловна Соловьевы (послѣдняя— двоюродная сестра моей матери). Первыя мои вещи появились въ 1903 году въ журналѣ «Новый Путь» и, почти одновременно, въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты». Этотъ годъ я и считаю годомъ своего литературнаго крещенія.

За первыя напечатанныя вещи я не получилъ гонорара. Мои рецензіи и замѣтки подвергались иногда легкому исправленію. Первыя деньги получилъ я отъ редактора «Журнала для всѣхъ» Виктора Сергѣевича Миролюбова, хотя онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и издателемъ, а, по выраженію Лѣскова, «издатель—всегда издатель»,—я встрѣчалъ немного людей съ такой открытой душой, какъ у него.

Критическихъ отзывовъ о моей первой книгѣ было немного; больше всего, насколько я знаю, о второй. Впрочемъ, они всегда попадались мнѣ случайно. Мнѣ приходилось читать о себѣ и замѣтки и цѣлыя статьи, но почти никогда онѣ не останавливали моего вниманія. За немногими исключеніями (замѣчанія Брюсова, Вяч. Иванова, Д. В. Философова, В. И. Самойло), они меня ничему не научили; были и буренинскипраздныя и фельетонно-хлесткія и уморительно-декадентскія, но вездѣ—ложка правды въ бочкѣ критическихъ вымысловъ, хулиганской ругани, безстыдныхъ расхваливаній, а иногда, къ сожалѣнію, намеки вовсе не литературнаго свойства. Важнѣйшими приговорами, кромѣ собственныхъ, были для меня приговоры ближайшихъ литературныхъ друзей и нѣкоторыхъ людей, не относящихся къ интеллигенціи.

Печатаніе никогда не было для меня важнымъ событіемъ, потому что я привыкъ строго отдѣлять его отъ писанія. Подъ псевдонимомъ я никогда не печатался, изрѣдка подписывался только иниціалами.

Отъ цензуры страдалъ я немного. Не могу сказать того же о неисправности въ платежѣ, которая въ послѣднее время со стороны нѣкоторыхъ издателей сдѣлалась систематической.

На серьезныя опечатки я могу жаловаться тоже лишь въ послѣднее время, когда невѣжество корректоровъ приняло баснословные размѣры. Корректоры и издатели, имѣющіе уваженіе къ слову, должны знать, что существуетъ *математика слова* (какъ математики всѣхъ другихъ искусствъ), особенно—въ *стихахъ*. Поэтому мѣнять ихъ по собственному вдохновенію, каковы бы они, съ ихъ точки зрѣнія, ни были, — по меньшей мѣрѣ, некультурно.

Теперешнія внѣшнія обстоятельства моего писательства я не могу считать особенно трудными. Однако ни одна изъ моихъ книгъ не потребовала второго изданія. Стихи читаются мало, а мнѣ пока всего доступнѣе и дороже языкъ стиховъ.

Иванъ Сергѣевичъ РУКАВИШНИКОВЪ.

I.

Ни въ корняхъ, ни въ стволѣ родословнаго дерева моего нельзя найти не только писательскаго дара, не только литературнаго вкуса, но и желанія считаться въ какой-либо степени съ литературой.

Но можно видѣть, если не творчество, то жажду самобытной дѣятельности въ затершихся слѣдахъ прадѣда моего, прошедшаго по берегу дикой тогда Волги, въ желѣзной волѣ дѣда. Это по отцу. По матери— или ничего, или тихій мистицизмъ. Дѣтски помню дѣда и красиваго сѣдоволосаго прадѣда. Умерли они въ одинъ день и въ одинъ часъ — потрясенъ былъ сынъ смертью отца. Помню этотъ день.

Были люди, но литературы не было.

II.

Въ саду моей юности росли золотыя яблоки. И когда я понялъ, что мнѣ ихъ не угрызть, я ушелъ въ свои лѣса и перелѣски искать ягодъ въ живой травѣ.

Когда въ «Нижегородскомъ Листкѣ» стали печататься мои стихи (1896 г.), близкіе мои не сказали мнѣ ни слова о томъ, какъ и я имъ ни слова.

Противодѣйствіе? Я не знаю, когда оно сильнѣе: тогда ли, когда ручей пробиваетъ путь подъ камнемъ, тогда ли, когда загороженная плотиной рѣка сначала обходитъ плотину, потомъ рветъ ее.

III.

Спрашивая память мою, отвѣчаю: Достоевскій и По—первые боги мои. Пусть они будутъ послѣдними, ибо теперь говорящихъ боговъ у меня нѣтъ. О вліяніи же тѣхъ и иныхъ еще на меня судить не мнѣ.

IV.

Редакція. Страшное слово. Это Пантеонъ. И это моргъ. Русская жизнь учитъ меня тому, что это не Пантеонъ, не моргъ, но посредственная школа, а при ней инкубаторъ,—школа, часто мнящая себя академіей.

Началъ я отдавать свои стихи въ редакціи съ девятнадцати лѣтъ. Но скоро понялъ, что мнѣ еще надо найти себя, свое въ тишинѣ одиночества, и вотъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ относилъ написанное въ тихую темноту шкапа или въ яркую музыку пылающей печи. Такъ къ 1901 году написалъ первую книгу: «Стихотворенія и проза».

V.

Вліяніе людей? Вернусь назадъ. Тамъ еще, на берегу Волги, меня, юношу, пригласилъ къ себѣ письмомъ больной тогда писатель. Пришелъ я. Познакомились. Уютно, тепло, радушно. И онъ хорошій, добрый. И жена тихая, умная. Онъ ходитъ по комнатѣ, покашливаетъ. У двери на гвоздѣ его фельетоны—разсказы, вырѣзанные изъ мѣстной газеты. Самоваръ зашумѣлъ. И говорилъ мнѣ писатель о томъ, что пути моихъ стиховъ — ложь и вредъ, а повѣсть моя—была у меня и юная повѣсть—тѣмъ-то и тѣмъ-то не плоха.

И говорили мы до ночи о Россіи, и говорили о народѣ и немного объ искусствѣ.

Черезъ два-три года писатель этотъ имѣлъ уже всеевропейскую извѣстность.

Въ ту же эпоху другой писатель при случайной встрѣчѣ убѣждалъ меня писать не стихи и не повѣсти, а статьи по вопросамъ края.

Потомъ онъ былъ избранъ почетнымъ академикомъ.

А старикъ-художникъ, у котораго я учился рисованію и живописи, прочитавъ новые мои стихи въ газеткѣ, хитро улыбаясь, ласково бормоталъ:

— Любовь, и черти, и цвѣты...

Потомъ, сдѣлавъ торжественное лицо, почти строго произносилъ:

— Чувство мѣры—высшій даръ боговъ.

Мнѣ хочется вѣрить, что этотъ былъ наиболѣе правъ.

VI.

Итакъ, тяжелыхъ и огорчительныхъ мытарствъ по редакціямъ въ дни исканій и созиданій я не зналъ. Возвращенныя же рукописи для меня не рѣдкость. Предложенія измѣнить, передѣлать бывали. Никогда не соглашался. Цензурныя приключенія тоже бывали; бывали и смѣшныя. Такъ, однажды казанскій цензоръ испугался слова *рабъ* въ моемъ стихотвореніи. А слово это попадалось тамъ раза три. Почему-то не пожелавъ вычеркнуть всего стихотворенія, цензоръ вездѣ, гдѣ *рабъ*, поставилъ *гадъ*. Газета такъ и напечатала.

Не слѣдовало бы провинціальныхъ цензоровъ учить стихосложенію.

Искаженія, мѣняющія смыслъ произведенія, или губящія его... *Почти всѣ* провинціальныя статьи и статейки обо мнѣ, которыя довелось мнѣ читать, грѣшатъ искаженіемъ моихъ стиховъ, умышленнымъ или случайнымъ. Нерѣдко стихи иныхъ авторовъ приписывались мнѣ; пародіи, написанныя на мои стихи,— мнѣ же.

Если бы я былъ провинціальнымъ читателемъ, узнающимъ объ извѣстной литературной школѣ лишь изъ газетъ своего района, я глубоко презиралъ бы стихотворца Рукавишникова.

Гонораръ. О немъ не торговался. Меньшая плата была 10 копеекъ за строку, бóльшая—2 рубля за строку. Часто ничего не платили, говоря, что нѣтъ денегъ.

VII.

Мы не знаемъ, что намъ на пользу, что во вредъ. А если узнаемъ, то часто слишкомъ поздно и не настолько ясно, чтобъ невозможенъ былъ споръ.

Наука о творческой личности, объ ея ростѣ и условіяхъ роста, предчувствуется.

Жизнь чертитъ знаки на длинномъ свиткѣ. А мы смотримъ на свитокъ тѣми же глазами, какими смотрѣлъ восемнадцатый вѣкъ на книгу Авесты. Вглядываемся, догадываемся, пытаемся открыть дверь утерянной тайны ключами и отмычками. И подчасъ провидцамъ слышится звонъ замка.

Страницы эти не болѣе, чѣмъ буква на свиткѣ и, можетъ-быть, даже буква въ невѣрно-условной транскрипціи писца.

Но будемъ вѣрить, что, относясь вдумчиво-бережно ко всѣмъ знакамъ, выступающимъ время отъ времени на таинственномъ свиткѣ, мы приближаемъ день, въ который книга великаго Зороастра будетъ прочитана такъ же легко, какъ всякая иная книга.

Поликсена Сергѣевна СОЛОВЬЕВА (Allegro).

Отецъ мой—историкъ С. М. Соловьевъ. Я была двѣнадцатымъ ребенкомъ и младшей въ семьѣ, состоявшей изъ восьми дѣтей (четверо—умерло до моего рожденія). Семейная обстановка вполнѣ благопріятствовала развитію во мнѣ способности и любви къ литературѣ. Я не помню такого времени, когда бы я чего-нибудь не сочиняла и не писала. Читать я выучилась въ пять лѣтъ и тогда же сама стала писать печатными буквами. Первыя прочитанныя мною книги были житія святыхъ, сказки Андерсена, стихи Пушкина и Фета и сочиненія Гоголя. Когда я бывала больна, моя мать всегда читала мнѣ «Руслана и Людмилу» или «Вечера на хуторѣ». Все прочитанное создавало своеобразный фантастическій міръ, въ кото-

ромъ я и жила, такъ какъ съ реальной жизнью сталкиваться приходилось мало. Жизнь шла правильно и однообразно: зимой въ Москвѣ, лѣтомъ—подъ Москвой на казенной дачѣ, куда по воскресеньямъ пріѣзжали къ обѣду друзья отца, профессора и ученые. Впечатлѣній отъ природы въ дѣтствѣ я почти не имѣла, только тринадцати лѣтъ попала въ первый разъ въ деревню и разъ навсегда полюбила ее и сѣверную природу.

Любила я еще очень Кавказъ, куда мы ѣздили каждое лѣто.

Первое стихотвореніе было написано въ восемь лѣтъ. Вотъ оно:

Осень.

Листья облетѣли,
Соловей замолкъ,
Птички улетѣли,
Рыщетъ въ лѣсу волкъ.
Всѣ цвѣты завяли,
Нѣту больше розъ,
Даже скоро будетъ
Маленькій морозъ.

Моя мать сказала мнѣ, чтобы я переписала стихи, и что она пошлетъ ихъ моему старшему брату Всеволоду. Я сѣла переписывать и не знала, какъ написать слово «маленькій»—съ ь или безъ него. А спрашивать не хотѣлось. Рѣшила, что ь не надо. Братъ одобрилъ стихи. «Особенно,—писалъ онъ,—понравился мнѣ *маленкій морозъ*». Читая его отвѣтъ, я увидала, что «маленькій» пишется черезъ ь, и была увѣрена, что братъ похвалилъ меня въ насмѣшку, намекая на мою ошибку. Всѣ первые стихи мои воспѣвали природу и роковыя сердечныя страданія. Писала я и прозой. Лѣтъ десяти написала «Разсужденія о загробной жизни». Старшіе читали мои произведенія, но въ глаза относились къ нимъ критически. Братъ Владиміръ, какъ только писалъ какое-нибудь стихотвореніе, всегда мнѣ его прочитывалъ.

Мнѣ было лѣтъ пятнадцать, когда онъ показалъ мои стихи Фету. Фетъ сказалъ, что «въ стихахъ есть entrain». Я ужасно любила Фета. Самъ онъ былъ удивительно не похожъ на свои стихи, но очень остроумно и своеобразно умѣлъ разсказывать. Слушать его было наслажденіе. Самыя смѣшныя вещи онъ говорилъ не смѣясь, сердитымъ ворчливымъ тономъ, и только въ узенькихъ глазахъ мелькалъ насмѣшливый огонекъ. Изрѣдка онъ останавливался, чтобы дать нахохотаться моему брату, который заглушалъ его слова своимъ раскатистымъ смѣхомъ. Вся наша семья любила посмѣяться.

Четырнадцати лѣтъ я, посовѣтовавшись съ младшимъ братомъ Михаиломъ, котораго считала авторитетомъ и называла «мой критикъ», рѣшила послать два свои стихотворенія въ журналъ «Новь». «Тамъ и хуже печатаютъ», сказалъ мнѣ братъ въ видѣ одобренія. Правда, тамъ печатали и хуже, но мои вернули. Очень меня это огорчило. Года черезъ два эти же самыя два стихотворенія были напечатаны въ «Нивѣ» за подписью П. С—ва, а я получила гонораръ, которымъ очень гордилась.

Къ сожалѣнію, съ самаго дѣтства я начала разбрасываться: хотѣлось писать стихи, но хотѣлось и рисовать, учили меня и музыкѣ, а позднѣе я стала заниматься и пѣніемъ; и даже былъ разговоръ о томъ, чтобы мнѣ итти на сцену, такъ какъ я съ дѣтства обнаруживала сценическую способность. Нужно было всѣ силы и способности сосредоточить на одномъ, но это оказывалось невозможнымъ. Отъ 19 до 28 лѣтъ я была дружна съ однимъ семействомъ, которое, поощряя мои занятія живописью, болѣе, чѣмъ равнодушно относилось къ моимъ стихамъ, и подъ вліяніемъ этихъ друзей я одно время совсѣмъ бросила писать стихи и не пробовала ничего печатать. Только въ 1895 г., благодаря счастливой случайности, стихи мои попали къ Н. К. Михайловскому. Въ тетради находились и тѣ стихи, которые были напечатаны въ «Нивѣ». Михайловскій выбралъ нѣсколько стихотвореній для «Русскаго Богатства» и, между прочимъ, взялъ и тѣ, которыя уже были напечатаны, а передъ

тѣмъ отвергнуты «Новью». Мнѣ пришлось спѣшно написать ему, что эти стихи печатать нельзя. Тогда же онъ спросилъ меня, подъ какимъ же псевдонимомъ я хочу печатать стихи, и я, не подумавъ хорошенько, подписалась: «Allegro». Псевдонимъ этотъ я считаю очень неудачнымъ. Послѣ того, какъ было напечатано нѣсколько моихъ стихотвореній въ «Русскомъ Богатствѣ», въ одной газетной рецензіи объ этомъ журналѣ было, между прочимъ, сказано:

«Появился тамъ еще новый пламенный поэтъ, нѣкто господинъ «Allegro». Михайловскій говорилъ мнѣ, что нѣкоторые заподозрили, что это онъ самъ сталъ писать стихи, прикрываясь музыкальнымъ псевдонимомъ».

Вскорѣ послѣ того я стала печататься и въ другихъ журналахъ: въ «Мірѣ Божьемъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы». Непринятое въ одномъ журналѣ, всегда печаталось въ какомъ-нибудь другомъ. Такъ же было и съ немногими моими прозаическими разсказами. Рукописи мои не сокращались, особыхъ опечатокъ не запомню, цензурныхъ препятствій не встрѣчалось. Все предназначавшееся къ печати было напечатано.

И, тѣмъ не менѣе, если бы мнѣ пришлось жить литературнымъ заработкомъ,—эти строки не были бы написаны, такъ какъ мнѣ давно пришлось бы умереть съ голоду. И теперь, издавъ четыре сборника стиховъ (три для взрослыхъ и одинъ для дѣтей), и состоя редакторомъ дѣтскаго журнала «Тропинка», въ матеріальномъ отношеніи отъ занятій литературой ничего, кромѣ убытка, не имѣю.

Иванъ Леонтьевичъ ЩЕГЛОВЪ.

(Леонтьевъ.)

I.

Дѣдъ мой—артиллерійскій генералъ, баронъ Владиміръ Карловичъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, у котораго я жилъ и воспитывался съ трехлѣтняго возраста, оказалъ самое счастливое вліяніе на развитіе моего писательскаго дара. Это былъ человѣкъ рѣдкаго художественнаго вкуса, большой начитанности и обширнаго образованія. Художники Карлъ Брюлловъ, Павелъ Ѳедотовъ, Алексѣй Венеціановъ были его душевнѣйшими друзьями; а въ числѣ самыхъ близкихъ знакомыхъ насчитывались такія имена, какъ Николай Гречъ, Владиміръ Даль, поэтъ Губеръ, артисты В. А. Каратыгинъ, А. Е. Мартыновъ, В. В. Самойловъ, И. И. Сосницкій. В. К. самъ былъ превосходный рисовальщикъ, и его акварельныя карикатуры отличаются большой тонкостью и юморомъ.

II.

Первые литературные шаги мои отмѣчены рѣзко благопріятными условіями. Достаточно сказать, что первыми моими наставниками, напутствовавшими меня на литературную дорогу, были: К. Д. Кавелинъ, В. Ѳ. Коршъ и поэтъ А. Н. Плещеевъ!

III.

Дѣдъ мой, В. К. Клодтъ, былъ женатъ, но дѣтей у него не было, и всю нѣжность и любовь своей рѣдкой души онъ сосредоточилъ на мнѣ, своемъ случайномъ питомцѣ. Подъ его попечительнымъ крылышкомъ

дѣтство и юность мои промелькнули, какъ золотой сонъ. Первыя прочитанныя книги: «Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ волкѣ» Жуковскаго и сказки Андерсена—волшебника Андерсена, обогрѣвавшія мое дѣтство и утѣшающія меня подъ старость.

Зиму дѣдъ жилъ въ Петербургѣ, сорокъ лѣтъ подъ рядъ на одной квартирѣ (на Литейной, домъ 40, занимая весь верхній этажъ—стѣна въ стѣну съ бывшимъ Театральнымъ Клубомъ), а лѣто неизмѣнно на дачѣ, въ Павловскѣ. . . . . .

За все это время у меня только было одно великое горе—неожиданная смерть моей матери, Евфиміи Васильевны Леонтьевой.

IV.

Первыя творческія попытки мои — всѣ стихотворныя. Нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли въ моей маленькой секретной голубой тетрадкѣ. Просматривая ее сейчасъ, я остановился на заключительномъ стишкѣ: «Павловскъ», который показался мнѣ наиболѣе характернымъ:

«Знакомыя мѣста... Здѣсь я стихи писалъ
Къ любовницѣ, которую въ глаза не видѣлъ;
На этомъ мѣстѣ міръ я ненавидѣлъ,
За что,—и самъ того не понималъ...
Да вообще, тогда я не предвидѣлъ,
Чтобъ изъ поэтовъ вдругъ въ прозаики попалъ,
И безпощадно тѣ предметы осмѣялъ,
Которые когда-то чтилъ, какъ идеалъ,
Въ которыхъ все спасенье жизни видѣлъ!»

V.

Первое произведеніе создалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ Гоголевскаго «Ревизора».

VI.

Совпаденіе фабулы съ конструкціей первыхъ сценъ «Ревизора» достаточно прозрачно.

VII.

Это первое мое произведеніе—«Граждане», комедія въ 1 дѣйствіи (въ послѣдующемъ литографированномъ изданіи Мозера комедія раздѣлена на два дѣйствія и заглавіе менѣе претенціозное: «Охота на корреспондента»).

VIII.

Если произведеніемъ можно считать «корреспонденцію», то моя корреспонденція изъ Севастополя, гдѣ я служилъ офицеромъ въ 13 артиллерійской бригадѣ, напечатанная 20 іюля 1875 г. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (о землетрясеніи въ Севастополѣ), можетъ считаться моимъ первымъ напечатаннымъ произведеніемъ.

IX.

Мытарствовать по редакціямъ на моихъ первыхъ литературныхъ шагахъ мнѣ почти не приходилось. Редакторомъ «Сѣвернаго Вѣстника», куда я снесъ мое первое, наиболѣе цѣльное произведеніе, комедію «Граждане», былъ Валентинъ Ѳедоровичъ Коршъ (комедія была принята, но «Сѣверный Вѣстникъ» былъ неожиданно запрещенъ). Въ «Новомъ Обозрѣніи», гдѣ напечатано было мое наиболѣе удачное произведеніе,—откликъ русско-турецкой войны, разсказъ «Первое сраженіе»,—былъ редакторомъ мой большой другъ Д. А. Коропчевскій. Въ «Вѣстникѣ Европы» меня крайне доброжелательно встрѣтилъ покойный А. Н. Пыпинъ и нынѣ благополучно здравствующій К. К. Арсеньевъ (напечатаны «Поручикъ Поспѣловъ» и «Идиллія»), а въ «Отечественныхъ Запискахъ» моимъ литературнымъ воспріемникомъ былъ самъ Щедринъ.

X.

Не касаясь по этому щекотливому пункту личностей, отмѣчу одну общую черту: наиболѣе оригинальное и яркое произведенie впослѣдствiи (когда умерли чуткie старики) всегда труднѣе было пристроить, чѣмъ произведенie слабое и банальное.

XI.

О моемъ первомъ «произведенiи», корреспонденцiи о Севастопольскомъ землетрясенiи, я уже упоминалъ.

XII.

Читано оно было моему сожителю и товарищу по 13 артиллерiйской бригадѣ и встрѣчено довольно сомнительно. Но когда вслѣдъ за тѣмъ изъ редакцiи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» былъ полученъ гонораръ — мой товарищъ отнесся уже съ полнымъ уваженiемъ къ началу моей литературной дѣятельности.

XIII.

По этому пункту ограничусь однимъ общимъ замѣчанiемъ. Прежнie старики-редакторы относились куда внимательнѣе и деликатнѣе къ начинающимъ молодымъ силамъ, чѣмъ относятся нынѣшнie молодые редакторы къ намъ, старикамъ, людямъ достаточно опытнымъ и извѣстнымъ.

XIV.

Помню, М. Е. Щедринъ сдѣлалъ въ моей повѣсти всего двѣ маленькiя поправки и сдѣлалъ ихъ мастерски. Ту же чуткость и деликатность обнаружили впослѣдствiи къ моимъ рукописямъ В. Ѳ. Коршъ, К. К. Арсеньевъ, А. С. Суворинъ.

XV.

Въ моемъ первомъ большомъ напечатанномъ произведенiи (комедiя «Граждане») монологъ молодого писателя Журавлева, застрявшаго въ провинцiальномъ городѣ, начинается словами: «Этакая тощища. И надо же было мнѣ опоздать на этотъ проклятый поѣздъ!..»

А въ журналѣ—о ужасъ!—было напечатано: «Этакая *пощечина!*» Журналъ былъ мало извѣстный и спецiальный, но мнѣ казалось, что весь мiръ видитъ эту нелѣпость, — и радость перваго впечатлѣнiя отъ впервые напечатанной вещи была отравлена!..

XVI.

Помню, когда лѣтъ тридцать тому назадъ, послѣ напечатанiя въ «Вѣстникѣ Европы» моихъ разсказовъ, я принесъ М. М. Стасюлевичу начало большого романа изъ военной жизни, въ жанрѣ Купринскаго «Поединка», М. М. замахалъ на меня руками. По тогдашнему времени вещь изъ военнаго быта въ обличительномъ духѣ немыслима была въ цензурномъ отношенiи,—и, такимъ образомъ, накопленные мной военные матерiалы такъ зря и пропали. Пришлось обратиться къ статскимъ темамъ.

Сколь счастливѣе нынѣшнie молодые писатели въ цензурномъ... и гонорарномъ отношенiи!

XVII.

Комедiя «Граждане», напечатанная въ московскомъ журналѣ «Театральная библiотека», оплачена была... десятью авторскими экземплярами!

XVIII.

Сколько помнится, мой первый гонораръ — плата за корреспонденцiю о землетрясенiи, заключался въ одиннадцати рубляхъ съ копейками!

XIX.

У меня сохранилось письмо извѣстнаго московскаго издателя, который, обсчитавъ меня гонораромъ по напечатаніи большой повѣсти, извинялся такими трогательными строками: «Посылаю вамъ *мало,* въ увѣренности, что Господь вамъ внушитъ написать новое чудное произведеніе, за которое вы въ другой редакціи получите *много*!»

XX.

Дѣдъ мой В. К. Клодтъ до самой своей смерти чутко и любовно слѣдилъ за моей литературной дѣятельностью и при жизни всячески содѣйствовалъ ея развитію. Такъ, напримѣръ, онъ перевелъ для меня съ нѣмецкаго большую монографію о Мольерѣ, отправилъ меня за границу, дарилъ дорогими изданіями. Нѣкоторыя изъ моихъ комедій собственноручно переписаны его классически-красивымъ и ровнымъ почеркомъ, а двѣ—даже иллюстрированы юмористическими рисунками перомъ.

XXI.

Литографированное изданіе моей комедіи «Охота на корреспондента» выпущено съ псевдонимомъ: *И. Неволина.*

XXII.

Первый критическій отзывъ: два фельетона въ «Голосѣ» отъ 9 и 19 апрѣля 1881 г.; оба фельетона безъ подписи. Эти горячіе, столь лестные для меня, фельетоны сразу закрѣпившіе мое литературное имя «Ивана Щеглова», какъ оказалось, принадлежали извѣстному знатоку художественной литературы и старинной живописи, Василію Петровичу Горленко, впослѣдствіи моему закадычному другу и незамѣнимому литературному совѣтчику

XXIII.

Въ настоящее время я едва ли бы склонился за самый соблазнительный гонораръ пустить мое первое печатное произведеніе, комедію «Граждане» (она же: «Охота на корреспондента»), на сцену. Но тогда, при первомъ появленіи ея въ печати, я плавалъ въ какомъ-то голубомъ восторгѣ («Театральная библіотека», 1879 г.).

XXIV.

На первыхъ порахъ, когда писалось легко и достаточно легкомысленно, рукописи мои рѣдко тормозились въ редакціяхъ. Онѣ стали тормозиться, когда писанія мои стали обдуманнѣе, зрѣлѣе и оригинальнѣе!

XXV.

Долженъ сознаться, что первые литературные шаги мои были очень счастливы, и борьбѣ за существованіе не было мѣста... Впослѣдствіи, по мѣрѣ убыли моихъ добрыхъ литературныхъ друзей, становилось труднѣе, а со смертью А. П. Чехова, совпавшей съ началомъ войны и смутнаго времени, пришлось пережить черную полосу великаго упадка духа, обидной заброшенности и матеріальной нищеты.

Сейчасъ по редакціямъ прошелъ слушокъ, что господинъ «здравый смыслъ» вскорѣ возвращается изъ своего «пятилѣтняго отпуска»,—и это, надо думать, подниметъ мои писательскіе фонды, сильно упавшіе въ дни смуты умовъ и кровавыхъ пировъ.

Дай-то Богъ! Надо было большое мужество, чтобы пережить стойко это тяжкое пятилѣтіе, и не выронить изъ рукъ своего стараго «Гоголевскаго знамени!»..

Невольно благодарно вспоминается, какъ разъ въ такіе тяжелые дни я получилъ неожиданное ободреніе изъ далекой Англіи, отъ моего добраго друга и

сочувственника Джерома К. Джерома. Онъ прислалъ мнѣ трогательный рождественскій подарокъ въ видѣ красной сафьянной записной книжки со своими иниціалами—любимой книжки своей юности—и на первомъ листѣ, вмѣсто посвященія, написалъ двѣ строки изъ Библіи:

«Будь силенъ и смѣлъ! Не бойся и не приходи въ отчаяніе! Потому что Господь твой Богъ всегда съ тобою»!!.

Говорить ли, что въ особенно горькія минуты я не разъ заглядывалъ въ эту красную записную книжечку, и въ немногихъ ея строкахъ почерпалъ достаточно энергіи для благополучнаго продолженія литературной дѣятельности?..

Александръ Митрофановичъ ѲЕДОРОВЪ. (р. 1868)

Еще когда я былъ девяти-десятилѣтнимъ ученикомъ приходского училища, съ завистью слышалъ я, что гимназисты пишутъ сочиненія. Для меня тогда сочиненіе означало прежде всего стихи, а затѣмъ разсказы, повѣсти и т. д.

Мнѣ самому очень хотѣлось писать такія сочиненія, но не было почти никакой надежды попасть въ гимназію, такъ какъ семья моя была крайне бѣдна и почти безграмотна. Отецъ читалъ съ трудомъ, мать также; единственная книга, бывшая у насъ въ домѣ—Евангеліе, читалось изрѣдка по праздникамъ вслухъ, и оттого въ раннемъ дѣтствѣ я былъ очень религіозенъ. Но эту религіозность вытравило во мнѣ скоро мое участіе въ церковномъ хорѣ, гдѣ безногій регентъ и старшіе безпощадно колотили насъ, маленькихъ.

Случайно одинъ изъ давальцевъ,—отецъ былъ до юношескихъ лѣтъ пастухъ въ деревнѣ, а затѣмъ са-

пожникъ въ Саратовѣ,—поговоривъ со мной, убѣдилъ отца отдать меня въ реальное училище. Отецъ, коекакъ собравшись съ силами, опредѣлилъ меня въ первый классъ. Купили мнѣ старую шинель, которая волочилась по землѣ, и я сталъ учиться, какъ полагалось, и ждать, когда насъ станутъ просвѣщать относительно сочиненій.

Скоро я разочаровался въ такомъ ожиданіи, и мнѣ объяснили, что этому научить нельзя.

Лѣтъ до пятнадцати я и не пытался сочинять. Читалъ все, что попадалось. Очень любилъ Пушкина, но до такой степени уважалъ Некрасова, что впослѣдствіи первые мои стихотворные опыты были жестокимъ подражаніемъ Некрасову. Однако писаніе стиховъ началось не съ этого.

Лѣтъ четырнадцати я влюбился, и первые мои стихи были любовные. Даже въ пору подражанія Некрасову я писалъ также не мало стиховъ, въ которыхъ воспѣвалась любовь и природа, но разумѣется, въ то время я ни за что не рѣшился бы попытаться напечатать ихъ.

Первое стихотвореніе, которое мои товарищи уговорили меня отдать въ печать, называлось «Смерть рабочаго», при чемъ рабочій умиралъ въ Петербургѣ, котораго я никогда не видалъ, и смерть его сопровождалась ужаснымъ воемъ Невы.

Никогда послѣ этого я не испытывалъ такой безумной гордости и восторга, какъ въ тотъ моментъ, когда мое стихотвореніе появилось въ «Саратовскомъ Дневникѣ». Достаточно сказать, что ночь наканунѣ я не спалъ, а затѣмъ цѣлый день ходилъ по городу, опьянѣвъ отъ сатанинской гордости и тщеславія. Посѣщалъ всѣхъ своихъ товарищей и знакомыхъ и съ дѣланно-равнодушнымъ лицомъ спрашивалъ, читали ли они нынче «Саратовскій Дневникъ»? Конечно, дальше все понятно: если они читали и выражали мнѣ свое одобреніе—я на всю жизнь готовъ былъ считать ихъ друзьями. Если не читали, но интересовались, я небрежно засовывалъ руку въ карманъ, доставалъ газету

и съ такимъ видомъ указывалъ имъ на мое стихотвореніе, какъ будто напечаталъ уже тысячи стиховъ. Но если мое произведеніе проходило незамѣченнымъ,— да проститъ мнѣ Богъ, дѣло прошлое,—я ненавидѣлъ этихъ людей.

Нельзя сказать, чтобы со стороны моихъ наставниковъ и учителей литературные опыты мои встрѣтили покровительство или одобреніе. Увы!—совершенно напротивъ. Первый ударъ, который, получилъ я за свое поэтическое творчество, былъ нанесенъ мнѣ вновь назначеннымъ директоромъ, который, провѣряя сочиненія учениковъ, разразился жестокой филиппикой противъ меня за то, что я осмѣлился передать въ стихахъ впечатлѣніе, производимое осенью, что служило темой классной работы. Особенно донимали меня упреками и насмѣшками за мои стихотворные труды преподаватели математики. Достаточно мнѣ было споткнуться на какой-нибудь теоремѣ, какъ ядовитое замѣчаніе, подобно жалу, вонзалось въ меня:

— Ага, это вѣрно не стихи писать!

Платили въ газетѣ отъ пяти до десяти копеекъ за строчку, но эти деньги казались мнѣ священными, и, несмотря на то, что я съ четырнадцати лѣтъ былъ человѣкомъ самостоятельнымъ и жилъ на десять-двѣнадцать рублей, которые зарабатывалъ уроками, литературный гонораръ я тратилъ на покупку книгъ или на театръ. Позднѣе въ театръ я получилъ доступъ даромъ, такъ какъ писалъ для актеровъ куплеты на злобу дня.

Лѣтъ шестнадцати я послалъ свои стихотворенія въ «Русское Богатство» и получилъ отъ Л. Оболенскаго, въ то время издававшаго этотъ журналъ, чрезвычайно трогательное письмо, которое основательно поддало мнѣ поэтическаго жару.

Вмѣстѣ съ первой моей любовью, это письмо такъ меня ободрило, что я отдался поэзіи, несмотря на самыя чудовищныя условія тогдашней моей жизни. Моему начальству это все болѣе и болѣе не нравилось, ибо извѣстно, что вмѣстѣ со стихами растетъ

любовь къ свободѣ. Кончилось тѣмъ, что меня по самому незначительному поводу удалили изъ реальнаго училища.

Въ это время моими стихами заинтересовался А. Н. Майковъ. Узнавъ о прискорбномъ событіи, постигшемъ меня, онъ прислалъ письмо, что ѣдетъ къ Делянову хлопотать, чтобъ меня допустили держать выпускной экзаменъ.

Но я въ это время лежалъ раненый пулей въ больницѣ. Экзамены кончились, когда я выздоровѣлъ: тогда я рѣшилъ отправиться въ Москву и посвятить себя исключительно литературѣ.

Первый настоящій писатель, съ которымъ я встрѣтился въ Москвѣ, былъ Н. Н. Златовратскій. Онъ очень ласково и дружелюбно отнесся ко мнѣ. У него я познакомился съ «представителями» «Русской Мысли» и сталъ печатать тамъ стихи. Но, конечно, о существованіи исключительно литературнымъ заработкомъ не могло быть и рѣчи. Я снова сталъ давать уроки. Въ то же время увлеченіе театромъ тянуло меня на сцену, и я отъ двадцати до двадцати двухъ лѣтъ прослонялся по провинціи, разыгрывая всевозможныя роли, начиная отъ маленькихъ и кончая Донъ-Карлосомъ. Хотя я игралъ по временамъ не безъ успѣха, но, кромѣ отвращенія, объ этомъ періодѣ моей жизни у меня мало что осталось въ душѣ.

Послѣднимъ пунктомъ моей плодотворной артистической дѣятельности былъ городъ Уфа. Здѣсь, благодаря близости къ башкирскому народу, я задумалъ мой первый романъ «Степь сказалась». Въ бытность мою въ Уфѣ вышла и первая книга моихъ стиховъ, изданная такъ неряшливо, съ такимъ количествомъ опечатокъ, что я едва ли не плакалъ. По счастью, книга скоро сгорѣла во время пожара у издателя. Впрочемъ, критика ее привѣтствовала довольно дружелюбно.

Существованіе мое литературой относится ко времени напечатанія романа «Степь сказалась». Но Боже мой, чего я только не писалъ для поддержанія своего

существованія! И юмористическіе стихи, и газетные фельетоны, и библіографическія замѣтки... Наконецъ въ 96—97 году я переѣхалъ въ Одессу, гдѣ лѣтъ пять писалъ фельетоны чуть не ежедневно, вплоть до постановки моей первой пьесы «Буреломъ». Съ этого времени я бросилъ газетную работу. Много писалъ, много путешествовалъ, но все это извѣстно, и не мое дѣло писать объ этомъ періодѣ моей жизни, который весь отразился въ моихъ книгахъ.

Александръ Ивановичъ КОСОРОТОВЪ. (1868-1912)

Я позволю себѣ пріоткрыть страницу изъ самыхъ юныхъ переживаній, интимнѣйшихъ, о которыхъ никто, кромѣ меня, разсказать не можетъ.

Оглядываясь въ далекое прошлое моей жизни, я склоненъ думать, что сталъ писателемъ лишь потому, что судьба заградила передо мной путь музыканта. Правда, ужъ къ третьему классу гимназіи у меня накопилась тетрадь стиховъ,—подражаній Кольцову и Майкову. Мои классныя сочиненія читались съ каѳедры, въ качествѣ образцовыхъ. Но еще раньше, еще до гимназіи, сколько себя помню, я всѣмъ сердцемъ былъ преданъ музыкѣ. «Вундеркиндомъ» я не былъ, но обладалъ очень хорошимъ слухомъ и голосомъ. Сестра, бывшая старше меня лѣтъ на четырнадцать, съ удовольствіемъ присаживалась по вечерамъ къ піанино, чтобы пѣть со мною дуэты, порою довольно сложные, а въ гимназическомъ хорѣ, съ первыхъ же дней, я попалъ въ рангъ «солистовъ». Инспекторъ гимназіи, покровитель искусствъ, неизмѣнный другъ пѣвчихъ, при каждой встрѣчѣ дружески хлопалъ меня по плечу, угощалъ апельсинами, пичкалъ какими-то специфическими конфетами, когда я простужался, и «спускалъ» массу провинностей. Если я былъ когда-нибудь въ жизни поистинѣ счастливъ, такъ именно въ эту пору, а счастье это было не простое дѣтское или птичье, которое сознаешь только въ воспоминаніяхъ, но какое-то обостренное, постоянно ощущаемое, какъ новость, какъ утренній воздухъ въ горахъ. Происходило оно не отъ утѣхъ честолюбія, о которомъ въ ту пору я и понятія не имѣлъ, но отъ переживаній исключительно эстетическихъ.

Въ страстную недѣлю, выходя на амвонъ въ «Да исправится», при первыхъ же звукахъ геніальнаго тріо, я ощущалъ дрожь и слабость въ колѣнкахъ; когда же мы доходили до словъ: «Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія» (въ этомъ мѣстѣ какъ разъ мучительно-сладкій диссонансъ на полутонѣ, разрѣшающійся въ мирный аккордъ октавы и терціи),—надобилось усиліе надъ собою, чтобы не разрыдаться.

Съ возрастомъ расширялись музыкальные кругозоры и вкусы. Въ хоровомъ пѣніи уже не удовлетворяла одна «своя партія», хотѣлось знать весь ансамбль, и я постоянно просилъ у регента партитуры, чтобы внимательно изучить дома за піанино. За этимъ же піанино, хотя и плохо владѣлъ техникой, я штудировалъ цѣлые оперные клавираусцуги съ голосами. Одновременно, самоучкой, научился играть на скрипкѣ, и въ техникѣ этого инструмента догналъ и обогналъ старшихъ братьевъ, бравшихъ уроки у музыканта. Къ пятому классу началъ кое-что сочинять: романсы для пѣнія, хоры, пьески для скрипки и фортепіано...

Отцу, городскому доктору, все это, въ общемъ, нравилось. Иногда подойдетъ и начнетъ вспоминать:

— Это ты въ мать пошелъ. Покойница была хорошая піанистка. Особенно хорошо у нея выходило... ну, это вотъ, что по-французски называется «perlé».

Въ общемъ, однако, онъ больше смотрѣлъ на искусство, какъ и на многое иное подобное, съ точки

зрѣнія житейской полезности. Часто можно было услышать отъ него такія сентенціи:

— Музыка смягчаетъ характеръ и также содѣйствуетъ пищеваренію. Вращаться въ обществѣ барышень и даже слегка поухаживать — небезполезно: женское общество облагораживаетъ манеры, пріучаетъ къ учтивости.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, мое рвеніе къ музыкѣ онъ одобрялъ, съ другой—и окончательно поощрить весьма опасался, — какъ бы юнецъ не увлекся въ ущербъ успѣхамъ въ наукахъ. Бывало, войдетъ, послушаетъ, и промолвитъ съ улыбкой искоса:

— Славный этюдикъ, и ловко сыграно... А какъ у тебя насчетъ иныхъ-прочихъ «этюдовъ», которые посущественнѣе?..

Когда я однажды рискнулъ попросить и для себя, какъ для братьевъ, учителя музыки, онъ уклончиво проворчалъ:

— Ты, вѣдь, и безъ учителя преуспѣваешь. Да и потомъ...—не въ музыканты же ты собираешься поступить!

А я—увы!—какъ разъ объ этомъ и начиналъ уже втайнѣ мечтать. Музыка мало-по-малу овладѣла буквально всякимъ дыханьемъ моего бытія. Пѣніе птицъ, звоны колоколовъ, всплески воды, гулъ толпы, шелестъ деревьевъ, — все такъ и складывалось въ душѣ въ музыкальные образы. Дошло до того, что я по ночамъ, во снѣ, слышалъ симфоніи, просыпался, зажигалъ свѣчку, хваталъ нотную бумагу и карандашъ— и заливался слезами въ безсиліи записать: я же былъ неучъ, неучъ!.. То же бывало со скрипкой. Товарищи, братья превозносили мою технику и «смычокъ», а я, «смазавъ» какую - нибудь каденцу въ концертѣ Венявскаго или Арто, готовъ былъ разбить скрипку себѣ объ голову. Я слышалъ, чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, до мельчайшихъ тонкостей, что выходитъ не такъ, и зналъ, какъ надо сыграть,—и не могъ, не могъ, потому что былъ неучъ, потому что у меня было

слишкомъ мало времени для упражненій. Настоящіе виртуозы играютъ по шесть, семь и восемь часовъ въ сутки, а мнѣ не каждый день выпадало и по два часа. И чѣмъ выше я подвигался по лѣстницѣ гимназическихъ классовъ, тѣмъ меньше оставалось часовъ для музыки. (Это къ тому же были восьмидесятые годы,—кошмарные годы русской гимназіи). А музыка моя, т.-е. мое пониманіе музыки и любовь къ ней, одновременно съ тѣмъ, тоже вѣдь расширялись и углублялись... Въ душѣ назрѣвала подлинная трагедія, которая такъ или иначе, рано или поздно, должна была разрѣшиться.

Братъ Алексѣй, офицеръ, безвольный, добрый, мечтательный, несмотря на большую разницу въ возрастахъ, смотрѣлъ на меня съ почтеніемъ, снизу вверхъ, какъ на «отмѣченнаго печатью». Однажды онъ слушалъ-слушалъ мою игру, да и сказалъ:

— Я, братъ, все думаю: и на кой тебѣ чортъ всѣ эти латинскія мудрости? Тебѣ бы въ консерваторію— вотъ куда!

Нечего говорить, какой окликъ это нашло съ моей стороны. Завелась бесѣда на цѣлый вечеръ. Я первому человѣку, въ первый разъ въ жизни, излилъ всю душу.

На другой день, выбравъ минутку, мы оба вошли въ кабинетъ къ отцу. Одинъ бы я ни за что не рѣшился... А черезъ полчаса послѣ того Алексѣй вылетѣлъ изъ кабинета подъ градомъ гнѣвныхъ криковъ родителя, я горько плакалъ у себя на кровати, а отецъ говорилъ, стараясь найти тонъ примиренія:

— Я на тебя не сержусь. Ты еще мальчикъ, жизни не знаешь. Всему виной дуракъ Алексѣй. Ему бы пора понимать, а онъ только тебя съ панталыку сбиваетъ. Если бы ты былъ дѣйствительно чѣмъ-нибудь поразительно выдающимся,—ну, въ родѣ тамъ Рубинштейна, что ли, — я бы, понятно, слова не возразилъ. Но ты вѣдь не Рубинштейнъ же! Рубинштейнъ, говорятъ, семи лѣтъ концерты давалъ, а тебѣ ужъ пятнадцать, но развѣ ты можешь давать кон-

церты?.. Не спорю, способности у тебя, безспорно, большія, но вѣдь не Богъ же знаетъ какія. Я не вижу ясно — пойми ты это! — твоей музыкальной карьеры. Хорошо, если удастся быть композиторомъ, въ родѣ Глинки тамъ, что ли, или Чайковскаго; ну, въ крайнемъ случаѣ, — профессоромъ консерваторіи. А если ты станешь въ родѣ нашего городского капельмейстера (имярекъ), получающаго не то 150, не то 200 въ мѣсяцъ на старости лѣтъ?..

— Я большаго и не хочу, — промычалъ я въ подушку.

— Эхъ, ты, чудакъ! Тебѣ, подростку, конечно, такая сумма представляется Богъ вѣсть какою. А ты пойми то, что, если ты кончишь университетъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, передъ тобой открываются колоссальнѣйшія дороги. Ты можешь... ну, я не знаю...—министромъ вѣдь можешь быть!..

Теперь, сейчасъ, записавъ эту бесѣду, я испытываю неловкость. Мнѣ все кажется,—я преувеличилъ наивность отца... Но въ ту пору, по крайней мѣрѣ въ нашемъ тишайшемъ Новочеркасскѣ, такое воззрѣніе на карьеры было господствующимъ. Точнѣе даже сказать,—другого и не было. Государственная служба, въ любомъ изъ ея видовъ, считалась идеальной дорогой къ благополучію, въ «свободныя» же профессіи принимались лишь тѣ, кому почему-нибудь не посчастливилось въ средней или высшей школѣ. Путь художника, если онъ не былъ завѣдомымъ «вундеркиндомъ», представлялся путемъ неудачника или чудака. Это была аксіома. Ученье въ гимназіи у меня шло прилично, и если бы отецъ согласился на мою «бредню», то и самъ бы себя считалъ и у другихъ бы прослылъ безхарактернымъ самодуромъ, бросившимъ самовольно родное дѣтище, такъ сказать, на утломъ челнѣ въ пучину бурнаго океана.

Перечить отцу, возобновить просьбы снова и снова — тоже было немыслимо. Человѣкъ былъ онъ прекрасный, любилъ насъ самоотверженно, но «либеральности» въ дѣтяхъ по отношенію къ себѣ даже вообразить не могъ. Да и мы не воображали, — такъ

были поставлены съ дѣтства. Либеральностью же признавалось чуть ли не всякое противорѣчіе. Вотъ ужъ былъ подлинно древнеримскій pater familias. Стоило хоть на минутку ребромъ противопоставить свое индивидуальное право праву отцовскому, какъ у него дѣлались трагически-недоумѣвающіе глаза и вырывалось хриплое: «ты—отцу?!..» или: «ты такъ съ отцомъ?!.» И уходила душа въ пятки, какъ у всенародно уличеннаго святотатца.

Такъ или иначе, этотъ день имѣлъ для моей музыкальной жизни капитальнѣйшія послѣдствія. Этюды на скрипкѣ и фортепіано, пѣніе, композиторство— все стало отравлено мыслью: «не быть мнѣ мастеромъ! И навѣкъ я останусь только пріятнымъ для окружающихъ диллетантомъ». Диллетанство же, при моемъ глубочайшемъ благоговѣніи къ музыкѣ, представлялось лишь ея профанаціей. Надо принять во вниманіе также и то, что есть два типа характеровъ. Одни, упорные, умѣютъ ждать и берутъ отъ судьбы все, что въ данный моментъ она благоволитъ отпустить: отпускаетъ лишь половину—берутъ половину; четверть,—и четверти не упустятъ. Другимъ характерамъ надобно «все или ничего». Привязанные, они совсѣмъ прекращаютъ движеніе, худо кормимые, — ничего не ѣдятъ. И это у нихъ не отъ «головной», такъ сказать, гордости, а стихійное. Я больше принадлежалъ къ послѣднимъ характерамъ.

Понятно, что съ музыкой я не сразу разстался. Еще долго, еще въ университетѣ, однимъ изъ лучшихъ моихъ друзей была моя скрипочка; но въ этой дружбѣ всегда было много тайной боли. Сознаніе, что уже никогда мнѣ не быть тѣмъ мастеромъ, какимъ бы я могъ быть, пріучило меня относиться къ музыкѣ не какъ къ «дѣлу», а какъ къ «утѣхѣ». А вѣдь извѣстно: «дѣлу—время, утѣхѣ—часъ»...

Вернемся, однако, къ днямъ, слѣдовавшимъ непосредственно за катастрофой. Птица въ клѣткѣ поетъ много больше, чѣмъ птица на волѣ: она разсказы-

ваетъ себѣ, міру, Богу,—о волѣ, которой ее лишили. Я тоже почувствовалъ настоятельную потребность такъ или иначе повѣдать людямъ о звукахъ, нѣкогда такъ обильно и радостно расцвѣтавшихъ въ моей душѣ подъ солнцемъ надеждъ на будущее. Для разсказа о музыкѣ, естественно, подошелъ языкъ наиболѣе близкій къ ней,—стихотворный. Въ началѣ это были лирическіе наброски, а потомъ вылилась. и поэма. Вышла объемистая,—стиховъ не меньше какъ въ тысячу.

Къ сожалѣнію, единственная рукопись мной утеряна, въ памяти же остались лишь сюжетъ да нѣсколько строчекъ. Сюжетъ былъ таковъ.

Юному монастырскому служкѣ много ужъ сутокъ не по себѣ. Кто-то невидимый день и ночь шепчетъ ему «незнакомыя слова. Отъ нихъ кружится голова, а сердце стонетъ и болитъ и вдаль, все вдаль бѣжать велитъ». И вотъ однажды, въ душную лунную ночь, этотъ нѣкто появился воочію. Это ангелъ, Божій посолъ. Свою рѣчь къ юношѣ бѣлый гость начинаетъ такими словами:

«Въ голубыхъ небесахъ, на воздушныхъ струяхъ
Вѣчно дивные звуки родятся
И, звеня, на таинственныхъ вѣтра крылахъ
По вселенной въ гармоніи мчатся».

Эти звуки—земного происхожденія, объясняетъ далѣе ангелъ. Вопли печали и клики радости, вздохи и стоны, благословенія и проклятія человѣчества,—все возносится къ небу, подобно тонкимъ парамъ. Тамъ вверху земные пары, сгущаясь, преображаются въ живописныя облака, а нестройный шумъ человѣчества—въ музыку. Въ этомъ великая любовь неба къ землѣ. Небо преображаетъ сырые дары земли въ вѣчную красоту и шлетъ ей обратно, чтобы облагодѣтельствовать ее. Вѣчная красота звуковъ полна цѣлительныхъ тайнъ и весь воздухъ земли насыщенъ ею; но глухо еще, дико, невоспріимчиво къ ней бѣдное человѣчество, и оттого такъ неприглядна и тягостна его жизнь. Владыка неба рѣшилъ, наконецъ, избрать самаго чистаго, нѣжнаго и любвеобильнаго изъ людей для миссіи наученія ближнихъ этой гармоніи, и выборъ палъ на героя поэмы. Крылатый же гость—геній музыки и научитъ ей его самого.

Начинается обученіе. Создается арфа, подъ звуки которой они поютъ. Вмѣстѣ съ музыкой учитель преподаетъ юношѣ и правила поведенія въ жизни. Основное условіе—равная любовь ко всѣмъ безъ изъятія, къ старому и малому, бѣдному и богатому, красивому и уродливому, мужчинѣ и женщинѣ. Научивъ юношу тайнамъ искусства, учитель долженъ оставить его, такъ какъ его постоянное мѣсто—у подножія Божьяго трона; но пусть юноша не горюетъ,—ему дается обѣтъ во всякій часъ, какъ только юноша, полный всемірнымъ чувствомъ, станетъ играть и пѣть, геній-учитель, слетая съ небесъ, будетъ возлѣ него, бокъ о бокъ.

Разстались. И юноша-ученикъ одиноко пошелъ въ далекій путь музыкальнаго благовѣстія. Гдѣ только появлялся онъ, расцвѣтали сердца и открывались души для истины и добра. Слава о благовѣстникѣ растеклась по всему міру, а самъ онъ былъ безконечно счастливъ. Лишь только бралъ онъ арфу и пѣлъ, какъ возлѣ него уже возникалъ образъ учителя, склонялся надъ нимъ и вѣялъ ему въ лицо радостью неба.

Но вотъ однажды повстрѣчалась пѣвцу дѣвушка, сердце которой возгорѣлось къ нему земною любовью и возбудило въ немъ отвѣтное чувство. Забывъ о главномъ завѣтѣ учителя, юноша больше не думаетъ объ остальномъ человѣчествѣ и объявляетъ себя женихомъ. Счастье острой любви отстранило на время даже мысли о музыкѣ. Арфа заброшена, юноша не поетъ, только лишь смотритъ въ глаза возлюбленной, да гуляетъ съ ней по полямъ и лѣсамъ въ мечтахъ о будущей брачной жизни.

Первая вспоминаетъ о музыкѣ дѣвушка. Въ тихій весенній вечеръ, когда они были въ своемъ саду, она принесла изъ дома позабытую арфу.

— До сладкой боли хочется звуковъ. Спой мнѣ пѣсню, что пѣлъ въ тотъ день, какъ мы повстрѣчались.

Юношѣ самому томительно захотѣлось того же самаго. Вотъ взялъ онъ арфу, пробѣжалъ по струнамъ— и ничего, ничего не выходитъ! Пальцы какъ деревянные, струны не въ ладъ звучатъ. Съ величайшимъ усиліемъ овладѣвъ инструментомъ, присоединилъ онъ свой голосъ — и опять ужаснулся: гдѣ прежній голосъ, звонкій, прозрачный, гибкій?!. Упоенная личнымъ чувствомъ, дѣвушка ничего этого не замѣтила: ей отъ милаго все хорошо. Но онъ самъ, тонкій художникъ, объятъ тревогой. Утѣшаетъ себя надеждою: «вотъ сейчасъ прилетитъ учитель...» Но напрасное ожиданіе, — такъ въ тотъ вечеръ и не было возлѣ него небеснаго гостя-друга!..

Наступила безсонная ночь. Юноша одиноко думаетъ страшную думу. Все стало ясно: или искусство или любовь. Послѣ безсонной ночи потянулся рядъ такихъ же тягостныхъ дней и ночей.

Чувство долга передъ человѣчествомъ и художественная потребность души, наконецъ, берутъ верхъ надъ любовью. Онъ замышляетъ побѣгъ. Но не дремлетъ и дѣвушка. Чуткимъ сердцемъ догадалась она...

Чуть брезжитъ утро. Все кругомъ въ глубочайшемъ послѣднемъ снѣ. Юный бѣглецъ, какъ блѣдный воръ, крадется изъ дома...—навстрѣчу невѣста. Борьба, угрозы, мольбы—и онъ снова, безвольный, въ цѣпяхъ любви.

Нѣсколько новыхъ дней душевнаго раздвоенія— и новое бѣгство. На этотъ разъ у него за пазухой ножъ. И снова навстрѣчу дѣвушка, и снова слабѣетъ сердце... Собравъ послѣднія силы, онъ убиваетъ ее.

Бѣжитъ густымъ лѣсомъ. Ушелъ далеко,—не найдутъ, не догонятъ. Въ душѣ трагически-ликующее сознаніе. Онъ принесъ великую жертву, —онъ будетъ прощенъ... Но сознаніе обмануло. Отдохнувъ на полянѣ, беретъ онъ арфу и, поднявъ голову къ небу, начинаетъ пѣть гимнъ. Но изъ груди, вмѣсто голоса, вылетаютъ жалкіе звуки, и арфа стонетъ разстроенно, гнусно. И враждебно молчитъ туманное небо и попрежнему нѣтъ и, очевидно, и не будетъ учителя. И, павъ на землю лицомъ, онъ понялъ, что допустилъ величайшую изъ ошибокъ: никто никогда не будетъ спасенъ путемъ злодѣйства.

Скрѣпя сердце, онъ поднимается на ноги и, низко склонивъ голову, продолжаетъ свой путь. Въ душѣ чуть теплится искра надежды: тяжелымъ подвигомъ всей своей будущей жизни онъ, можетъ-быть, еще искупитъ свою ошибку, и когда-нибудь, хоть на мигъ, въ минуту кончины, ему еще улыбнется учитель съ неба...

На этомъ поэма кончается.

Писалъ я, помнится, цѣлую зиму, въ глубочайшей тайнѣ отъ всѣхъ, по преимуществу ночью. Въ часы работы голова горѣла огнемъ, а руки и ноги — какъ ледяныя; порою нечѣмъ было дышать, я думалъ, что умираю, или вотъ-вотъ, сію секунду, сойду съ ума... Это была неизъяснимая мука, которой я въ жизни еще не испытывалъ, но которой бы не отдалъ никому ни за какое блаженство міра.

Поэма вновь пересмотрѣна, отшлифована, начисто переписана. Началась новая мука: надо ее прочесть,— но кому?.. Иной разъ казалось, что написано геніальное, и стоитъ лишь обнародовать, какъ весь міръ прокричитъ невѣдомаго новочеркасскаго гимназиста равнымъ Гомеру, Шиллеру и Богъ знаетъ кому еще. Порою овладѣвало совсѣмъ обратное чувство и много разъ сидѣлъ я съ мучительницей-тетрадью возлѣ горящей печки. Выборъ слушателя тоже оказывался трудности необычайной. Несомнѣнно было пока лишь одно: первый слушатель долженъ быть одинъ. Но

откуда взять его? Изъ братьевъ? Но, какъ всѣ старшіе братья въ мірѣ, они насмѣшники или, по меньшей мѣрѣ, скептики. Единственно кто изъ нихъ не скептикъ и не насмѣшникъ—это Алексѣй, но у него другой недостатокъ: онъ будетъ пристрастенъ въ сторону автора, а я хотѣлъ судьи абсолютнаго.

Выборъ остановился на одноклассникѣ Мишѣ М. Худой, длинный, наивный, очень среднихъ способностей, онъ завоевалъ себѣ первое мѣсто въ классѣ и держалъ его за собой до окончанія курса только путемъ упорной работы. Ровный ко всѣмъ, въ мѣру мечтательный, Миша нравился мнѣ больше всего своимъ аскетическимъ отношеніемъ къ жизни. Онъ говорилъ: «жизнь не шутка, а человѣкъ баловникъ» и, съ цѣлью гарантировать себя отъ подобнаго баловства, упражнялъ свою плоть спартанскими испытаніями: по недѣлямъ ѣлъ впроголодь, спалъ на голомъ полу...

Заперевъ комнату на крючокъ, я досталъ завѣтную рукопись, хранимую подъ замкомъ въ сундукѣ, и подвелъ Мишу къ святому углу.

— Миша, ты вѣрующій. Поклянись, что скажешь правду, всю правду истинную, хотя бы она мнѣ стоила жизни.

Товарищъ поклялся. Сѣли. Умолкли.

Вначалѣ голосъ сильно дрожалъ, спиралось въ груди, сохло во рту. Но уже съ первой четверти стало видно, что Мишѣ нравится,—даже до удивленія. И когда я на половинѣ остановился для передышки, онъ сказалъ:

— Да неужели это ты самъ? Все изъ собственной головы?..

По окончаніи чтенія долго молчалъ, прослезился, крѣпко пожалъ руку.

— Это совсѣмъ, ну, совсѣмъ какъ Пушкинъ!

Меня немножко кольнуло. Видя Мишины слезы, я уже зазнался и ожидалъ сравненія съ Лермонтовымъ, котораго почиталъ выше. Подумавъ, однако, успокоился: «Ничего! Для перваго раза хорошо и Пушкинъ!..»

Перешли къ оживленному обсужденію,—куда же и какъ устроить поэму? Вопросъ оказался неодолимой трудности. Мы же вѣдь ничего, ничего не знали. Смущало то, что всѣ журналы не въ нашемъ городѣ. Жили бы мы въ Москвѣ или Петербургѣ, такъ прямо пошли бы въ редакцію, все и выяснили бы. Практичный Миша смутилъ еще такимъ разсужденіемъ:

— А вдругъ попадешь на нечестныхъ людей. Восхитятся поэмой, возьмутъ, да и напечатаютъ подъ какимъ-нибудь, тамъ, своимъ псевдонимомъ. Поди-ка потомъ доказывай авторскія права! А и напечатаютъ честно, такъ не заплатятъ, или дадутъ сущіе пустяки.

— А сколько же приблизительно? — спросилъ я робко.

— Разно. Я гдѣ-то читалъ или слышалъ, не помню, — Пушкину платили по червонцу за стихъ. Это, правда, ужъ въ дни его славы. Тебѣ, конечно, ни за что не дадутъ. Но меньше какъ по рублю и не думай уступать! И то только потому, что ты начинающій.

У меня духъ захватило.

— Да сколько жъ это за все? Вѣдь тутъ стиховъ-то не меньше тысячи.

— Ну, тысячу и дадутъ.

Голова закружилась...

Въ концѣ-концовъ рѣшили, однако, сразу не посылать, а снести рукопись къ «Мамонту». Это былъ тотъ самый инспекторъ, Мамантъ Карповичъ Калмыковъ (между собой мы всегда называли его попросту—«Мамонтъ»), который меня такъ баловалъ въ качествѣ пѣвчаго. Онъ же былъ учителемъ словесности, и я у него не выходилъ изъ круглой пятерки. Въ этомъ, однако, отношеніи уже не было баловства, всѣ товарищи признавали, что я въ словесности дѣйствительно первый.

Взявъ рукопись, Мамонтъ бѣгло перелисталъ.

— Ага!.. Интересно!.. Посмотримъ, посмотримъ!..

Грѣшный человѣкъ, признаюсь, я мечталъ, что онъ на другой же день, поднявшись на каѳедру, заявитъ во всеуслышаніе:

— Господа, поздравляю васъ. Въ вашемъ классѣ взошло новое свѣтило поэзіи.

И, дрогнувшимъ голосомъ, обратится ко мнѣ:

— Сядьте здѣсь, на моемъ мѣстѣ, прочтите намъ.

Но ничего подобнаго не случилось. Прошелъ день, два, пять,—Мамонтъ ни звука. И добро бы хоть отразилось что-нибудь на лицѣ при встрѣчахъ со мною, а то какъ будто и рукописи не получалъ. И только лишь на восьмой день, покидая классъ по окончаніи лекціи, остановился въ дверяхъ.

— Косоротовъ!

Я подошелъ. Глядя какъ-то мимо меня, онъ бросилъ скороговоркой:

— Ну, вотъ, прочиталъ. Внимательно. Надо поговорить. Сегодня суббота,—зайдите завтра послѣ обѣдни ко мнѣ на квартиру.

И побѣжалъ своей дорогой.

Въ воскресенье прислуга ввела меня къ нему въ кабинетъ.

Сѣвъ за столъ, онъ указалъ мнѣ на кресло съ другой стороны, досталъ изъ ящика рукопись и методически началъ:

— Вы не волнуйтесь! Въ литераторской жизни, а литераторомъ вы, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ будете,—предстоитъ еще тьма гораздо худшихъ терзаній... Итакъ, начнемъ съ общаго впечатлѣнія. Стройный замыселъ, несомнѣнная напряженность творческаго восторга, благородная простота, цѣломудренность образовъ,—все это плюсы, большіе плюсы. Конечно, сейчасъ вы переполнены мыслью,—можно ли это предать печати? Полагаю, что нѣкоторые журналы, пожалуй, примутъ. Но... не совѣтую! Быть напечатаннымъ, — о, понятно, вы много бы сейчасъ дали за это. Но я боюсь,

что потомъ, много позже, когда станете настоящимъ писателемъ, вы пожалѣете.

Вздохнувъ, медленно перелисталъ рукопись, — вся она оказалась сплошь заложена уголками, испещрена карандашными черточками и примѣчаніями на поляхъ,—и продолжалъ:

— Я васъ люблю, и вы это знаете. Люблю за способности вообще, а теперь еще больше за литературный талантъ,—а онъ у васъ есть, да, есть,—такъ ужъ позвольте раздѣлать васъ (усмѣхнулся онъ), что называется, «подъ орѣхъ».

И дѣйствительно, началъ «раздѣлывать». Оказалось, что мой поэтическій языкъ полонъ отчаянныхъ провинціализмовъ, риѳмы страшно хромаютъ.

— Послѣ Пушкина, Лермонтова, Фета, Майкова нельзя себѣ позволять, напримѣръ, такія созвучія...

Прочиталъ массу фразъ и созвучій, отъ которыхъ и мнѣ самому стало теперь неловко. И какъ я раньше ихъ не замѣтилъ?! Что значитъ — читать самому и слышать изъ другихъ устъ!.. Выяснилась затѣмъ невообразимая пестрота стиля. Взята вѣдь эпоха, такъ сказать, доисторическая, или, еще точнѣе сказать, внѣ времени и пространства, — какъ и полагается символическому сюжету,—а сколько въ поэмѣ рѣченій, отъ которыхъ такъ и несетъ XIX вѣкомъ. Попадаются рѣжущія слухъ иностранныя слова, прозаизмы...

— И, наконецъ, милый другъ, масса наивностей. Указать ихъ вамъ я бы могъ, но стоитъ ли? Надо ихъ также и доказать,—а какъ доказать наивному возрасту, что онъ наивенъ?.. Но когда станете взрослымъ,— сами увидите... и—посмѣетесь.

Короче сказать, я вышелъ отъ Мамонта, съ рукописью въ рукахъ, совершенно раздавленный. Было ясно, какъ дважды-два, что и въ литературѣ я тотъ же неучъ, что былъ и въ музыкѣ, что и въ литературѣ мнѣ предстоитъ та же «консерваторія», и даже, можетъ-быть, съ болѣе труднымъ и сложнымъ курсомъ. Впервые въ жизни пришлось сознать, какъ огромно, какъ сложно искусство, въ какихъ бы то ни

было его видахъ, и сколько надо самоотверженнаго труда и упорства, чтобъ изъ дилетанта сдѣлаться мастеромъ. Подъ новымъ угломъ зрѣнія, даннымъ Мамонтомъ, я засѣлъ за перечитываніе классиковъ, особенно Пушкина, и только теперь по настоящему понялъ неподражаемую кристальность и силу его языка, его стиха. И долго потомъ, хоть и роились въ душѣ образы, не прикасался къ перу.

Меня неожиданно ободрилъ отецъ. Какъ-то въ праздникъ, весною, я сидѣлъ на крыльцѣ и что-то читалъ. Пріѣхалъ отецъ со службы. Увидя меня, какъ-то странно просіялъ, погладилъ по головѣ.

— Что почитываешь?

Онъ насъ любилъ, но насчетъ ласки, — не то отъ застѣнчивости, не то изъ «педагогическихъ» видовъ, — былъ крайне скупъ. Я съ удивленіемъ вскинулъ глаза...—но онъ ужъ ушелъ въ свою скорлупу.

— Ну, ну, читай, не буду мѣшать.

Черезъ полчаса вышелъ изъ дома опять ко мнѣ. Ему хотѣлось, до очевидности, чѣмъ-то подѣлиться со мной. Не выдержалъ, наконецъ, и, дѣлая видъ пустяковаго разговора, промолвилъ:

— Съ Мамонтомъ повстрѣчался... Хвалитъ тебя...

Помолчалъ, посвисталъ. Ужасно ему хотѣлось что-то еще добавить,—очевидно, въ этомъ добавочномъ и была вся суть, — да не рѣшался. Усмѣхнулся, наконецъ, искоса и, полуотвернувшись:

— Говоритъ... Мамонтъ-то... ха-ха-ха!.. Будто бы ты — «корабль далекаго плаванія»...

Совсѣмъ сконфузился и пошелъ въ домъ. На порогѣ остановился; нахмурясь, бросилъ черезъ плечо:

— Конечно, это преувеличено. Ты не очень-то зазнавайся!.. Ну, однако, мнѣ, какъ отцу, пріятно слышать..

И ушелъ, окончательно разсердившись самъ на себя.

Въ ту же ночь меня опять прорвало творческими восторгами. Описывалъ бурю на морѣ, котораго въ жизни никогда не видалъ. Ночь, вой и грохотъ, подводные рифы, острыя скалы, — но морякъ не боится. Распустивъ паруса, онъ ведетъ свой крѣпкій новый корабль, пляшущій надъ пучиной, туда, гдѣ еле брезжитъ первый разсвѣтъ...

Ѳедоръ Владимировичъ ЧЕРНИГОВЕЦЪ-ВИШНЕВСКІЙ.

I. Отецъ, хотя не занимался литературой, но былъ превосходнымъ разсказчикомъ. Какъ охотникъ, онъ неоднократно встрѣчался съ Тургеневымъ, который воспользовался однимъ изъ его разсказовъ; этотъ разсказъ, кажется, называется «Жидъ».

Кромѣ того, отецъ мой былъ знатокомъ народныхъ пѣсенъ, которыя и пѣвалъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ. Я унаслѣдовалъ отъ него любовь къ музыкѣ.

III. Родился въ деревнѣ Курской губ., Путивльскаго уѣзда, гдѣ и прожилъ до десятилѣтняго возраста.

V. Первымъ литературнымъ чтеніемъ были лирическія стихотворенія Пушкина, изд. 1837—38 года. Стихотворенія эти зналъ почти всѣ наизусть и доселѣ многія изъ нихъ помню. Въ результатѣ появилась сперва охота подбирать къ словамъ риѳмы, затѣмъ двустрочія и т. д.

VIII. Переводъ баллады «Des Sängers Fluch» Уланда.

XI. Напечатано во «Всемірной Иллюстраціи» 1857.

XII или 58 г., безъ гонорара. Написано въ корпусѣ.

XVII и прочитано 3—4 товарищамъ.

XVIII. Стихотвореніе «Разладъ» въ «Еженедѣльномъ Новомъ Времени», по 15 коп. строка.

XXI. Подъ первой половиной своей двойной фамиліи «Черниговецъ»; ее многіе считаютъ псевдонимомъ.

Викторъ Васильевичъ МУЙЖЕЛЬ.

I. Мать въ молодости писала стихи, нигдѣ не печатавшіеся. Любила литературу, плакала, узнавъ о смерти Некрасова. Увлекалась Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ.

II. Мать «благопріятствовала».

III. Помнится, въ дѣтствѣ, въ возрастѣ 6—9 лѣтъ, съ необыкновеннымъ увлеченіемъ слушалъ читаемые вслухъ матерью для насъ (меня и брата) разсказы и романы Жюля Верна, Луи Буссенара, Купера, изъ русскихъ — Григоровича «Антонъ Горемыка». Не знаю, можно это отнести къ «жизненному опыту», но что это содѣйствовало «развитію писательскаго дара»— несомнѣнно: это частые переѣзды отца со всей семьей съ мѣста на мѣсто. Изъ среднихъ (ближе къ сѣверу) губерній отецъ кочевалъ въ Поволжье — Царицынъ, оттуда въ Закаспійскій край (Асхабадъ), оттуда въ Псковскую губ. въ имѣніе дѣда (отца матери).

IV. Фантазія была, была и наблюдательность, думается, развитая именно этимъ кочевымъ образомъ жизни семьи. Замѣчалъ и запоминалъ то, что мелькало непримѣченнымъ у большихъ: костюмы, физіономіи, говоръ астраханскихъ купцовъ, матросовъ, крючниковъ, внѣшность шхунъ, пароходовъ и пр. въ морѣ...

V. Толстого, Горькаго, Короленко...

VI.

VII. Когда мнѣ было лѣтъ 17—18, разсказъ — не помню заглавія — что-то о преимуществахъ деревенской жизни передъ городской.

VIII. Значительно позднѣе: когда мнѣ было лѣтъ 20, полубеллетристическое, полуэтнографическое. Потомъ въ Псковской губ. напечаталъ въ «Природѣ и Люди», редактированномъ Ф. С. Груздевымъ. Тогда былъ рисовальщикомъ - иллюстраторомъ и работалъ, главнымъ образомъ, въ издательствѣ Сойкина.

IX. Съ беллетристикой особыхъ мытарствъ не было, но съ рисунками, которыми жилъ тогда, очень много.

X. Какъ ни странно, но первая рукопись, что была возвращена, вернулась, когда я уже напечаталъ въ «толстомъ» журналѣ двѣ вещи. Возвращена была изъ «Міра Божьяго», при чемъ съ ней вышла какая-то странная исторія: редакція, въ лицѣ Ѳ. Д. Батюшкова и покойнаго А. И. Богдановича, ее приняла и даже выдала авансъ подъ нее, а потомъ оказалось, кто-то противъ пріема,—и разсказъ былъ возвращенъ. Я такъ до сихъ поръ и не знаю, въ чемъ было въ сущности дѣло...

XI. См. вопросъ VIII.

XII. Нѣтъ.

XIII. Были, но очень незначительныя, касающіяся внѣшности—растянутости, длинноты...

XIV. Не было.

XV. Не помню; вѣроятно, не было.

XVI. Къ первому произведенію это не имѣло отношенія.

XVII. См. слѣдующій вопросъ.

XVIII. Со строки (что-то въ родѣ 4 или 5 коп. за строчку).

XIX. Не было (съ первой вещью).

XX. Юмористическое. («И нашъ записалъ, ли-те-ра-торъ!..»)

XXI. Кажется, подъ псевдонимомъ—не то «Псковичъ», не то «Темноборскій». Не помню потому, что много рисовалъ подъ псевдонимами и спутался уже въ нихъ. Возможно, что помѣчено было только иниціалами.

XXII. О первомъ напечатанномъ въ «толстомъ» журналѣ («Мірѣ Божьемъ») разсказѣ «Въ непогоду», принятомъ читавшимъ тогда тамъ беллетристику А. И. Купринымъ гдѣ-то въ «журнальномъ обзорѣ».

XXIII. Огромное неудовлетвореніе. Впечатлѣніе такое, какъ будто говорилъ-говорилъ, писалъ-писалъ, а главнаго-то, для чего писалъ—и не сумѣлъ передать...

XXIV. Возвращенный разсказъ, о которомъ писалъ въ вопросѣ X, впослѣдствіи частями вошелъ въ другія вещи, такъ сказать, разсосался... Затерянныхъ не было.

XXV. Въ началѣ была большая, хотя и смягчалась она, правда, очень неустойчивымъ, но все же заработкомъ иллюстрированія. Настоящее положеніе можетъ считаться обезпеченнымъ (хотя и съ большими дефектами) постольку, поскольку я лично здоровъ, работоспособенъ и силенъ.

Сергѣй Ивановичъ ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ. (1867-

Прямой наслѣдственности въ своемъ творческомъ дарѣ я не усматриваю. Родители мои были совершенно чужды литературѣ. Но мать моя была человѣкомъ горячей, искренней вѣры, любила по вечерамъ читать вслухъ Четьи-Минеи,—особенно житія, отличавшіяся поэтичностью,—и непремѣнно на славянскомъ языкѣ, что придавало этимъ чтеніямъ характеръ какого-то таинственнаго соприкосновенія съ нездѣшнимъ міромъ. Отецъ же, человѣкъ дѣловой, хотя и непрактичный, только въ моментъ запоя обнаруживалъ склонность перефразировать на разные лады извѣстное стихотвореніе А. Толстого объ Іудахъ и Пилатахъ, предающихъ отчизну. Любовь къ чтенію у меня обнаружилась рано, но удовлетворялась случайно. Помню, какъ-то отецъ привезъ мнѣ съ Нижегородской ярмарки кипу французскихъ романовъ, чуть ли не Рокамболя. А потомъ толчокъ сталъ удовлетворять мою жажду: явился «Панъ Твардовскій», «Атаманъ Буря»... Ихъ смѣнили Жюль Вернъ и Майнъ-Ридъ. Внѣ всякаго общенія съ интеллигенціей, черезъ толстовскую гимназію, вплоть до семинаріи прошелъ я безъ всякаго

представленія о волшебномъ мірѣ русской литературы. Помню, въ гимназіи я просилъ у библіотекаря Гоголя, но получилъ въ отвѣтъ: «А Моголя хочешь?» И только какъ сладкій сонъ осталась отъ того времени пушкинская сказка о золотомъ пѣтушкѣ. Но въ семинаріи передъ пораженнымъ взглядомъ моимъ открылся новый міръ... міръ Пушкина и Гоголя, Достоевскаго и Тургенева... вплоть до Глѣба Ивановича Успенскаго, книги котораго для меня сдѣлались какъ бы евангеліемъ, а скорбный ликъ его на карточкѣ, всегда висѣвшей передо мной — въ полномъ смыслѣ ликомъ святого. Онъ первый пробудилъ во мнѣ желаніе писать. Первые шаги сознательной жизни и творчества окрасились его вліяніемъ.

Первый разсказъ мой помѣщенъ былъ въ «Оренбургскомъ Листкѣ». Это была сентиментально-трогательная исторія слѣпого. Гонорара я не получилъ, да и не думалъ о немъ, но редакторъ былъ такъ любезенъ, что не забылъ выслать мнѣ номеръ съ разсказомъ въ другой городъ, гдѣ я въ то время учился въ семинаріи. Помню, полученіе единственнаго номера газеты на мое имя произвело сенсацію въ семинаріи и даже начальство было заинтриговано. Газета дошла ко мнѣ не сразу, почему-то черезъ повара, и носила на себѣ слѣды любопытства. Но такъ какъ подписался я подъ своимъ первымъ опытомъ «Анзерскій», то тайна моя не была открыта, и я сохранилъ ее отъ всѣхъ, кромѣ единственнаго друга. Съ нимъ, гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ, мы благоговѣйно развертывали газету, еще пахнувшую типографской краской, и расширенными глазами смотрѣли на черныя строки, а потомъ часами ходили по узкому и длинному, темному, какъ катакомба, семинарскому коридору, обсуждая столь удивительное событіе... Второй мой разсказъ, отнесенный въ ту же газету, цѣликомъ былъ вычеркнутъ цензоромъ, и любезный редакторъ испугался меня разъ навсегда.

Потомъ, долго спустя, уже въ деревнѣ, въ часы душевной смуты, я снова взялся за перо, и къ этому

времени относится полученіе перваго гонорара, что представляетъ собою тоже немаловажное событіе въ жизни литератора. Помню, въ студеную зиму пріѣхалъ я изъ глухой деревни въ городъ, якобы узнать въ редакціи «Оренбургскаго Края» объ участи разсказа «Самоходка» (этотъ разсказъ впослѣдствіи вошелъ въ первый томъ моихъ разсказовъ). Редакторъ отозвался о разсказѣ съ большой похвалой и нашелъ во мнѣ «искру Божію». Но неувѣренность въ себѣ въ ту пору была у меня такъ велика, что я почелъ слова его за простую вѣжливость и, чтобы испытать, намекнулъ о гонорарѣ. Однако вышло это у меня такъ наивно, что редакторъ понялъ мою тайную мысль и немедленно съ торжественностью вручилъ мнѣ желаемое... Въ тотъ вечеръ улицы глухого городка казались мнѣ широкими и свѣтлыми. Увы!—такъ я познакомился впервые съ злѣйшимъ врагомъ своимъ—оплатою за литературный трудъ. Впослѣдствіи, когда пришлось жить исключительно литературнымъ трудомъ, этотъ врагъ долго пилъ сокъ моего мозга... Но это уже крестъ общій!

Георгій Ивановичъ ЧУЛКОВЪ.

Моя покойная мать, Александра Александровна Чулкова, урожденная Александрова, любила поэзію, и впервые изъ ея устъ услышалъ я стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова... Отецъ мой, Иванъ Ивановичъ, почти не вмѣшивался въ мое воспитаніе. Художественной литературой онъ интересовался мало и былъ занятъ юридическими вопросами и темами. Онъ составилъ нѣсколько руководствъ и сборниковъ и, благодаря этимъ книгамъ, получилъ извѣстность, какъ одинъ изъ комментаторовъ нашего законодательства въ

эпоху «великихъ реформъ» Александра Второго. Изъ родственниковъ моихъ занимался литературой только одинъ Вл. Ал. Александровъ, братъ моей матери: его драмы неоднократно ставили въ Маломъ Московскомъ театрѣ и Александринскомъ въ Петербургѣ. Были ли среди моихъ предковъ литераторы, я не знаю, такъ какъ наша дворянская родословная сгорѣла во время пожара въ домѣ моего дѣда, въ Тамбовѣ, а отецъ мой и я не позаботились о томъ, чтобы достать въ архивѣ копію съ нея. Изъ лицъ, вліявшихъ на мой литературный вкусъ, я долженъ указать на покойнаго дядю Григорія Ивановича Чулкова, умѣвшаго любить и цѣнить Гете, Флобера и Тургенева. Врачъ по профессіи, заброшенный судьбою въ провинцію, онъ жилъ уединенно. Кажется, я, мальчикъ, былъ единственнымъ его другомъ: со мной онъ всегда переписывался, и наши свиданія съ нимъ разъ или два въ годъ всегда были для меня праздниками. Впослѣдствіи, онъ сошелъ съ ума. И я видѣлъ уже безумные глаза его и слушалъ его предсмертный бредъ.

Я родился въ 1879 году, въ Москвѣ, и жилъ въ ней или въ окрестностяхъ ея до 1902 года. Изрѣдка я уѣзжалъ на короткіе сроки въ Тамбовскую губернію. Учился сначала въ московской шестой классической гимназіи, а потомъ перешелъ въ первую, которую и кончилъ въ 1898 году.

Изъ раннихъ жизненныхъ опытовъ моихъ долженъ указать на смерть моей младшей шестилѣтней сестры. Изъ писателей, чтеніе которыхъ было событіемъ моей жизни, назову Шекспира, Гоголя и Достоевскаго. Ихъ прочелъ я слишкомъ рано. И съ тѣхъ поръ міръ измѣнился для меня.

Первыя творческія попытки были связаны у меня съ театромъ. На дачѣ, подъ Москвой, въ Кусковѣ, я устраивалъ домашніе спектакли и ставилъ свои драмы и комедіи; роли разучивались маленькими актерами съ моихъ словъ. Текста я тогда не записывалъ. Писать началъ лѣтъ съ тринадцати. Первый разсказъ

«На тотъ берегъ» былъ напечатанъ въ московской газетѣ «Курьеръ» въ 1899 году. До этого года печатать свои разсказы я не пытался. Въ «Курьерѣ» появилось еще четыре моихъ разсказа, но скоро я пересталъ печататься и увлекся освободительнымъ движеніемъ, тогда еще подпольнымъ. Въ 1899 году я былъ исключенъ изъ университета. На другой годъ опять принятъ. Но все-таки университетъ окончить мнѣ не пришлось: въ 1902 году я былъ арестованъ и сосланъ въ Якутскую область.

Литературная дѣятельность моя возобновилась въ 1904 году. Въ это время, въ Петербургѣ, я познакомился съ Дм. Серг. Мережковскимъ и сталъ сотрудникомъ въ журналѣ «Новый Путь». Объ отношеніи родственниковъ къ моей литературной работѣ говорить не приходится: и отецъ и мать мои умерли до того времени, когда я сталъ профессіональнымъ литераторомъ. Относительно матеріальныхъ условій, съ которыми приходилось считаться, печатая свои произведенія въ журналахъ и другихъ изданіяхъ, я не могу дать точныхъ свѣдѣній. Знаю, что всегда у меня не было денегъ, но, кажется, это зависѣло не только отъ скупости издателей, но и отъ моей безпорядочной и безбытной жизни. Первый благопріятный отзывъ о моихъ разсказахъ былъ данъ Поликсеной Сергѣевной Соловьевой (Allegro) на страницахъ «Новаго Пути». А неблагопріятныхъ отзывовъ было очень много.

Вѣра Ивановна ТОМАШЕВСКАЯ,

урожденная Цвѣткова, дочь священника; родилась въ г. Кронштадтѣ.

Мой дѣдъ, кажется, писалъ юмористическіе стихи. Любовь къ чтенію обнаружилась въ самомъ раннемъ дѣтствѣ и поощрялась отцомъ, знатокомъ и любителемъ литературы. Изъ писателей иностранныхъ увлекалась больше всего Диккенсомъ, изъ русскихъ—Тургеневымъ и Достоевскимъ. Первый маленькій разсказъ «Сначала и потомъ» былъ напечатанъ въ субботникахъ «Новаго Времени» въ 1890 г., затѣмъ въ «Мірѣ Божіемъ»—«Позднія слезы», въ «Русскомъ Богатствѣ» — «Липушка» и въ «Вѣстникѣ Европы» — «Елена Николаева».

Большинство моихъ литературныхъ произведеній долго блуждало по редакціямъ; такъ, напримѣръ, разсказъ «Елена Николаева» былъ возвращенъ «Сѣвернымъ Вѣстникомъ», и только спустя продолжительное время былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы». Затѣмъ разсказы «Дама въ кринолинѣ» и «Наши дѣвочки» тоже претерпѣли большія мытарства, прежде чѣмъ были напечатаны—одинъ въ «Живописномъ Обозрѣніи», другой въ «Пробужденіи», при чемъ редакторомъ послѣдняго журнала было измѣнено заглавіе («Наши дѣти»).

Въ настоящее время имѣются тоже такія, странствующія изъ редакціи въ редакцію, рукописи: «Часы» и «Сестры»; вѣроятно, когда-нибудь и онѣ будутъ напечатаны.

Насколько мнѣ помнится, я читала свое первое произведеніе въ своей семьѣ, и, какъ всегда, близкіе люди были самыми строгими критиками; на ихъ за-

мѣчанія, такъ же какъ и на критическіе отзывы постороннихъ лицъ, никогда не обращала вниманія.

Никогда никакихъ измѣненій и сокращеній въ моихъ рукописяхъ не дѣлалось,—опечатокъ важныхъ не было, цензурныхъ препятствій тоже.

За всѣ свои произведенія получала гонораръ въ размѣрѣ отъ 60—100 руб. за листъ. Первый гонораръ былъ построчный, почемъ со строки,—не помню; за разсказъ получила около 15 руб. Деньги всегда получала безъ задержки.

Близкіе люди были очень довольны, когда меня хвалили, и выражали неудовольствіе, когда меня порицали (рецензіи драматическихъ произведеній).

Первый разсказъ и «Позднія слезы» подписаны иниціалами В. Т.; рядъ разсказовъ въ «Россіи» за 1899—1900 годъ помѣщенъ подъ псевдонимомъ «Veto», остальные подписаны полной фамиліей. Первые критическіе отзывы были напечатаны по поводу «Елены Николаевой» («Россія»)—Фингалъ, «С.-Петербургскія Вѣдомости» В. Ш., «Книжки Недѣли», 1900, ноябрь, «Русская Мысль», 1900, ноябрь.

Затѣмъ, конечно, драматическія произведенія («Нищіе», «Старый другъ») вызвали рядъ рецензій во всѣхъ петербургскихъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетахъ.

Всегда была на седьмомъ небѣ, когда мое произведеніе было напечатано или поставлено на сценѣ, и всегда страдала, какъ бы отъ нанесенной мнѣ обиды, когда рукопись возвращалась.

Въ началѣ литературной дѣятельности жила на средства мужа, теперь живу небольшой пенсіей и переводной работой.

Даніилъ Максимовичъ РАТГАУЗЪ.

М. Г. Г-нъ Редакторъ.

Вы хотите знать мои «первые шаги въ литературѣ»? Но развѣ то обстоятельство, что я стихотворецъ и къ тому еще лирикъ, не говоритъ ясно объ этихъ «первыхъ шагахъ»?

Кому изъ стихотворцевъ его первые шаги не были сплошной мукой и причиной многихъ терзаній?

Если первые шаги, да и вся жизнь великаго Гейне, большого Ленау, нашего милаго, родного намъ всѣмъ Надсона, даже Лермонтова, даже Пушкина — были исполнены терній и издѣвательствъ, то что же сказать намъ, русскимъ стихотворцамъ конца XIX-го и начала XX-го вѣка?

Въ гимназіи я по русскому языку никогда не получалъ больше тройки. Учителя словесности никакъ не могли мириться съ краткостью и сжатостью моихъ классныхъ сочиненій.

Писать я началъ довольно рано, но рѣдко дѣлился написаннымъ съ окружающими. Близкіе и знакомые постоянно и упорно совѣтовали мнѣ «бросить писать» и заняться какимъ-нибудь «серьезнымъ дѣломъ», хотя нѣкоторые изъ нихъ и сами пробовали писать и, кажется, продолжаютъ пробовать писать и понынѣ.

Съ теплой, искренней симпатіей отнеслись къ моимъ первымъ опытамъ Я. П. Полонскій и П. И. Чайковскій, съ которыми я находился въ перепискѣ и которые настойчиво совѣтовали мнѣ писать и писать.

Первый, обратившій вниманіе на мои произведенія и открывшій мнѣ страницы многихъ журналовъ, былъ Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Первое мое стихотвореніе: «Итоги жизни» (Дѣтство... Книжка... Скука...) было напечатано въ журналѣ «Наблюдатель».

Мытарствъ по редакціямъ я не зналъ, такъ какъ сборники моихъ стиховъ расходились хорошо, нѣкоторые въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

Господа критики обо мнѣ почти ничего не писали. На публику жаловаться не могу: она и книги мои раскупала и встрѣчала меня, когда я выступалъ передъ ней чтецомъ моихъ произведеній, тепло и дружественно.

Въ началѣ моей литературной дѣятельности я жилъ преимущественно въ Кіевѣ. Въ мѣстныхъ газетахъ я никогда о себѣ ни строчки, выражающей симпатію, не читалъ. Многіе изъ сотрудниковъ кіевскихъ газетъ были мои товарищи по гимназіи или по университету.

Я былъ преимущественно окруженъ людьми практическаго дѣла, ставящими превыше всего свои юридическія, медицинскія или коммерческія познанія и относящимися свысока и пренебрежительно къ моимъ первымъ, да и дальнѣйшимъ трудамъ.

Острой нужды я не зналъ.

Любимыми моими поэтами были Лермонтовъ, Апухтинъ, Фетъ, а изъ иностранцевъ—Ленау, Уландъ, Франсуа Коппэ...

Въ числѣ друзей моей музы я насчитываю также не мало композиторовъ и артистовъ,—на мои слова написано много романсовъ, стихи мои достаточно часто читались съ эстрады. Короче—я не считаю себя обойденнымъ и думаю, что за ту искорку художественнаго дара, которую даровало мнѣ Провидѣніе, мнѣ достаточно воздано судьбой.

Что касается людей, всѣми силами препятствовавшихъ мнѣ итти впередъ, людей, злобно оспаривавшихъ и оспаривающихъ мои скромныя заслуги и успѣхи, людей, сѣявшихъ терніи на и безъ того тяжелый, непривѣтливый путь,—то меня утѣшало сознаніе, что у всякаго искренняго стихотворца были и должны были быть враги, хулители и добрые совѣтчики бросить это «пустое занятіе».

Осипъ Исидоровичъ ДЫМОВЪ.

Мой дѣдушка — отецъ моей матери — писалъ, но что и какъ, я не знаю. Отецъ мой родомъ изъ Германіи. Я потерялъ его очень рано и совершенно не знаю его родственниковъ. Первыя книги, какія я прочелъ, были «Записки изъ мертваго дома» и что-то Шеллера-Михайлова. Я ничего не понялъ — Михайлова всю жизнь потомъ не любилъ, а къ Достоевскому вернулся въ пятнадцать лѣтъ; онъ меня переродилъ. Читалъ я въ такомъ раннемъ возрастѣ этихъ авторовъ по указанію моего учителя Р., который былъ тогда охваченъ какой-то идеей и носилъ крылатку. Теперь, впрочемъ, онъ зубной врачъ.

Обстановка, меня окружавшая, хотя и бѣдная, но интеллигентная, скорѣе способствовала развитію литературнаго дара; но я больше интересовался рисованіемъ, скульптурой и всякаго рода ремесломъ. Наблюдательность и рѣзкая память на мелочи проснулась очень рано. Первый разсказъ «Рождественскій силуэтъ»—подражаніе разсказу Достоевскаго, «Мальчикъ у Христа на елкѣ». Не помню, впрочемъ, зналъ ли я уже этотъ разсказъ. Разумѣется, вещь эта осталась въ рукописи. Второе мое сочиненіе, «Разсказъ капитана», написано подъ вліяніемъ не одного какого-нибудь автора, а всего духа журнала «Вокругъ Свѣта», отъ котораго до сихъ поръ несетъ тиграми и привидѣніями. Я выбралъ второе, такъ какъ тигровъ никогда не видалъ; впрочемъ, и капитановъ тоже. Разсказъ прочелъ матери, на крыльцѣ, но, кажется, особеннаго восторга въ ней не вызвалъ. Она очень умная женщина.

Я отправилъ разсказъ въ «Вокругъ Свѣта», причемъ подписалъ свою фамилію шиворотъ - навыворотъ. Черезъ недѣли двѣ въ почтовомъ ящикѣ жур-

нала я прочелъ замирая: «Съ замаскированными трудно имѣть дѣло. Псевдонимы для публики, а редакція по закону должна знать имя и фамилію своихъ сотрудниковъ, хотя бы и случайныхъ». Это было въ 1892 г., мнѣ исполнилось 14 лѣтъ, а вотъ эти строки привожу буквально на память, такъ я былъ тогда ими пораженъ. Я, стыдясь, отправилъ редакціи свѣдѣнія о себѣ, и «Разсказъ капитана» въ октябрѣ, въ № 41 за 1892 г., появился въ «Вокругъ Свѣта». Никакихъ измѣненій сдѣлано не было. Никакого гонорара, даже дарового нумера, не получилъ, несмотря на мои письма.

Я рѣшилъ, что редакція за что-то сердится на меня и раскаивается въ томъ, что напечатала рукопись. Любопытно, что по поводу этого разсказа состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта Бѣлостокскаго реальнаго училища, гдѣ я учился. Разсказъ никакого отношенія къ педагогическому міру не имѣлъ, да и вообще былъ не о мірѣ семъ... На совѣтѣ рѣшили, что «это не преступленіе», а директоръ, по фамиліи Витте, сказалъ мнѣ—всѣ рукописи до напечатанія представлять ему. Ровно тринадцать лѣтъ спустя однофамилецъ моего директора осуществилъ приблизительно подобный же проектъ свободы слова; очевидно, у нихъ это было фамильное.

Мытарства редакціонныя у меня были разныя. Припоминаю эпизодъ съ разсказомъ «Силуэтъ». Въ «Сынѣ Отечества» Михайловъ-Шеллеръ (таки встрѣтился съ нимъ) его не одобрилъ. Въ «Новостяхъ» Н. А. Селивановъ, тогда завѣдывавшій беллетристикой, сказалъ мнѣ, что «разсказъ очень слабъ и черезъ четыре года мы его напечатаемъ»... Я былъ обезкураженъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тотъ же разсказъ, совершенно не измѣненный, на конкурсѣ, устроенномъ въ 1901 году редакціей «Биржевыхъ Вѣдомостей», получилъ изъ тысячи рукописей пятую премію. Обстоятельства моего болѣе чѣмъ скромнаго существованія, благодаря этому, значительно улучшились. Сейчасъ живу исключительно своимъ литературнымъ трудомъ.

Первые критическіе отзывы, въ формѣ рецензій достаточно кислыхъ, появились послѣ постановки въ Петербургѣ моей пьесы «Голосъ крови» въ февралѣ 1904 года. О моей книгѣ «Солнцеворотъ» первый и очень лестно высказался обо мнѣ Н. М. Минскій въ газетѣ «Разсвѣтъ» въ маѣ 1905 года.

Алексѣй Николаевичъ БУДИЩЕВЪ.

Насколько мнѣ извѣстно, въ нашемъ родѣ писали и печатали свои работы двое. Именно: мой дѣдъ, по женской линіи, Иванъ Алексѣевичъ Степиковскій, печатавшій научныя статьи по археологіи, и мой дядя Алексѣй Ѳедоровичъ Будищевъ, описавшій свое путешествіе по Амуру и получившій за свой трудъ золотую медаль отъ Географическаго Общества.

Я же началъ писать рано. Лѣтъ въ 8, въ 9, помню, возился надъ стихами и прозой. Помню, пробовалъ писать романъ «Охота на львовъ», въ подражаніе Майнъ-Риду. Писалъ я и гимназистомъ, писалъ стихи и разсказы, и нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ, позднѣе, будучи уже студентомъ, я напечаталъ. А стихи у меня тогда выходили изъ рукъ вонъ плохо. Проза выходила лучше.

Въ эти мои гимназическіе годы я въ V-мъ классѣ особенно увлекался Лермонтовымъ и Овидіемъ, а въ VII-мъ—Писаревымъ, котораго я въ тѣ годы перечиталъ всего, съ трудомъ доставъ даже запрещенную «Бѣдную русскую мысль». Подъ его вліяніемъ бросилъ писать и взялъ для чтенія «Космосъ» Гумбольдта. А тотчасъ послѣ окончанія курса подалъ прошеніе въ Московскій университетъ, прося зачислить меня студентомъ на медицинскій факультетъ, особенно увлекаясь въ эти годы студенчества зоологіей. За

это время моего увлеченія я написалъ для профессора Богданова (Анатолія Петровича) нѣсколько сочиненій на темы о переходящихъ формахъ. Мечталъ написать большое сочиненіе о явленіяхъ атавизма, собиралъ уже матеріалы въ Публичной библіотекѣ, и вдругъ, совсѣмъ неожиданно для самого себя, написалъ, что называется, за одинъ присѣстъ пять стихотвореній. Всѣ эти стихотворенія очень понравились близкимъ товарищамъ, и по ихъ уговору я послалъ стихи въ журналъ «Развлеченіе», пристегнувъ къ нимъ и одинъ изъ гимназическихъ разсказовъ. А черезъ три дня я получилъ отвѣтное письмо: редакція извѣщала меня, что все присланное принято и будетъ оплачено: стихи по 10 копеекъ за строчку, а проза по 5-ти.

Редакціей журнала этого завѣдывалъ тогда совсѣмъ зеленый юноша, теперь популярнѣйшій фельетонистъ, В. М. Дорошевичъ.

Съ этого же мѣсяца я, студентъ-медикъ 2-го курса, сталъ ближайшимъ сотрудникомъ журнала, заработавъ въ немъ подъ 5—6 подписями, давая лирическіе и юмористическіе стихи, разсказы, всяческія юморески.

Съ того времени и до настоящаго дня я живу исключительно литературнымъ трудомъ, отдаваясь ему всецѣло и не пробуя отъ него отойти. Хочу умереть писателемъ.

Не могу не упомянуть: въ первый же годъ моей работы въ «Развлеченіи» я получилъ пространное и теплое письмо отъ Л. Е. Оболенскаго, ободряющаго мои начинанія и просившаго у меня стиховъ для его «Русскаго Богатства». Помню, письмо это глубоко взволновало меня и обрадовало.

Вотъ и все, что я считаю нелишнимъ сказать о первыхъ шагахъ моихъ на литературномъ пути.

Дмитрій Николаевичъ Овсянико-Куликовскій.

Мои первые литературные опыты относятся къ 1877—1881 годамъ, когда, живя за границей (въ Прагѣ, потомъ въ Парижѣ), я готовился къ каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія и санскрита. Къ этой именно области и относится моя первая напечатанная въ русскомъ журналѣ («Слово», 1878 г.) статья (заглавія точно не помню), представлявшая собою популяризацію нѣкоторыхъ идей Лазаря Гейгера, знаменитою книгою котораго я тогда увлекался («Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft»).

Въ эти же годы я очень интересовался сектантскимъ движеніемъ, преимущественно русскимъ; изученіемъ раскола и сектъ я занимался еще въ 1875—1876 годахъ. Результатомъ этихъ занятій явились статьи (въ «Словѣ», 1878—1880 гг.) подъ заглавіемъ «Культурные піонеры». Первая изъ нихъ, трактовавшая, впрочемъ, не о русскихъ сектахъ, а о средневѣковыхъ альбигойцахъ и катарахъ, появилась въ «Словѣ» въ 1879 г. Продолженіе долго не появлялось по цензурнымъ условіямъ и было напечатано два года спустя—въ эпоху «диктатуры сердца» (при Лорисъ-Меликовѣ). Тогда же я помѣстилъ въ «Словѣ» небольшую статью по вопросу о самоубійствѣ («Самоубійцы и Нирвана»). Другой этюдъ на ту же тему (о массовыхъ самосожиганіяхъ раскольниковъ) былъ напечатанъ въ «Русскомъ Богатствѣ», журналѣ, который издавался тогда кружкомъ передовыхъ литераторовъ, если не ошибаюсь, съ П. В. Засодимскимъ во главѣ.

Редакція обратилась къ молодымъ писателямъ съ просьбой поддержать изданіе. Помнится, о томъ же хлопоталъ и И. С. Тургеневъ, который тогда (1880 г.)

собирался въ Россію и просилъ молодыхъ русскихъ литераторовъ, проживавшихъ въ Парижѣ, доставить ему рукописи для «Русскаго Богатства». Онъ ихъ получилъ и повезъ въ Петербургъ, въ томъ числѣ и мою. Послѣдними моими статьями были: статья о провинціальной печати въ «Словѣ» (1881 г.) и два фельетона въ газетѣ Стасюлевича «Порядокъ».

Петръ Алексѣевичъ СЕРГѢЕНКО.

Вотъ мое curriculum vitae:

Происхожу изъ крестьянъ. Съ 12-ти лѣтъ началъ жить самостоятельной жизнью. Въ ранней юности что-то пописывалъ изъ тщеславія и сентиментализма. Наилюбимѣйшіе писатели въ молодости: Пушкинъ (больше всѣхъ), Гоголь и Шекспиръ. Ближе всѣхъ сердцу: Диккенсъ, Достоевскій и Толстой. Духовно эта троица вліяла глубже всѣхъ. Въ 1879 году (кажется) написалъ стихи въ «Стрекозу» и лѣтъ 5 подвизался въ качествѣ юмористическаго поэта, не имѣя въ сущности иныхъ нобужденій, кромѣ нужды и тщеславія. Все написанное въ стихахъ, слава Богу, уничтожено и забыто. За исключеніемъ «Сократа» и «Дэзи» (которыхъ никто не знаетъ), все остальное написано изъ нужды; и, по моему глубокому убѣжденію, не представляетъ почти никакой цѣнности; и чѣмъ скорѣе будетъ забыто, тѣмъ лучше. За исключеніемъ 2-хъ—3-хъ журналовъ и газетъ, писалъ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ (кромѣ охранительныхъ) подъ различными псевдонимами. Вотъ все, что я могу, по совѣсти, сообщить вамъ о себѣ, какъ литераторѣ.

Валеріанъ Яковлевичъ СВѢТЛОВЪ.

I. Наслѣдственность, вѣроятно, отъ матери, которая, хотя и не писала, но всю жизнь чрезвычайно много читала и привила мнѣ вкусъ къ чтенію. Матушка увлекалась «Собраніемъ романовъ» Ахматовой, въ особенности англійской литературой, а потомъ спиритическими журналами, и вела обширную переписку съ Башкирцевой, Прибытковымъ, Мордовцевымъ и другими извѣстными лицами своего времени. Въ домѣ у насъ часто бывали М. Г. Сухоровскій, Д. М. Леонова и въ особенности Мусоргскій, много игравшій отрывковъ изъ сочиненныхъ имъ въ то время оперъ и другихъ музыкальныхъ произведеній.

II. Старшій врачъ полка, въ которомъ я служилъ, П. А. Агаповъ, очень способствовалъ моему выступленію на литературный путь, убѣждая и убѣдивъ меня, наконецъ, попробовать свои силы; а мать, жившая въ Петербургѣ, пристроила мои первыя рукописи въ журналахъ.

III. Первою прочитанною книгою была «Русскія народныя сказки», затѣмъ «Путешествіе капитана Гаттераса» Ж. Верна и множество самыхъ разнообразныхъ книгъ.

IV.

V. Не знаю.

VI.

VII. Первое написанное произведеніе было напечатано.

VIII. Первое напечатанное произведеніе было: «Очерки станичной жизни». Рукопись съ Кавказа была отправлена матери—въ какомъ году, не помню,—и была напечатана въ «Наблюдателѣ»; не знаю, почему мать пристроила ее въ этомъ журналѣ.

IX. Мытарствъ было много по всякимъ редакціямъ. Мытарства тяжелыя, обидныя, ненужныя, о которыхъ лучше не вспоминать.

X. Рукописей было возвращено множество. Но какъ-то всегда такъ выходило, что возвращенная изъ одного журнала рукопись, охотно принималась въ другомъ, такъ что у меня на рукахъ сейчасъ находится только одинъ романъ, написанный въ 1908 году и до сихъ поръ никуда не помѣщенный.

XI. См. § 8.

XII. Никогда и никому не читалъ до или послѣ печати своихъ произведеній. И никогда никому не навязывалъ чтенія своихъ рукописей, кромѣ, конечно, гг. редакторовъ.

XIII. Всѣ редакторы измѣняли и сокращали, а иногда и искажали мои рукописи. Тогда это, очевидно, было въ модѣ. Въ особенности одинъ редакторъ отличался жестокостью въ этомъ отношеніи и умудрился однажды уговорить меня изъ рукописи въ 6 печатныхъ листовъ сдѣлать 2! Нужда была острая, пришлось согласиться...

XIV. Почти всѣ редакторы отличались этой безцеремонной особенностью.

XV. —

XVI. Ихъ было много. Возни было почти съ каждой рукописью по самымъ нелѣпымъ, смѣшнымъ фантастическимъ поводамъ. Иногда трудно было додуматься, въ чемъ заключается преступленіе. Бывали и рѣзкія столкновенія.

XVII. Первые три разсказа были отданы въ «Наблюдатель» даромъ и даже безъ всякихъ оттисковъ.

XVIII. Первый гонораръ полученъ мною изъ «Наблюдателя», кажется, по 25 рублей за листъ, да и то уплачивался по мѣрѣ печатанія.

XIX. Очень много по той и по другой причинѣ.

XX. Слегка отрицательное.

XXI. Всѣ рукописи подписывалъ, начиная съ первой, В. Свѣтловъ.

XXII. Первые критическіе отзывы по поводу «Очерковъ станичной жизни» появились въ «Русскомъ Курьерѣ», не помню за чьей подписью. Критика была благопріятная.

XXIII. Большая радость при видѣ напечатаннаго перваго произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ сложное чувство конфуза и какой-то отвѣтственности.

XXIV. Нѣсколько рукописей было мною уничтожено, а нѣсколько затеряно редакціями, и такъ какъ черновики я всегда уничтожалъ вслѣдъ за перепиской, то у меня ничего не осталось отъ утерянныхъ рукописей.

XXV. Борьба за существованіе была не малая, ибо я всю свою дѣятельность прожилъ исключительно литературнымъ трудомъ.

Въ настоящее время состою редакторомъ журнала «Нива», получаю опредѣленное жалованье, но зато очень мало пишу и заработокъ мой значительно меньше заработка послѣдняго десятилѣтія моей литературной дѣятельности.

Глафира Адольфовна ЭЙНЕРЛИНГЪ (ГАЛИНА).

Я была единственнымъ ребенкомъ у моихъ родителей, которые ничего общаго съ литературой не имѣли. Мать моя любила почитать какой-нибудь романъ, отецъ же увлекался «божественными» книгами.

Съ четырехъ лѣтъ я полюбила книгу—у меня была грамотная старушка-няня и она читала мнѣ иногда цѣлыми вечерами. Первая книга, врѣзавшаяся у меня въ память, была «Яша или бобовая лѣстница», дешевое изданіе съ лубочными картинами,—но для меня это былъ цѣлый волшебный міръ.

Моей любви къ чтенію никто не мѣшалъ, и уже шести лѣтъ я ходила съ няней въ библіотеку и брала по своему вкусу книги. Конечно, это были по преимуществу сказки.

Самое большое впечатлѣніе на мою душу положили сказки Андерсена и остались моей любимой книгой на всю жизнь.

На ночь мать мнѣ часто читала Евангеліе, и дѣтство мое было тѣсно связано съ кроткимъ распятымъ Богомъ.

Первое мое стихотвореніе написано мною девяти лѣтъ. Я написала его, сама не понимая, какъ оно вышло, и была въ полномъ восторгѣ. Напоминало оно какое-то стихотвореніе Никитина и начиналось такъ:

Тускло освѣщаетъ
Лучина избу,
Да слабо мерцаетъ
Лампада въ углу...

Помню, я писала стихи при всякихъ обстоятельствахъ жизни. Это не было для меня «дѣломъ» — это было потребностью и радостью.

Долго не рѣшалась я отправить мои стихи въ печать, и только въ 1895 году отправилась къ покойному Шеллеру-Михайлову, и онъ благословилъ меня писать дальше, и напечаталъ нѣсколько моихъ стиховъ въ «Живописномъ Обозрѣніи».

Но такъ какъ въ этомъ журналѣ было перепроизводство начинающихъ авторовъ, то мои стихи появлялись съ большими антрактами. Заплатили мнѣ, кажется, по 25 коп. за строку, но гонораръ не имѣлъ тогда для меня значенія—я служила на телеграфѣ и получала жалованье.

Тогда же я попробовала написать повѣсть изъ телеграфной жизни и тоже снесла ее въ «Живописное Обозрѣніе». Это было ужъ передъ прекращеніемъ, по какому-то поводу, этого журнала. Какая-то пожилая дама приняла мою рукопись, а когда я явилась

черезъ мѣсяцъ за нею, то эта же дама казалась очень удивлена моей просьбой возвратить мнѣ мою повѣсть, и заявила, что такой рукописи она отъ меня не получала. Не помню, кто пришелъ мнѣ на помощь и какъ эта рукопись была разыскана; помню только мое отчаяніе, когда мнѣ заявили, что моя повѣсть пропала, а у меня не было даже черновика. И тогда поколебалось мое поклоненіе передъ словомъ «редакторъ» и «редакція».

Повѣсть эту я отослала въ «Жизнь», редактируемую тогда Влад. Алекс. Поссе, гдѣ она и была напечатана подъ моимъ обычнымъ псевдонимомъ Г. Галина, который мы выбрали вмѣстѣ съ Шеллеромъ, и это дало мнѣ право называть себя его «крестной дочерью».

Въ 1899 г. было напечатано мое первое стихотвореніе въ «Русскомъ Богатствѣ», и съ тѣхъ поръ я вся отдалась литературѣ. Писала и сказки и стихи. Но только, когда я написала мое стихотвореніе «Лѣсъ рубятъ», я почувствовала, что *поэтъ* не можетъ не быть *гражданиномъ*...

Стихи П. Я. (Петра Филипповича Якубовича) и вся его личность имѣли огромное вліяніе на мою поэзію. А его внимательное отношеніе, какъ редактора, къ моимъ, тогда еще робкимъ шагамъ въ литературѣ, осталось самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ на моей дорогѣ литературнаго труда.

Кстати сказать, за мое стихотвореніе «Лѣсъ рубятъ» я не получила никакого гонорара, такъ какъ оно было впервые напечатано за границей, а потомъ ходило по рукамъ въ рукописи.

И вообще, если бы я должна была существовать только моими стихами, я должна бы погибнуть отъ «недоѣданья», и огромнымъ подспорьемъ въ жизни служатъ мнѣ только мои сказки и стихи для дѣтей и переводы въ стихахъ, хотя для этого заработка я должна насиловать свое творчество и работать по заказу.

Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.

Наклонность къ писательству отчасти, быть-можетъ, унаслѣдована мною отъ отца моего, извѣстнаго въ свое время статистика. Непосредственно онъ на меня въ этомъ смыслѣ не дѣйствовалъ, такъ какъ въ старости (я былъ его младшимъ сыномъ) онъ мало занимался наукой и литературой и къ писательской профессіи относился безъ большого сочувствія. Зато въ моемъ распоряженіи была его довольно обширная библіотека, особенно богатая историческими книгами. Гизо, Гиббона, Робертсона, Сисмонди, Баранта я читалъ рано и съ большимъ интересомъ; но всего больше на меня повліяло прочитанное мною на 18-мъ году отроду сочиненіе Гермеса: «Geschichte der letzten fünfundzwanzig Jahre, 1815—40», познакомившее меня съ либеральными стремленіями въ Западной Европѣ.

Писать, не думая еще о печатаніи, я началъ вслѣдъ за окончаніемъ курса въ Училищѣ Правовѣдѣнія, въ 1855 г.; писалъ большею частію по поводу прочитанныхъ мною историческихъ книгъ и поразившихъ меня беллетристическихъ произведеній (напр., о «Рудинѣ» Тургенева). Между многими тогдашними друзьями и знакомыми интересъ къ литературѣ былъ развитъ мало. Поощряли меня въ моихъ попыткахъ только одинъ изъ моихъ братьевъ, скончавшійся молодымъ, и мой сослуживецъ и сверстникъ, извѣстный впослѣдствіи педагогъ баронъ Н. А. Корфъ. Года три спустя очень много способствовалъ развитію моего вкуса къ занятіямъ Дмитрій Васильевичъ Стасовъ. Въ основанномъ имъ юридическомъ кружкѣ обсуждались и юридическіе и литературные вопросы.

Мнѣ только что минуло 20 лѣтъ, когда я, читая въ «Современникѣ» одну изъ статей Н. Г. Чернышевскаго объ общинномъ землевладѣніи, почувствовалъ охоту возразить ему не столько по существу

вопроса, съ которымъ я былъ знакомъ мало, сколько по поводу нѣсколькихъ рѣзкихъ нападеній на «Экономическій Указатель» Вернадскаго, отстаивавшій личную поземельную собственность. Я написалъ письмо къ Вернадскому, вовсе не думая о возможности напечатанія его; подписалъ я его только буквами К. А. и просилъ только дать два слова отвѣта въ самомъ журналѣ. Я былъ очень удивленъ и, конечно, обрадованъ, когда увидѣлъ въ «Эконом. Указат.» сначала отвѣтъ, начинавшійся словами: «Ваши замѣчанія совершенно справедливы...», а затѣмъ и самое мое письмо (май 1857). Не могу сказать, однако, чтобы этотъ первый успѣхъ подѣйствовалъ на меня поощрительно: я скоро понялъ, что коснулся области, въ которой былъ еще совершеннымъ профаномъ, и возвратился къ историческимъ занятіямъ.

Годъ спустя я послалъ въ «Русскій Вѣстникъ» Каткова, тогда пользовавшійся еще общимъ уваженіемъ, небольшую статью о Гизо, опять-таки имѣвшую характеръ защиты противъ нападеній, которымъ подверглись въ «Отечественныхъ Запискахъ» первые томы «Мемуаровъ» Гизо. Статья была принята, и Катковъ прислалъ мнѣ очень любезное письмо. Помню день его полученія (30 іюня 1858 г.), бывшій для меня настоящимъ праздникомъ. Съ этихъ поръ моя литературная дѣятельность почти не прерывалась. Первый гонораръ (50 р. за печатный листъ) я получилъ въ началѣ 1859 года за вторую статью, помѣщенную мною въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Читать кому-либо мои статьи до ихъ напечатанія у меня не было привычки. Ни одна изъ моихъ статей не была мнѣ возвращена. Цензурныя затрудненія я сталъ встрѣчать не раньше 1862 года. Сокращеніямъ или поправкамъ со стороны редакціи мои статьи не подвергались. Подписывать мои статьи я сталъ съ 1860 года. Борьбы за существованіе на литературномъ поприщѣ я не испыталъ, потому что сначала состоялъ на государственной службѣ, а въ періодъ, когда я жилъ литературнымъ трудомъ, мнѣ всегда легко удавалось находить работу.

Лонгинъ Федоровичъ ПАНТЕЛѢЕВЪ.

О моемъ дѣтствѣ и условіяхъ, въ которыхъ росъ, я разсказалъ въ «Раннихъ воспоминаніяхъ». Повторять не стоитъ; скажу только, что первая цѣликомъ прочитанная и не разъ *перечитанная* мною книга была географія Ободовскаго. Заинтересовала она меня потому, что во всей гимназіи не было послѣдняго изданія, а я такимъ владѣлъ (въ 1 классѣ), и ее часто бралъ у меня для справокъ учитель географіи; во 2 классѣ какими-то судьбами прочиталъ исторію Карамзина и получилъ любовь къ историческимъ книгамъ. Романовъ въ гимназіи читалъ очень мало, и то историческаго содержанія.

Я былъ студентомъ, перешедшимъ съ 3 курса на четвертый; къ этому времени относится первая написанная мною вещь и вмѣстѣ съ тѣмъ напечатанная— «Новый наставникъ русскаго народа», въ листъ средняго размѣра, по поводу брошюры Погодина «Красное яичко для крестьянъ».

Написавъ ее и никому предварительно не прочитавши, снесъ въ «Свѣточъ»; тамъ сдалъ фактическому редактору А. Н. Милюкову.

— Придите черезъ двѣ недѣли за отвѣтомъ.

Пришелъ.

— Будетъ напечатана въ ближайшей книжкѣ, по выходѣ которой можете получить гонораръ.

И, къ великому моему удовольствію, статейка дѣйствительно появилась въ августовской книжкѣ «Свѣточа» за 1861 г. Гонораръ я получилъ безъ малѣйшей задержки въ размѣрѣ 25 р. и безплатно, помнится, двадцать оттисковъ.

Статья вышла безъ малѣйшихъ сокращеній или исправленій, въ томъ самомъ видѣ, какъ была сдана. Безъ опечатокъ дѣло не обошлось: подъ статьей вмѣсто

Л. Пантелѣевъ оказался А. Пантелѣевъ (хотя въ оглавленіи было вѣрно), да въ текстѣ проскочили двѣ опечатки, искажавшія смыслъ.

Я сначала предполагалъ сдать статью въ «Вѣкъ», гдѣ за отъѣздомъ на лѣто Неволина, по его приглашенію, за 15 р. въ мѣсяцъ, составлялъ по «Сенатскимъ Вѣдомостямъ» отдѣлъ правительственныхъ узаконеній; но П. И. Вейнбергъ заранѣе отклонилъ, сказавъ, что противъ брошюры Погодина нельзя писать, такъ какъ она имѣетъ офиціозное происхожденіе.

Печатныхъ отзывовъ по поводу моей статьи, кажется, не было, но въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ она была замѣчена. Чернышевскій, съ которымъ я познакомился слишкомъ черезъ полгода, разъ сказалъ мнѣ: «Вѣдь вы пописываете, Л. Ф., что же ничего не приносите?»

На статьѣ, несомнѣнно, отразилось вліяніе «Современника», но у меня не хватило храбрости направиться съ ней въ этотъ журналъ.

По разнымъ обстоятельствамъ лишь черезъ 15 лѣтъ послѣ выхода моей первой статьи, я могъ вновь появиться въ печати, въ «Тифлисскомъ Вѣстникѣ» за 1876 г., подъ псевдонимомъ «Акталикъ», или безъ подписи.

Спиридонъ Дмитріевичъ ДРОЖЖИНЪ.

Мои предки отличались отъ другихъ крестьянъ добраго стараго времени въ большей или меньшей степени грамотностью. Прадѣдъ мой Степанъ Артемьевичъ Дрожжинъ, говорятъ, умеръ за чтеніемъ Библіи. Дѣдъ Степанъ Степановичъ, тоже большой любитель чтенія, зналъ множество старыхъ легендъ и сказаній, которыя часто устно передавалъ своимъ слушателямъ.

А отецъ мой, кромѣ того, еще недурно умѣлъ рисовать. Первымъ подаркомъ отъ него въ раннемъ дѣтствѣ я получилъ книжку съ картинами «Шемякинъ судъ». Эту книжку, кромѣ другихъ имѣвшихся въ сундукѣ дѣда, большею частью духовно-нравственнаго содержанія, я читалъ и много разъ перечитывалъ. Въ то же время очень любилъ слушать пѣсни деревенской молодежи и сказки, передаваемыя бабушкой, прохожими странниками или пастухами.

Дѣдъ мой со стороны матери, котораго я не помню, какъ говорили мнѣ о немъ, былъ очень красивъ, имѣлъ хорошій голосъ и пѣлъ, какъ соловей. Онъ умеръ молодымъ, ухаживая за тифозно-больнымъ товарищемъ, который вмѣстѣ съ нимъ плотничалъ. Моя мать и обѣ бабушки были безграмотны, но имѣли большое и доброе вліяніе на воспитаніе моего характера, въ особенности бабушка со стороны отца, которая, обладая замѣчательной памятью, много разсказывала мнѣ сказокъ и очень меня любила. По зимамъ, въ короткіе дни и долгіе вечера въ своей избѣ я только видѣлъ копотный дымъ лучины, вспотѣвшія стѣны и замороженныя толстымъ слоемъ инея окна; зато весной и лѣтомъ видѣлъ приволье родныхъ полей, шумъ лѣсовъ и разливы кормилицы-Волги. Все это вмѣстѣ съ веселыми лицами и пѣснями молодежи меня занимало и радовало.

Моею первою чистою любовью, моею музою была голубоокая, съ густою длинною косою, дѣвочка Оля, которую я не переставалъ любить, пока она на 18 году отъ рожденія не ушла изъ этого міра.

Проявленіе фантазіи и творчества, мнѣ думается, явилось у меня съ того же времени невозвратнаго дѣтства, когда я старался во время прогулокъ по своему огороду или въ полѣ, въ подражаніе народнымъ напѣвамъ, подбирать слова обыкновенной рѣчи и произносить ихъ нараспѣвъ.

До 1865 года, когда я жилъ въ табачной лавочкѣ Семенова, первыми книгами, прочитанными мной, которыя на меня болѣе другихъ произвели глубокое

впечатлѣніе, были 2 томика стихотвореній Некрасова, переплетенные въ одинъ зеленый коленкоровый переплетъ, и романъ А. Дюма «Двѣ Діаны». О другихъ русскихъ и иностранныхъ писателяхъ я узналъ только послѣ этого года, когда поступилъ въ табачный магазинъ Габая и Мичри. Въ этотъ періодъ я особенно увлекался Шиллеромъ, когда съ большой страстностью прочиталъ въ «Современникѣ» его «Переписку съ друзьями и знакомыми», и тамъ же большую статью Д. Израэли «Литературный характеръ, или исторія генія».

Первая мысль написать что-нибудь самому у меня явилась въ 1865 году подъ вліяніемъ тоски по родинѣ. Изъ этой попытки у меня сохранились въ памяти только слѣдующія строки:

«Локомотивъ вдругъ застучалъ
И въ Петербургъ меня умчалъ.
И вотъ теперь ужъ пятый годъ
Я милыхъ сердцу не видалъ».

Затѣмъ въ 1866 году подъ вліяніемъ чтенія Пушкина, въ особенности его эпиграммъ, я, живя у Габая и Мичри, поссорился со своимъ товарищемъ и написалъ:

«Какъ ты смѣшонъ, мой милый другъ,
Когда меня ругаешь вслухъ,
И какъ ты глупъ, когда молчишь,
И какъ уменъ тогда, какъ спишь».

Стихи эти я прочиталъ товарищу, и онъ долго за нихъ на меня дулся. Изъ этого я заключилъ, что стихи не пустая забава и можно ими выразить все, что человѣка волнуетъ и занимаетъ; можно ими, значитъ, также облегчать и свою душу, выразивъ то, что въ ней накипитъ и наслоится.

Въ магазинѣ я читалъ и писалъ свой «дневникъ» и стихи при копотномъ свѣтѣ керосиноваго ночника, за шкапами магазина, сидя на ящикѣ изъ-подъ та-

баку, наполненномъ книгами; а спалъ вмѣстѣ съ товарищемъ въ одной темной каморкѣ хозяйской квартиры, гдѣ вдоль стѣны стояли наши кровати. Въ моемъ сундучкѣ было нѣсколько книжекъ и тетрадокъ съ записями любимыхъ мною стиховъ и пѣсенъ, а также рисунковъ. Тутъ я, когда товарищъ засыпалъ, читалъ свои и другія, попавшіяся подъ руку, книги и, мечтая о своей будущей подругѣ, рисовалъ головки воображаемыхъ красавицъ. Мнѣ представлялась то свѣтлорусая съ голубыми, какъ васильки, глазками Оля, первый другъ моего крестьянскаго дѣтства, то Маша— 14-лѣтняя дѣвочка съ черными жгучими глазами, родная племянница хозяйской кухарки, которую я здѣсь увидѣлъ въ первый разъ вскорѣ послѣ поступленія моего къ Габаю и Мичри, и которой написалъ и посвятилъ тутъ же ей прочтенныхъ много стиховъ и пѣсенъ.

Мнѣ никогда не приходило мысли что-нибудь напечатать изъ написаннаго вплоть до 1870 года. Когда я служилъ въ одномъ изъ грязныхъ трактировъ въ Апраксиномъ переулкѣ, то во время чаепитія у меня вылилось слѣдующее стихотвореніе:

Много мыслей благородныхъ
И вопросовъ нерѣшенныхъ
Зарождается въ Россіи
Среди золъ и бѣдъ народныхъ.
Много добрыхъ начинаній
Проявляетъ русскій геній,
Только высказать не можетъ
Своихъ думъ и убѣжденій...
Мы рабы, въ насъ не созрѣли
Зерна братства и свободы;
Мы не смѣлы, и нерѣдко
Гибнемъ жертвами невзгоды.
Но мы сильны и дождемся
Новыхъ дней—счастливой доли,
Когда будетъ много свѣта,
И земли у насъ, и воли.

Оно такъ мнѣ понравилось, что я, прибавивъ къ нему еще два, порѣшилъ самолично отнести въ журналъ «Нива». Другія изъ нихъ, раньше написанныя стихотворенія, были слѣдующія:

I. Памяти А. С. Пушкина.

Гдѣ тотъ, кто свыше осѣненный
Благословеніемъ боговъ,
Пѣвецъ Татьяны вдохновенный
И звучныхъ, сладостныхъ стиховъ?..
Онъ съ нами здѣсь, великій геній
Во всемъ величіи царитъ,
Предъ нами Ленскій и Евгеній
Его устами говоритъ.
Кто вызвалъ тѣнь Наполеона
Изъ темной сѣни гробовой,
И кѣмъ воспѣтъ властитель трона,
Великій плотникъ и герой?..
Безсмертенъ онъ, и между нами
Живетъ какъ прежде чародѣй!..
Да будетъ проклятъ небесами
Сразившій Пушкина злодѣй!

II. Зимняя пѣсня.

Онъ идетъ безъ сапогъ,
Рваная фуражка,
До костей весь продрогъ
Труженикъ-бѣдняжка.
До костей весь продрогъ,
Посинѣли губы,
Онъ идетъ безъ сапогъ
И безъ теплой шубы.
Кафтанишка въ дырахъ,
Вся сквозитъ рубашка,
Ахъ, какъ грязенъ, какъ нагъ—
Жаль тебя, бѣдняжка!

Стихи, конечно, какъ слабыя мои созданія въ «Нивѣ» 1870 года не могли появиться, но все же съ этихъ поръ меня не оставляла мысль печататься, и я 6 ноября этого же года рѣшилъ послать въ «Иллюстрированную Газету», вмѣстѣ съ письмомъ на имя редактора Влад. Раф. Зотова, слѣдующія пять стихотвореній:

I.

Я утомленъ; моя душа
Не ищетъ больше наслажденья.
Я утомленъ; какъ хороша
Была минута утомленья!
Все, что мерещилося мнѣ
Въ мои года пережитые,
Я былъ въ бреду, я былъ въ огнѣ
И вѣрилъ въ призраки пустые.
Но все жъ не могъ боготворить
Все, что достойно посмѣянья,
И вопли сердца заглушить
Я былъ не въ состояньи.
Я видѣлъ—зло торжествовало,
Неправда звалась правотой,
И все святое погибало
Въ глазахъ предъ обществомъ и мной.
Я не могъ карать безбожныхъ,
И брату братъ не могъ помочь,
Встрѣчая въ дружбѣ друзей ложныхъ,
Въ святой любви разврата дочь.
Просилъ раба рабъ угнетенный
Помочь безсильному въ борьбѣ,
Онъ не хотѣлъ. Я, утомленный,
Теперь лишь вѣрую себѣ.

II. Пахарь.

Шепчутся вѣтви кудрявой березы,
Съ листьевъ росинки спадаютъ какъ слезы,
Солнышко съ синяго неба глядитъ,

Птичка щебечетъ и къ лѣсу летитъ.
Утренній вѣтеръ прохладою вѣетъ,
Травка, какъ шелкъ, на поляхъ зеленѣетъ,
Смотритъ съ межи василекъ голубой,
Пахарь тихонько идетъ за сохой.
Весело думаетъ думу такую:
«Вотъ, какъ вспашу я полоску родную,
Да взбороню и съ молитвой потомъ
Рыхлую землю засѣю зерномъ,—
Стану я новой весны дожидаться;
Лѣтомъ оно будетъ зрѣть-наливаться,
Колосомъ чистымъ въ сіяньи лучей
Встанетъ щетиной, и тронуть не смѣй...
Только пошли мнѣ, Господь, урожая!»
Крестится пахарь, а солнце, сіяя,
Смотритъ съ небесъ, и на полѣ предъ нимъ
Все оживляетъ лучомъ огневымъ[1]).

Первоначальная редакція этого стихотворенія была такая:

Печально береза стоитъ надъ межою,
Унизана утренней свѣтлой росою,
А солнце блеститъ въ голубыхъ небесахъ
И сушитъ траву на зеленыхъ лугахъ.
Широкое поле цвѣтетъ-зеленѣетъ,
А вѣтеръ въ кусточкахъ прохладою вѣетъ,
Около лѣса, склонясь головой,
Пахарь кудрявый идетъ за сохой.
Тихо идетъ онъ и пѣсню поетъ,
Лицо загорѣло и выступилъ потъ.
Каркаетъ воронъ, кузнечикъ трещитъ,
Птичка щебечетъ и къ лѣсу летитъ.
Пахарь идетъ, а кругомъ и надъ нимъ
Солнце сіяетъ лучомъ золотымъ...

1870.

[1]) См. 3-е изданіе стихотвореній Дрожжина 1866—1888, стр. 127, подъ заглавіемъ „Дума пахаря“.

III.

Юные годы!
Сколько невзгоды
Вы принесли!
Съ тайною мукой,
Съ горемъ да скукой
И безъ любви.
Въ бури да грозы
Горькія слезы
Лилъ я изъ глазъ.
Жилъ, увядая,
И умирая,
Проклялъ бы васъ.
Только безсильный
Прахъ мой могильный
Червь изгрызетъ,
Только могила
Жгучей крапивой
Вся зарастетъ.

11 сентября 1870 г.

IV. Пѣсня.

Лѣтомъ рано солнце красное,
Рано всходитъ — разгорается,
Лѣсъ шумитъ, подъ шапкой темною
Въ знойный полдень укрывается.
И стоитъ рожь колосистая
И бушуетъ и волнуется,
Вся, какъ золотомъ облитая,
На полосынькѣ красуется.
Каждый кустикъ сердце радуетъ
Безталаннаго дѣтинушки;
Такъ и вскрикнешь громкимъ голосомъ:
«Ахъ, поля мои, долинушки!
Долго ль вами любоваться мнѣ,
Жить на волѣ, на свободушкѣ?
Придетъ время, — солнце скроется,
Встанетъ въ полѣ непогодушка,

Заиграетъ вьюга снѣжная,
Дни настанутъ невеселые,—
И опять у парня на сердцѣ
Ляжетъ грусть—тоска тяжелая!..»[1]).

Первоначальная редакція этого стихотворенія была такая:

Весной рано красно солнышко,
Рано всходитъ—улыбается,
Въ полѣ травушка-муравушка
Вся цвѣтами убирается.
И стоитъ рожь колосистая,
И бушуетъ, и волнуется,
Вся какъ въ золото облитая,
Съ краснымъ солнышкомъ цѣлуется.
И все сердце такъ и радуетъ
Безталаннаго дѣтинушки;
Такъ и вскрикнешь громкимъ голосомъ:
«Ахъ, поля мои, долинушки!
Пріютили безпріютнаго
Вы, поля, лѣса дремучіе,
И развѣйте грусть-кручинушку,—
Вѣтры буйные, могучіе.
Солнце красное, сіяніемъ
Освѣти мою головушку,
И тогда спою я пѣсенку
И послушаю соловушку».

1870.

V. Отрывокъ.

Ея ужъ нѣтъ, но вижу живо
Ея прекрасныя черты,
И дни, дни юности счастливой
Подъ обаяньемъ красоты.
Тогда я молодъ былъ душою,
И полонъ свѣжихъ, юныхъ силъ—

---

[1]) См. 3-е изданіе стихотвореній Дрожжина 1866—1888 г., стр. 125.

Но вихорь—время уносилъ
Младые годы, чередою,
И я остался одинокъ,
При блескѣ чуждаго мнѣ свѣта.
И взоры юноши поэта
Искали бѣдный уголокъ,—
Тамъ есть приволье, есть свобода,
Тамъ есть просторъ душѣ моей.
А здѣсь — средь чуждаго народа
Я какъ въ тюрьмѣ, среди цѣпей.

Іюль 1869 г.

Вскорѣ всѣ эти пять стихотвореній тѣмъ же путемъ я получилъ обратно, со слѣдующей припиской редактора: «Стихи слабы, невыдержаны и не отдѣланы, а потому не могутъ быть напечатаны; но авторъ можетъ писать и впослѣдствіи печатать, если будетъ избѣгать избитыхъ сюжетовъ и общихъ мѣстъ. А главное, будетъ строже къ самому себѣ и тщательно будетъ отдѣлывать свои стихотворенія. В. Зотовъ».

Съ 5 февраля 1871 г., оставшись безъ мѣста и имѣя въ карманѣ всего 2 р. 45 к., я въ одномъ изъ подваловъ дома въ Кузнечномъ переулкѣ нанимаю себѣ за 1 р. 25 к. уголъ и устраиваюсь, вмѣсто кровати, на гнилыхъ доскахъ, положенныхъ на ящики. Живу здѣсь въ сожительствѣ какого-то старика нищаго и сапожника съ двумя взрослыми дочерьми. Въ этомъ темномъ и душномъ помѣщеніи по стѣнамъ текли потоки сырости, а у печки ползали прусаки, хотя и безъ оружія и не такіе страшные, какъ настоящіе, которые въ то время воевали съ французами, но отвратительные, какъ насѣкомыя. Отсюда единственнымъ моимъ утѣшеніемъ было посѣщать Императорскую Публичную библіотеку, гдѣ я перечитывалъ «Современникъ» съ романомъ Чернышевскаго «Что дѣлать» и Добролюбова, которыхъ нельзя было достать въ частныхъ библіотекахъ. Тогда же, чтобы не умереть съ голоду, я долженъ былъ продать свои любимыя книги, пальто и даже подушку. Тутъ я

сталъ падать духомъ и нерѣдко думалъ о самоубійствѣ, при чемъ было уже приготовлено и письмо къ родителямъ въ деревню. Послать это письмо я не рѣшился и удержалъ его у себя; вотъ его содержаніе: «Любезные родители, я умираю. И когда вы получите это письмо, буду тамъ, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни проклятій моихъ погибающихъ братій. Моя плоть превратится въ глину, изъ которой, быть-можетъ, мои потомки будутъ дѣлать для щей или каши горшки. Моя душа, которая много страдала, много любила и ненавидѣла, много бѣдствовала и наслаждалась въ жизни, будетъ тамъ, смотря по заслугамъ, въ вѣчномъ блаженствѣ царства небеснаго или въ адскихъ мученіяхъ діавола. Я мало жилъ, или, короче сказать, я не жилъ: до 12-лѣтняго возраста—я только прозябалъ. А въ 22 года весь цвѣтъ моей глупой жизни увялъ, какъ только что распустившійся цвѣтокъ. Что это значитъ? Приписать ли все это человѣческой природѣ или неблагопріятному климату, среди котораго я выросъ? Нѣтъ— тысячу разъ нѣтъ, а просто смерть пришла, эта безпощадная, всепожирающая гостья. Но я ее встрѣчаю съ распростертыми объятіями, какъ мою избавительницу отъ этой тяжелой жизни и какъ любовницу въ часъ сладкаго свиданія»...

Наконецъ, когда 19 апрѣля я опять поступилъ въ одинъ изъ трактировъ, то вспомнилъ старую пословицу, что: «не мѣсто человѣка краситъ, а человѣкъ— мѣсто», и вписалъ въ свой «дневникъ» стихи:

«Коль встрѣчу осужденіе —
Насмѣшкою отвѣчу,
И злобнаго глумленія
Глупцовъ я не замѣчу.
Когда бѣда привяжется,
Пусть въ горькой пѣснѣ скажется;
Я все земное, пошлое,
Забытое и прошлое,
Какъ гадину откину,
А самъ со свѣта сгину».

Въ этотъ трактиръ приходили пить чай и водку чернорабочіе и солдаты. Подавая имъ то или другое, я любилъ слушать ихъ разгульныя пѣсни. Вотъ предо мной, за столомъ, покрытымъ грязной скатертью, сидятъ солдаты; къ нимъ подходитъ обтрепанная, *подъ шафе*, едва стоящая на ногахъ, женщина. Они усаживаютъ ее рядомъ съ собой и требуютъ для нея косушку водки. Она жмется къ солдату и запѣваетъ пѣсню, а солдатъ наливаетъ ей въ толстый граненый стаканъ принесенную мною водку. Глядя на эту безобразную сцену, мнѣ невольно приходила на мысль чудная кантата шотландскаго народнаго поэта Роберта Борнса «Нищіе». И вотъ, когда эта пьяная компанія удалилась, я взялъ листъ бумаги и карандашъ, присѣлъ къ столу и началъ писать стихотвореніе, озаглавивъ его «Солдаты». Но вскорѣ пришли новые «гости» и потребовали чаю. Я поспѣшно сунулъ листъ съ начатыми стихами на вдвинутый подъ столъ стулъ и побѣжалъ къ буфету. Вернувшись съ подносомъ, я увидѣлъ, какъ одинъ изъ гостей выдвинулъ стулъ, на которомъ лежалъ листъ съ моими начатыми стихами, и сталъ было его рвать на цыгарки; но я успѣлъ его вырвать и спрятать въ свой карманъ, но уже продолжать это стихотвореніе больше не могъ и не хотѣлъ.

Только въ 1882 году, въ качествѣ уже наблюдателя, разъ вечеромъ я вошелъ въ кабакъ и, возвратившись оттуда, вспомнилъ о случаѣ въ трактирѣ и написалъ стихотвореніе подъ заглавіемъ:

Кабакъ.

Друзья мои, войдемъ въ кабакъ,
Напьемся съ горя, если такъ,
Хоть для минутнаго веселья
Мы своего родного зелья!..
Вотъ предводитель всѣхъ гулякъ,
Тряхнувъ кудрями, вдругъ трепакъ

Предъ нами лихо начинаетъ,
И, утомившись, запѣваетъ
Родную пѣсню. Вотъ она
Подъ шумъ и гомонъ раздается,
Со звономъ сткляница вина
Въ его стаканъ зеленый льется
И выпивается до дна.

На Руси же говорится:
Намъ веселье — пить, гулять,
И напиться, такъ напиться,
Чтобъ и лыка не вязать.

Пьемъ же, пьемъ, тоску-злодѣйку
Мы виномъ обольемъ
И дѣвицу-чародѣйку
Поцѣлуемъ, обоймемъ!..
Вотъ и она у грязной стойки
Стоитъ, бросая мутный взоръ
Въ стаканъ рябиновой настойки.
Заводитъ съ милымъ разговоръ:

— Я дура,—пьяная, одна,
Не говоря дурного слова,
Съ тобой за чаркою вина
Всегда бесѣдовать готова.
Еще огонь въ моей крови
Хмельною влагою пылаетъ,
А сердце ласки и любви
Отъ друга милаго желаетъ.

Какъ и ты, въ лохмотья я
Грязныя одѣта.
Выпьемъ, что ли?! И твоя
Буду до разсвѣта!
Обниму тебя, дружка,
Такъ, что будетъ любо.
А за чарочку пока
Поцѣлую въ губы.

Пьетъ безталанный и горе свое,
Тяжкое горе—лихое житье
Водкой заливаетъ,
И послѣднее тряпье
Съ бабой пропиваетъ [1]).

1882.

Въ ноябрѣ 1871 г. я пріѣхалъ въ Низовку. Родители, какъ и всегда безъ денегъ, встрѣтили меня недружелюбно. Отецъ книги, какія я привозилъ раньше изъ города, продалъ въ лавочку на оберточную бумагу, и всегда бранилъ меня, зачѣмъ я ихъ привожу: лучше бы де привозилъ побольше денегъ, и указывалъ на примѣры моихъ товарищей — земляковъ, которые, какъ я зналъ, наживали деньги не совсѣмъ честными путями, и поэтому только всегда пріѣзжали въ деревню съ деньгами.

На этотъ разъ я прожилъ въ деревнѣ только 18 дней и пѣшкомъ отправился въ Москву, гдѣ мнѣ удалось поступить къ одной помѣщицѣ лакеемъ, а отъ нея перейти на ту же должность къ одному молодому помѣщику, въ отъѣздъ въ его имѣніе Ярославской губерніи. Здѣсь многія мои стихотворенія я читалъ въ присутствіи помѣщика, его сестры, жены, а также самъ читалъ и давалъ читать многимъ пріѣзжающимъ въ имѣніе гостямъ, которые всегда относились къ нимъ съ большой похвалой; а жена помѣщика, прочитавъ многія изъ нихъ, сама сказала, между прочимъ, мнѣ: «Въ вашихъ стихахъ такъ много красоты и удачныхъ выраженій, что, право, нѣкоторые изъ нихъ могутъ соперничать со стихами Кольцова». Для сестры же помѣщика, молодой и красивой барышни, однимъ изъ гостей, пріѣзжавшихъ въ имѣніе, мое стихотвореніе «Серенада» было переложено на ноты, и она его часто пѣла, играя на рояли.

[1]) Съ нѣкоторыми перемѣнами вначалѣ, стихотвореніе это приводится въ запискахъ автора о своей жизни и поэзіи. 1848—1884 гг.— „Русская Старина“, 1884 г., томъ XLIV, стр. 106.

Ободренный похвалами, осенью 1873 г. я отсюда уѣхалъ въ Москву, а 17 октября лично передалъ въ редакцію народнаго журнала «Грамотей» тетрадку со слѣдующими стихотвореніями: 1. Пѣсня «про солдата». 2. Пѣсня «Гдѣ ты, лѣто красное». 3. Пѣсня «Ахъ ты, жизнь моя». 4. «Урожай». 5. Пѣсня «Ужъ ты вейся, какъ хмелинка». 6. «Въ груди боль нестерпимая». 7. «Русь». 8. «Проводы рекрута». 9. «На смерть малютки». 10. Пѣсня «Вотъ идетъ мужичокъ». 11. «Похвальная пѣсня работѣ». 12. «Пѣсня про горе добра-молодца».

Послѣ этого вскорѣ я уѣхалъ опять въ Петербургъ, гдѣ первымъ долгомъ, волнуясь и спѣша, пришелъ въ журнальное отдѣленіе Императорской Публичной библіотеки, нервно сталъ перелистывать журналъ «Грамотей» и въ декабрьской книжкѣ 1873 г., къ великой моей радости, увидѣлъ первымъ напечатаннымъ стихотвореніемъ «Пѣсня про горе добра-молодца».

Въ слѣдующемъ году за нимъ послѣдовала «Пѣсня про солдата» и другія. Я сдѣлался уже постояннымъ сотрудникомъ этого журнала, который, вмѣсто гонорара, высылался мнѣ издателемъ вплоть до его прекращенія.

Съ 1880 г. я примкнулъ къ редакціямъ дѣтскихъ журналовъ и сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Семейныхъ вечеровъ», «Игрушечки», потомъ «Дѣтскаго Чтенія» и «Родины», затѣмъ большихъ журналовъ: «Слова», «Дѣла» и «Русскаго Богатства».

Первыми моими критиками и отчасти біографами были: 1. М. И. Семевскій — въ «Русской Старинѣ», 1884 г., книга IX, при вступленіи къ моимъ запискамъ о жизни и поэзіи, книга XII, стр. 637, въ заключительной статьѣ отъ редакціи, и 1889 г., кн. II, на обложкѣ. 2. Н. И. Позняковъ—«Женское Образованіе», 1889 г., № 2, стр. 137, и «Библіографъ», 1889 г., №№ 4, 5, 6 и 7. 3. А. М. Скабичевскій «Новости», 1889 г., № 26.

Первый гонораръ по 50 к. за строчку былъ полученъ мною за «Пѣсни Рабочихъ», помѣщенныхъ въ № 4

журнала «Слово», 1880 г. О дальнѣйшихъ моихъ литературныхъ шагахъ, если кому-либо изъ моихъ читателей будетъ интересно узнать, позволяю себѣ указать на мои Автобіографическія Записки, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ», 1884 г., въ книгахъ IX, X и XI, и на мою книгу: «Стихотворенія 1866—1888 гг., третье значительно исправленное и дополненное изданіе, съ портретомъ и записками автора о своей жизни и поэзіи. Москва, 1907 г.», а также на имѣющійся въ непродолжительномъ времени выйти второй томъ полнаго собранія стихотвореній 1889—1909 гг., съ приложеніемъ библіографическаго указателя статей о моей личности и произведеніяхъ.

Казиміръ Станиславовичъ БАРАНЦЕВИЧЪ.

I. Человѣкъ средняго образованія, отецъ мой былъ большимъ любителемъ чтенія и весь свой досугъ посвящалъ чтенію нашихъ классиковъ. Особенно любилъ онъ Пушкина и Тургенева. Мать тоже читала очень много и не одних отечественныхъ писателей, но и иностранныхъ.

II. Почему единственными, благопріятствовавшими развитію во мнѣ литературнаго дарованія лицами я долженъ считать ихъ обоихъ, хотя ни отецъ, ни мать не относились особенно благосклонно къ моимъ литературнымъ попыткамъ, считая ихъ дѣломъ пустяковымъ, никчемнымъ.

III. Обстановка жизни въ молодости была не изъ веселыхъ. Первыя печатныя строки, прочитанныя мною, были столбцы газеты «Сынъ Отечества», по которой, не зная азбуки, я, самоучкой, научился читать. Жизнь протекала довольно сѣро и скучно, не давая сколько-нибудь интересныхъ, способствовавшихъ развитію писательскаго дара, эпизодовъ, если не считать единственный, глубоко запавшій въ душу эпизодъ поѣздки въ деревню (Псковской губ.) и пребываніе тамъ въ теченіе лѣта и зимы.

IV. Первымъ элементомъ творчества явилась довольно живая фантазія, подсказывавшая темы для повѣстей изъ «шведской», «африканской» жизни и т. п. Наблюдательность была самая слабая, примитивная.

V. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что первое мое произведеніе,—поэма,—создалась подъ вліяніемъ Пушкина.

VII. Произведеніе это, погибшее безслѣдно въ моихъ бумагахъ, называлось «Понятовскій»; поэма изображала знаменитое прикрытіе уланами во главѣ съ Понятовскимъ отступленія польской арміи черезъ рѣку Эльстеръ.

VIII. Первое беллетристическое произведеніе, «отправленное» или, попросту говоря, отданное мною для печати, былъ разсказъ: «Одинъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ». Разсказъ появился въ сборникѣ, изданномъ княземъ Мещерскимъ подъ редакторствомъ Ѳ. Пуцыковича въ видѣ преміи къ какому-то его изданію: не то къ журналу, не то къ газетѣ,—не помню. Ѳ. Пуцыковичъ,—говорятъ, человѣкъ очень порядочный,—скрылъ мою фамилію подъ иниціалами: К. Б. Значительно позже я узналъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, и былъ ему очень благодаренъ.

IX. Долженъ по правдѣ сказать, что мытарствъ по редакціямъ было такъ мало, что я ихъ не запомню. Куда труднѣе было мнѣ пробиваться съ темами карикатуръ, съ которыми я, несмотря на отказы, упорно лѣзъ въ «Сынъ Отечества» къ Альберту Старчевскому.

X. Изъ возвращенныхъ мнѣ рукописей помню одну—романъ «Раба», возвращенную изъ «Вѣстника Европы» въ довольно потрепанномъ видѣ, испещренную карандашными замѣчаніями. Столь безцеремонное отношеніе къ рукописи особенно удивило меня потому, что редакція «Вѣстника Европы» была одна

изъ самыхъ джентльменскихъ: такъ, напримѣръ, посѣтителей въ передней встрѣчалъ лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ.

XII. Никому изъ близкихъ людей не читалъ и никогда не читаю написанное мною. Въ рѣдкихъ случаяхъ позволялъ себѣ это насиліе въ отношеніи одного своего давнишняго друга и другого лица, страстно любившаго литературу. Эти лица, будучи въ то время просто знакомыми, много способствовали, такъ сказать, усовершенствованію моему въ моихъ писательскихъ опытахъ.

XIII. Измѣненіе и сокращеніе въ рукописяхъ дѣлались почти исключительно по цензурнымъ требованіямъ, съ которыми приходилось и приходится считаться по сей день. «Бороться» и «отстаивать» — назначеніе каждаго писателя, гдѣ бы онъ ни родился, подъ петербургскимъ ли небомъ цвѣта солдатской шинели, или подъ знойными лучами животворящаго итальянскаго солнца.

XV. Я никогда не обращалъ особаго вниманія на опечатки, ибо всегда думалъ, что у читателя хватитъ здраваго смысла, чтобы должнымъ образомъ усвоить текстъ, хотя бы и съ опечатками. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы разстраивать нервы, опечатки рождали во мнѣ веселое настроеніе. Кто не слышалъ про знаменитую «корову», превращенную затѣмъ въ «ворону» и, наконецъ, достигшую надлежащаго своего смысла, — «корону»? И отчего не дать возможности иногда посмѣяться хмурому и тусклому россійскому гражданину?

XVI. За первое напечатанное произведеніе получилъ гонораръ, хотя весьма незначительный, и ни одного оттиска, почему и лишенъ возможности обогатить музей Ф. Ф. Фидлера.

XXII. Всѣ критическіе отзывы, какіе когда-либо были обо мнѣ, самымъ легкомысленнымъ образомъ растерялъ, и не помню.

XXIII. Мнѣ кажется, нѣтъ того автора на свѣтѣ, который бы не былъ удовлетворенъ своимъ *первымъ*

произведеніемъ. Первымъ, но не дальнѣйшими, составляющими почти сплошное мученіе автора.

XXV. Борьба за существованіе, какъ и всякая борьба, — состояніе очень хорошее, если оно не продолжительно. Къ счастью, въ девяносто случаевъ изъ ста, такъ оно и бываетъ, и я долженъ благословлять судьбу, что она меня причислила къ большинству.

Максимиліанъ Александровичъ ВОЛОШИНЪ.

I. Отца не помню, но знаю, что онъ въ юности писалъ стихи. Мать любила строго классическую русскую литературу (Пушкина, Гоголя и т. д.).

II. Ни тѣхъ, ни другихъ не было. — Мать относилась строго, но не препятствовала.

Съ писателями лично познакомился только въ 1902 году (съ Бальмонтомъ), а въ 1903 со всѣми остальными. — До этого, въ Парижѣ, находился подъ вліяніемъ французскихъ поэтовъ.

III. Росъ совершенно одиноко, среди взрослыхъ. — Читалъ очень много (началъ съ 5 лѣтъ); до этого зналъ наизусть половину Пушкина, Лермонтова и Некрасова. — До 15 лѣтъ внѣшнихъ серьезныхъ впечатлѣній не было. Началъ регулярно писать стихи съ 12 лѣтъ.

IV. Фантазія была въ смыслѣ комбинацій, но не въ смыслѣ выдумки. — Въ дѣтствѣ наблюденій надъ людьми не дѣлалъ. Очень сильно было впечатлѣніе природы (въ Крыму). Промежутокъ съ 9—15 лѣтъ, потомъ опять Крымъ, но пустынная его часть, голая (не Ялта, а окрестности Өеодосіи). — Наибольшее вліяніе, какъ творческое перерожденіе, оказали путешествія: 1900 г. въ Средней Азіи (въ голодной степи, куда былъ высланъ), затѣмъ исходилъ пѣшкомъ поч-

ти всю Испанію, Италію, Балеарскіе острова и Грецію. Также Альпы и Пиренеи. Сильныя впечатлѣнія въ Парижѣ 1899—1909 гг.; съ большими промежутками возвращался въ Петербургъ, какъ домой. Путешествовалъ не какъ литераторъ, а какъ художникъ: смотрѣлъ на живопись, какъ на подготовку къ художественной критикѣ и какъ на выработку точности эпитетовъ въ стихахъ.

Раньше, чѣмъ написать пейзажное стихотвореніе,—записывалъ всѣ слова и предметы данныхъ оттѣнковъ, чтобы выработать надлежащее соотношеніе.

V. Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, Верленъ, Малларме; до нихъ нѣмецкіе писатели: Гейне, Ленау, Уландъ и Фрейлигратъ (которыхъ переводилъ).

VI. Анатоль Франсъ и Реми-де-Гурмонъ; но только идеи.

VII. Сохранились всѣ стихи съ 12 лѣтъ.

VIII. Вошелъ въ литературу незамѣтно, безъ попытокъ, благодаря личному знакомству съ редакторами «Русской Мысли».

IX. Не было. Начались только, когда составилось имя и физіономія.

X. Тоже только за послѣднее время.

XI. «Русская Мысль», май 1900 г. Статья въ защиту Гауптмана (критика перевода Бальмонта драмы «Потонувшій колоколъ»).

XII. Въ Поливановской гимназіи (въ Москвѣ) читалъ товарищамъ свои стихи, очень ими одобряемые. Тѣмъ не менѣе, явился глубокій скептицизмъ по отношенію къ самому себѣ, и не появилось желанія, скорѣе выступить печатно.

XIII. Ничего особеннаго не было.

XIV. Въ «Новомъ Пути» 12 стихотвореній—масса исправленій и сокращеній, сдѣланныхъ П. П. Перцовымъ.

XV. Масса въ газетѣ «Русь».

XVI. Не было. За статью о романѣ Реми-де-Гурмонъ (Une nuit) № «Руси» за кощунство былъ конфискованъ.

XVII. За статьи въ «Русской Мысли»—да, за стихи въ «Новомъ Пути»—нѣтъ.

XVIII. 100 руб. съ листа въ «Русской Мысли».

XIX. Недобросовѣстныхъ не было; несостоятельныхъ—да.

XX. Поощрительное, но строгое.

XXI. Иногда Киріенко, иногда Волошинъ, но псевдонима не было.

XXII. Послѣ первыхъ стихотвореній въ «Новомъ Пути», въ томъ же журналѣ, появилась ругательная статья Зин. Мережковской (Антонъ Крайній), гдѣ она называетъ меня «комми-вояжеромъ».

XXIII. Никакого впечатлѣнія.

XXIV. Такихъ не было. Изъ невозвращенныхъ разныя, довольно цѣнныя, рукописи утеряны въ редакціяхъ.

XXV. Въ началѣ—очень благопріятныя, теперь неблагопріятныя.

Владиміръ Владиміровичъ ТУНОШЕНСКІЙ.

† 18 іюля 1910.

1) Моя мать, урожденная Кошанская (ея отецъ извѣстный филологъ и большой любитель литературы), все время вращалась въ литературной семьѣ и во мнѣ зажгла съ первыхъ шаговъ страстную любовь къ литературѣ.

2) Юношей я началъ сильно увлекаться театромъ. Когда я жилъ въ провинціи, въ г. Вильно, на меня производилъ неотразимое впечатлѣніе А. Н. Островскій и Н. А. Потѣхинъ въ исполненіи такихъ корифеевъ провинціальной сцены, какъ Ѳ. Горевъ и давно умершая Мельникова - Самойлова. Будучи гимназистомъ, я чуть ли не ежедневно ютился на «галеркѣ» и не

пропускалъ почти ни одного спектакля, что шло въ ущербъ, конечно, моимъ успѣхамъ въ наукахъ. Дойдя до седьмого класса, когда мой отецъ получилъ видный постъ въ провинціи, я хотѣлъ бросить гимназію и поступить на сцену. Въ это время я началъ съ успѣхомъ подвизаться на любительской сценѣ, изображая роли простаковъ. Я мечталъ о славѣ артиста. Мать старалась меня всячески отвлечь отъ сцены, заставляя меня читать ей вслухъ русскихъ корифеевъ литературы, разсказывая разные эпизоды изъ жизни литературы ея эпохи,— но моя мечта все-таки была сцена. Я настолько сталъ увлекаться театромъ, что сталъ тихонько удирать изъ гимназіи въ театръ, гдѣ я перезнакомился со всей труппой, и тамъ, на репетиціяхъ, я дышалъ какой-то особой, родной атмосферой. Въ 16 лѣтъ театръ меня захватилъ всецѣло и, казалось, моя участь была рѣшена. Но суровый и крутой отецъ — военный генералъ, видя мое увлеченіе, распорядился моей судьбой по-своему. Онъ отдалъ меня въ корпусъ, въ VI классъ, а оттуда я добровольно пошелъ въ Николаевское Кавалерійское Училище, въ стѣнахъ котораго виталъ геній Лермонтова. Въ училищѣ я свободные досуги проводилъ въ Лермонтовскомъ музеѣ и моимъ кумиромъ сталъ этотъ великій поэтъ, предъ которымъ я молился, но котораго я не чувствовалъ и... не понималъ душой.

3) Среди пустоты училищной жизни и подъ вліяніемъ теплыхъ писемъ матери, сталъ усиленно читать, и изъ всѣхъ русскихъ писателей больше всѣхъ меня захватывалъ Тургеневъ. Мнѣ нравился его стиль, его слогъ, мнѣ были дороги и близки его образы. Читая его, вспомнилъ наше родное гнѣздо въ Ярославской губерніи «Туношино», гдѣ я провелъ свое дѣтство. Подъ вліяніемъ Тургенева, будучи въ училищѣ, я написалъ маленькій разсказъ изъ жизни помѣщиковъ. Этотъ разсказъ я читалъ своимъ близкимъ товарищамъ, которые совѣтывали мнѣ продолжать писать. Но въ это время я ближе сошелся съ юнкеромъ старшаго класса, нынѣ умершимъ Пашеннымъ, который впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ артистомъ Н. И. Рощинымъ-Инсаровымъ. Покойный Пашенный былъ страстнымъ театраломъ, прекрасно игралъ въ любительскихъ спектакляхъ и мечталъ о сценѣ. Благодаря ему, во мнѣ снова загорѣлась любовь къ театру.

8) По выходѣ въ офицеры, я попалъ въ Варшаву. И тамъ сталъ усердно посѣщать польскій театръ, гдѣ въ то время блистали такіе таланты, какъ Круликовскій и Жолкевскій. Подъ вліяніемъ польской драматической литературы, легкой, въ основѣ неглубокой по замыслу и содержанію, я написалъ свое первое произведеніе: комедію нравовъ: «Цвѣты запоздалые». Первый мой трудъ, къ моей великой радости, былъ напечатанъ въ толстомъ журналѣ «Колосья», который издавалъ Баталинъ, но на сцену эта вещь не попала. Первая моя пьеса, такимъ образомъ, была напечатана въ 1886 году.

12) Первое мое произведеніе было прочитано Д. В. Григоровичемъ и П. А. Стрепетовой. Они меня обласкали и совѣтовали мнѣ работать, находя мою первую вещь слишкомъ недозрѣлой и голой. Моя мать, рядомъ теплыхъ писемъ, поддерживала мое начинаніе, послѣ чего я, играя въ любительскихъ спектакляхъ, пересталъ уже думать объ артистической карьерѣ и началъ мечтать сдѣлаться драматургомъ. Подъ вліяніемъ Стрепетовой я началъ было пробовать писать пьесы изъ народной жизни — бытовыя, но ихъ цензура не пропускала и, кромѣ того, я чувствовалъ, что это не мой жанръ. Такихъ пьесъ, перечеркнутыхъ отъ начала до конца цензорскими красными чернилами, было три. Это привело меня въ отчаяніе, и я года три ничего не писалъ. Переѣхавъ въ Кіевъ на жительство, я написалъ одну очень слабую пьесу изъ народной жизни, посвятивши ее П. А. Стрепетовой, и издалъ ее почему-то на собственный счетъ. Пьеса эта шла въ Кіевскомъ драматическомъ кружкѣ и успѣха не имѣла.

Переѣхавъ въ Петербургъ, я написалъ новую пьесу изъ помѣщичьяго быта подъ заглавіемъ «Въ глуши». Эту пьесу напечаталъ Ѳ. А. Куманинъ въ своемъ журналѣ «Театральная библіотека» въ 1892 году. «Въ глуши» увидѣла свѣтъ рампы на лѣтней сценѣ Ораніенбаумскаго театра. Ее поставилъ въ свой бенефисъ антрепренеръ этого театра, покойный артистъ Императорскихъ театровъ Сосновскій. Играли въ ней Дарскій, Панчинъ и другіе видные артисты петербургскихъ театровъ. Пьеса имѣла у публики шумный успѣхъ. Пресса встрѣтила пьесу очень дружелюбно и похвалила ее за литературность и сценичность. Послѣ этого во мнѣ явилась увѣренность въ себѣ. И затѣмъ, когда я послѣ нѣкотораго антракта написалъ новую пьесу изъ актерской среды, подъ заглавіемъ «Зарница», я свезъ ее прямо В. А. Мичуриной, которая, встрѣтивъ меня и мое дѣтище привѣтливо, рѣшила, несмотря на то, что у меня не было никакого имени, поставить мое произведеніе въ свой бенефисъ на Императорской сценѣ.

Критика встрѣтила на этотъ разъ мое произведеніе болѣе чѣмъ враждебно,—меня всѣ газеты общимъ хоромъ обругали. И только В. А. Мичурина и В. П. Далматовъ начали меня поддерживать и ободрять. Обруганная пьеса шла въ бенефисъ Мичуриной въ послѣдній день масленой недѣли въ 1902 году. И въ слѣдующій сезонъ директоръ театровъ В. А. Теляковскій не хотѣлъ ее возобновлять, какъ якобы провалившуюся пьесу; но благодаря настояніямъ и хлопотамъ Мичуриной, пьесу возобновили, и она у публики имѣла на этотъ разъ огромный успѣхъ и прошла на Императорской сценѣ 20 разъ.

Успѣхъ пьесы меня окрылилъ, и я написалъ къ слѣдующему сезону легкую комедію «Губернская Клеопатра». Пьесу эту Петербургскій Театрально-Литературный Комитетъ забраковалъ, какъ вещь антилитературную и не сценичную, несмотря на то, что пьеса эта понравилась М. Г. Савиной, которая хотѣла выступить въ роли Клеопатры. Послѣ того,

какъ вещь была забракована Комитетомъ, М. Г. Савина рекомендовала А. С. Суворину поставить эту пьесу у себя. Суворинъ, прочитавъ пьесу, рѣшилъ поставить ее въ Маломъ театрѣ во время Великаго поста. Когда роли были уже распредѣлены, артисты Малаго театра, во главѣ съ В. А. Мироновой, стали отказываться отъ ролей. Миронова, будучи премьершей, находила, что роль Клеопатры — трафаретная и неинтересная, и такимъ образомъ пьесу послѣ трехъ репетицій хотѣли снять съ репертуара. И только режиссеръ театра Е. П. Карповъ уговорилъ г-жу Миронову играть, и пьеса пошла, имѣла огромный успѣхъ, сдѣлалась репертуарной пьесой по всей провинціи и создала мнѣ имя. Послѣ этого я изъ года въ годъ, вотъ ужъ восьмой годъ, ставлю свои легкія комедіи въ Маломъ театрѣ. Такъ тамъ прошли послѣдовательно: «Въ Гаграхъ», «Вешнія грозы», «Черноморская Цирцея», «Листопадъ», «Въ родномъ болотѣ», «Развалъ» (бенефисъ Мироновой) и «Въ странѣ любви».

Иннокентій Ѳедоровичъ АННЕНСКІЙ.

† 30 ноября 1909.

Какъ большинство людей моего поколѣнія, если они, какъ я, выросли въ литературныхъ и даже точнѣе — литераторскихъ традиціяхъ, я рано началъ писать. Мой братъ Н. Ѳ. Анненскій и его жена А. Н. Анненская, которымъ я всецѣло обязанъ моимъ «интеллигентнымъ» бытіемъ, принадлежали къ поколѣнію 60-хъ годовъ. Но я все-таки писалъ только стихи, и такъ какъ въ тѣ годы (70-ые) еще не знали слова *символистъ*, то былъ *мистикомъ* въ поэзіи и бредилъ религіознымъ жанромъ Мурильо, который и

старался «оформлять словами». Чортъ знаетъ что! Мои пріятели, теперь покойные, лирики Николай Кобылинъ и Анатолій Вишлянскій (Вій), уже брали штурмомъ нѣсколько редакцій изъ тѣхъ, что поскромнѣе, и покойный Шеллеръ, вздыхая, капитулировалъ иногда передъ ихъ дранг'омъ. Но я твердо держался глубоко запавшихъ мнѣ въ душу словъ моего брата Николая Ѳедоровича: «До тридцати лѣтъ не надо печататься», и довольствовался тѣмъ, что знакомыя дѣвицы переписывали мои стихи и даже (ну, какъ было тутъ не сдѣлаться феминистомъ) учили эту чепуху наизусть.

Въ университетѣ, — какъ отрѣзало со стихами. Я влюбился въ филологію и ничего не писалъ, кромѣ диссертацій. Потомъ я сталъ учителемъ, но—увы!—до тридцати лѣтъ не дождался—стишонки опять прокинулись, — слава Богу, только они не были напечатаны. Зато соблазнилъ меня на научныя рецензіи покойный Леонидъ Николаевичъ Майковъ, который далъ мнѣ написанную по-польски и только что тогда увидѣвшую свѣтъ грамматику Малецкаго. Это и была моя первая печатная работа, напечатанная въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а сколько именно лѣтъ тому назадъ, не помню.

Съ моимъ дебютомъ соединяется у меня два воспоминанія: 1) Л. Н. Майковъ не измѣнилъ ни слова въ моей статейкѣ — добрая душа былъ покойный; 2) ее отмѣтилъ въ Archiv für Slawische Philologie Ягичъ, тогда еще профессоръ нашего университета, теперь австрійскій баронъ и академикъ. Статейка была, хотя и невинная, но полемическая, а я — ужъ какъ это вышло, не помню—ее не подписалъ. И вотъ суровый славистъ отмѣтилъ ее лишь двумя словами: Warum anonym? Упрекъ не прошелъ мимо. Съ тѣхъ поръ ни одной полемической статьи я больше не написалъ, а анонимно напечаталъ за всю мою жизнь одну только, и то хвалебную замѣтку.

Левъ Исаакович
ШЕСТОВЪ.

Началъ я писать въ 1895 году. Т.-е., собственно говоря, писалъ я и раньше: еще въ бытность студентомъ я съ товарищемъ своимъ написалъ работу о «Положеніи рабочихъ въ Россіи» по даннымъ фабричной инспекціи, — работу, которой не суждено было увидѣть свѣтъ, такъ какъ редакціи журналовъ (хотя и признали ее интересной), находили слишкомъ обширной и спеціальной, а цензура—слишкомъ рѣзко написанной для того времени. Но то была общая, а не моя личная работа. Пробовалъ я писать повѣсти и разсказы — и написалъ не мало, но и эти работы не нашли доступа къ публикѣ. И я самъ и тѣ немногіе друзья, которымъ я показалъ эти опыты, осудили ихъ.

Въ 1895 году я написалъ нѣсколько статей (кажется, три) на литературно-философскія темы. Статьи были небольшія, жилъ я тогда въ Кіевѣ и потому естественно попытался пристроить ихъ въ кіевскихъ газетахъ. Тогда въ Кіевѣ было 3 газеты: «Кіевлянинъ», «Кіевское Слово» и «Жизнь и Искусство». «Кіевлянинъ» литературой и философіей мало интересовался. При томъ онъ уже и въ то время держался опредѣленнаго консервативнаго направленія,— такъ что я и не пытался вступать съ нимъ въ переговоры. Я обратился съ первой своей статьей, которая называлась, помню, «Вопросы совѣсти», въ «Кіевское Слово». Редакція отказалась печатать, ссылаясь на то, что я ставлю вопросы, не разрѣшая ихъ. Статья была написана по поводу какого-то (уже не помню, какъ онъ назывался) разсказа Потапенки, и напечатанной тогда въ «Нивѣ» Вл. Соловьевымъ главы изъ «Оправданія добра»—«О смыслѣ войны». Я хотѣлъ было обратиться въ «Жизнь и Искусство», но мнѣ сказали, что нужно, если я хочу, чтобы на-

печатали, обратиться не прямо въ редакцію, а къ сотруднику газеты, нѣкоему Т. Я такъ и сдѣлалъ. Т. взялъ статью и обѣщалъ напечатать. И въ самомъ дѣлѣ напечаталъ, но въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Все, относящееся къ Потапенкѣ, онъ вычеркнулъ, а затѣмъ то, что относилось къ Соловьеву, передѣлалъ. Когда я увидѣлъ статью въ печати, я ея не узналъ. Разумѣется, я находилъ, что передѣлывать нужды не было. Другіе же сотрудники «Ж. и И.», сведшіе меня съ г. Т., наоборотъ, были того мнѣнія, что статья выиграла отъ поправокъ, и что, такъ какъ главная задача писателя приносить пользу читателямъ, то принципіально всякаго рода измѣненія въ статьяхъ разрѣшаются. Мое же неудовольствіе объяснили авторскимъ самолюбіемъ.

Всѣ находили, что у Т. слогъ гораздо лучше, чѣмъ у меня, стало-быть, ему и полагается исправлять меня. Для того, чтобы дать образчикъ слога и исправленій г. Т., приведу одинъ маленькій примѣръ, сохранившійся у меня въ памяти. Я написалъ: «Эти писатели обмакаютъ перо въ чернильницу» — онъ исправилъ: «Эти писатели обмакаютъ перо въ плевательницу, то бишь въ чернильницу».

Г. Т. былъ очень обиженъ моей неблагодарностью, и сначала было заявилъ, что больше не будетъ пристраивать моихъ статей. Но потомъ смягчился и отдалъ еще двѣ статьи (онъ ихъ отдавалъ какъ свои,— иначе бы ихъ не приняли), которыя и были напечатаны за подписью «Читатель» — одна безъ всякихъ поправокъ, только съ искажающими смыслъ опечатками, другая въ сильно сокращенномъ видѣ и съ нѣсколькими поправками, въ родѣ приведенной выше.

Къ декабрю того же года произошла перемѣна въ составѣ редакціи «Кіевскаго Слова» и мнѣ удалось помѣстить тамъ свою статью «Брандесъ о Гамлетѣ». Такъ какъ на этотъ разъ мнѣ не пришлось скрываться, то статья была напечатана безъ исправленій и безъ опечатокъ.

Весною 1896 года я уѣхалъ за границу. Оттуда я присылалъ статьи по экономическимъ и юридическимъ вопросамъ въ «Жизнь и Искусство», и ихъ печатали.

Первую большую свою работу «Шекспиръ и его критикъ Брандесъ» я послалъ въ петербургскіе журналы, но получилъ отовсюду отказы. Пришлось выпустить ее отдѣльной книгой. Но издателя я найти не могъ: неизвѣстнаго автора не хотѣли издавать. Оставался одинъ выходъ: печатать за свой счетъ. «Шекспиръ и его критикъ Брандесъ» пролежалъ у меня около двухъ лѣтъ, прежде, чѣмъ ему суждено было появиться въ печати. За это время я написалъ вторую свою работу: «Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Ницше». И съ ней мнѣ не повезло. Журналы отказывались ее печатать. Въ рукописи она была у Михайловскаго, Вл. Соловьева, Спасовича, въ «Жизни», въ «Вопросахъ философіи и психологіи». Правда, я лично ни съ кѣмъ изъ названныхъ лицъ и редакціей дѣла не имѣлъ.

За меня хлопотали знакомые. Но, такъ или иначе — во всѣхъ редакціяхъ отвѣтъ былъ одинъ, хотя мотивировки были разныя. Гдѣ отказывались изъ-за направленія, гдѣ изъ-за «нападокъ» на Толстого.

Любопытно было сужденіе Вл. Соловьева. Онъ сказалъ г. С., передавшему ему на прочтеніе рукопись: «Совѣсть мнѣ не позволяетъ содѣйствовать напечатанію въ «В. Е.» такой работы. Передайте отъ меня автору, что я вообще не совѣтую ему печатать эту статью, — онъ навѣрное впослѣдствіи раскается, если напечатаетъ».

Впрочемъ, Вл. Соловьевъ помогъ все-таки г. С. добиться въ типографіи Стасюлевича хотя того, чтобъ книгу напечатали въ кредитъ, и въ началѣ 1900 г. «Добро» вышло въ свѣтъ.

Н. К. Михайловскій, который отказался напечатать въ «Р. Б.» «Добро», написалъ о немъ статью довольно сочувственную.

Вскорѣ появились отзывы и въ другихъ журналахъ, тоже благопріятные — и съ тѣхъ поръ я уже не встрѣчалъ большихъ трудностей, когда приходилось пристраивать свои работы.

Михаилъ Ниловичъ АЛЬБОВЪ.

1. Я родился 8 ноября 1851 г. Отецъ мой былъ діакономъ церкви почтоваго департамента въ Петербургѣ, Нилъ Васильевичъ Альбовъ, получившій эту фамилію, какъ и два брата его, а мои—дядья, въ духовномъ училищѣ. Первоначальная его, какъ и ихъ, фамилія была Озерской. Мать звали Александрой Михайловной (въ дѣвичествѣ Башмакова). Я совершенно ея не помню: она умерла, когда мнѣ было годъ съ небольшимъ. Говорили мнѣ, что она писала стихи и была усердной читательницей.

2) Ни тѣхъ, ни другихъ не было. Отецъ гордился рано пробудившимся во мнѣ влеченіемъ къ писательству, заставляя меня читать свои произведенія передъ гостями, но старался удержать въ возможныхъ границахъ, поговаривая: «Сперва нужно учиться!» А когда моя «литературная дѣятельность» стала отражаться вредно на успѣхахъ ученія, то сталъ относиться нѣсколько и враждебно. Когда появились въ печати мои первые опыты, внѣшне не выражалъ особеннаго сочувствія: «это, молъ, все пустяки!» — но втайнѣ отъ меня хвалился мною передъ нашими знакомыми.

3) Полное отсутствіе всякихъ сверстниковъ. Единственная дружба съ книжкой; читалъ безъ разбора все, что попадалось, по беллетристикѣ. Первыя прочитанныя мною книги: «Краткая свящ. исторія для дѣтей» Анны Зоннтагъ; «Мертвыя души»; «Давидъ Копперфильдъ». До этого, не обученный еще грамотѣ, съ

увлеченіемъ слушалъ исторію Робинзона (въ передѣлкѣ Кампе), которую по вечерамъ читали вслухъ отецъ и тетка (Татьяна Михайловна Башмакова). — Обстановка наша была обстановкой людей средняго достатка, безъ рѣзко выраженныхъ чертъ духовнаго быта.—Среди знакомыхъ были и свѣтскіе люди, даже военные. Впечатлѣнія дѣтства не отличались особенной яркостью. Изрѣдка меня брали въ театръ (первая пьеса: «Свадьба Кречинскаго»).

Сказокъ мнѣ не попадалось, и никто мнѣ ихъ не разсказывалъ. Матеріалъ для мышленія почерпался изъ книгъ, хотя и перерабатывался воображеніемъ въ реальные образы людей, существующихъ въ дѣйствительной жизни. Въ дѣтствѣ очень любилъ великопостную службу и, стоя въ церкви, наблюдалъ молящихся, стараясь найти въ нихъ черты, общія съ тѣми, которыми надѣлены были герои мною прочитанныхъ книгъ.

Развитію писательскаго зуда ничто не мѣшало, развѣ только гимназія, да и то писалъ тамъ во время классныхъ уроковъ. — Съ III класса сошелся я съ К. С. Баранцевичемъ и это пріятельство наше зиждилось исключительно на почвѣ общей для обоихъ насъ страсти къ сочинительству. Повѣряли другъ другу свои авторскіе замыслы и дѣлали попытки совмѣстнаго писательства (фантастическій романъ «Путешествіе на луну»). Я издавалъ журналъ «Заря» (съ ребусами и карикатурами), Баранцевичъ—«Волна» (одинъ текстъ); вопросы гимназической жизни въ нихъ отсутствовали. Издатели полемизировали другъ съ другомъ; сотрудниковъ не было: каждый наполнялъ самъ свое изданіе; и того и другого журнала вышло №№ 3. Это было во Второй гимназіи, приблизительно въ 1863—64 гг. Будучи исключенъ оттуда изъ IV класса, за неуспѣшность въ ученіи, я поступилъ по экзамену въ Пятую гимназію. Тамъ попалъ я въ среду болѣе развитыхъ и интеллигентныхъ товарищей. Въ затѣянномъ сообща въ нашемъ кружкѣ журналѣ (по образцу толстыхъ ежемѣсячниковъ, съ полнымъ устраненіемъ

вопросовъ гимназической жизни) «Впередъ», я помѣстилъ первыя главы своей повѣсти «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», подъ псевдонимомъ «Запечный беллетристъ». С. А. Венгеровъ писалъ политическое обозрѣніе за подписью «Доморощенный политикъ»; М. С. Варшавскій, выступившій впослѣдствіи въ литературѣ сборникомъ стихотвореній «У моря» подъ именемъ Марка Самойлова,—стихи; М. И. Галанинъ (впослѣдствіи извѣстный дѣтскій врачъ, авторъ книги «Письма къ матерямъ») подъ псевдонимомъ Нина Лагъ популяризировалъ бывшаго тогда въ модѣ Огюста Конта. Этого журнала вышло всего лишь двѣ «книжки».

4) Всѣ понятія о людяхъ и жизни почерпались изъ книгъ и дополнялись фантазіей, при чемъ особенно нравились и запечатлѣвалось все, что касалось мрачной стороны бытія. Я съ дѣтства былъ склоненъ къ меланхоліи и страдалъ приступами безотчетной тоски.

Въ первомъ же напечатанномъ разсказѣ («Записки подвальнаго жильца» у Арсеньева въ «Петерб. Листкѣ») герой, съ цѣлью самоубійства, бросается въ воду.

5) Первый разсказъ, не оконченный, «Растрепалкинъ»—подъ сильнымъ вліяніемъ «Мертвыхъ душъ». Затѣмъ «Петербургскіе Мизерабли»—два разсказца подъ общимъ заглавіемъ подъ наитіемъ Достоевскаго. «Записки сыщика» — въ подражаніе французскимъ бульварнымъ романамъ.

6) Случайныхъ совпаденій не было.

7) Первое законченное было напечатано («Записки подвальнаго жильца»). Потомъ была написана большая повѣсть «Сирота». Была отправлена по почтѣ въ «Воскресный Досугъ» (въ 1866 или 67 году), но не напечатана, благодаря слѣдующему обстоятельству: Владиміръ Зотовъ принялъ повѣсть, но далъ отвѣтъ, что она можетъ быть помѣщена только по исправленіи ея редакціей. Я объяснялся съ нимъ самолично, явившись къ нему въ своей гимназической формѣ. Отрекомендовавшись только посланцемъ отъ автора, я

сказалъ, что «все это ему передамъ». Между тѣмъ время шло, а вещь моя не появлялась въ печати. Тогда я послалъ Зотову письмо съ заявленіемъ, что не могу болѣе ждать. Зотовъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ теперь времени заняться исправленіемъ рукописи, и что авторъ, если желаетъ, можетъ взять ее обратно. Никто за ней не пошелъ, и она пропала. Былъ начатъ и не оконченъ романъ «Англійскій матросъ»; дѣйствіе происходило въ разныхъ частяхъ свѣта (была даже испанская инквизиція). — Далѣе начатъ и не оконченъ «историческій» романъ «Маркиза Бренвилье» (знаменитая отравительница при Людовикѣ XV). Рукописи были частью изорваны, частью сожжены; нѣкоторыя терялись. Въ «Англійскомъ матросѣ» нѣсколько страницъ «для пущей жестокости» были написаны растворомъ мѣднаго купороса (я тогда увлекался химическими опытами): хотѣлъ добыть свѣтильный газъ и, не помню, какимъ-то путемъ добылъ купоросной кислоты, купилъ реторты и проч. При этомъ я чуть было не отравилъ кухарку, принявшую темную жидкость, въ которую превратился, въ соединеніи съ желѣзными опилками, растворъ купороса, за недопитый въ чашкѣ кофе.

8) «Записки подвальнаго жильца», кажется, въ 1865 году, въ газетѣ «Петербургскій Листокъ» Ильи Александровича Арсеньева.

9) Не было, за исключеніемъ случая съ «Пшеницыными». Сперва я отдалъ рукопись ихъ въ «Всемірный трудъ» доктора Хана. Она лежала тамъ до тѣхъ поръ, пока журналъ не перешелъ въ руки Окрейца, при чемъ всѣ рукописи, поступившія при прежней редакціи, были возвращены авторамъ. Тогда я понесъ ее въ «Отечественныя Записки». Салтыковъ, прочитавъ, сказалъ: «Предметъ интересенъ, но длинноты нестерпимыя. Вы еще разъ перечтите, и все, что вамъ не понравится,—къ чорту, къ чорту, къ чорту!» Не послѣдовавъ совѣту Салтыкова, я понесъ рукопись въ «Дѣло» (при издательствѣ Благосвѣтлова и редакторствѣ Шеллера-Михайлова). Тамъ она про-

лежала нѣсколько мѣсяцевъ и была напечатана въ 1873 г., въ №№ октябрь—декабрь, съ нѣкоторыми сокращеніями.

10) Только «Пшеницыны» (см. § 9).

11) См. § 8.

12) Никому не читалъ и ничьимъ совѣтомъ не пользовался.

13) Самъ никакихъ не дѣлалъ.

14) Добавленій не было. Была выкинута Шеллеромъ цѣликомъ одна глава изъ «Пшеницыныхъ» (бесѣда дворниковъ у воротъ). Затѣмъ Шеллеромъ прибавленъ подзаголовокъ: «Изъ исторіи забитыхъ людей».

15) Незначительныя, на которыя я не обращалъ вниманія.

16) Въ дальнѣйшее время писательства цензурою кое-что выбрасывалось, но это не касается періода первыхъ литературныхъ шаговъ.

17) За «Записки подвальнаго жильца» я просилъ дать мнѣ только половину установленнаго правилами редакціи гонорара. Получилъ семь рублей, за которыми ходила бабушка. За «Сбѣжала собачка» (у Старчевскаго въ «Сынѣ Отечества») ничего не получилъ, даже авторскихъ экземпляровъ. За «Записки сыщика» (у Зотова въ «Воскресномъ Досугѣ») получилъ 22 р. съ коп. За «Петербургскіе Мизерабли», когда редакторъ (Арсеньевъ) увидѣлъ юнаго автора, (ранѣе всѣ переговоры съ редакторами велись черезъ бабушку, пока Арсеньевъ не заявилъ ей, что онъ желаетъ познакомиться съ «самимъ писателемъ»), предпочелъ ничего не заплатить, ограничившись выраженіемъ самыхъ очаровательныхъ комплиментовъ. За повѣсть «На новую дорогу» (15 фельетоновъ) Арсеньевъ также не далъ ни копейки. За «Пшеницыныхъ», въ «Дѣлѣ» 500 руб. (по 50 руб. съ листа).

18) См. § 17.

19) См. § 17.

20) Объ отцѣ (см. § 1). Тетушка и бабушка были въ восторгѣ. Знакомые говорили: «Нужно сперва учиться и узнать жизнь».

21) «Записки подвальнаго жильца», благодаря опечаткѣ, съ подписью Алобовъ, «На новую дорогу»: М. А.....ъ. «Въ тылу арміи» (у кн. Мещерскаго въ «Сборникѣ военныхъ разсказовъ»): М. Озерской. Всѣ остальныя вещи подъ своей фамиліей. Безъ подписи не было.

22) О «Пшеницыныхъ» М. В. Авдѣевъ въ «Бирж. Вѣд.» (Трубникова) въ концѣ 1873 г., порицая самый жанръ этого романа, выразился, между прочимъ, дословно такъ: «Я не выношу запаха ладана, погашенныхъ восковыхъ свѣчъ и кухоннаго чада. Мнѣ дѣлается дурно отъ нихъ, а между тѣмъ отъ всѣхъ этихъ Пшеницыныхъ и Преполовенскихъ такъ и разитъ ими». Авдѣевъ былъ вообще противъ начавшагося унынія въ тогдашней русской литературѣ, интереса къ сѣрой обыденщинѣ и мелкимъ людямъ, фигурирующимъ въ «Пшеницыныхъ».

23) Вышеприведенная рецензія страшно обезкуражила автора.

24) Такихъ не было.

25) Не бѣдствовалъ.

Любовь Яковлевна ГУРЕВИЧЪ.

Многоуважаемый Ѳедоръ Ѳедоровичъ,

Съ мѣсяцъ тому назадъ получила я Ваше циркулярное приглашеніе принять участіе въ сборникѣ подъ названіемъ «Первые шаги», и мысль Ваша чрезвычайно понравилась мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, такой сборникъ можетъ имѣть въ цѣломъ «культурно-историческое» значеніе. И болѣе того. По себѣ я знаю, что иногда свѣдѣнія о жизни разныхъ писателей — объ ихъ невзгодахъ, преодолѣніи разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ трудностей, лежавшихъ на ихъ пути, — имѣютъ прямо «поучительное» значеніе

въ самомъ примитивномъ, старомодномъ смыслѣ слова. И вотъ, въ первую же минуту по полученіи Вашего циркулярнаго письма, я написала Вамъ, что непремѣнно пришлю и свои отвѣты на Ваши вопросы.

Потомъ взяло сомнѣніе. Жизнь моя, конечно, была съ самаго начала предназначена литературѣ — это я ощущаю, и давно уже связана такъ или иначе съ центрами текущей русской литературы, но Ваше письмо было адресовано къ *писателямъ*, а я до сихъ поръ, по чести и совѣсти, еще не сдѣлала изъ себя писателя. Смѣшно, быть-можетъ, это «еще не сдѣлала»: мнѣ сорокъ три года. Но въ самочувствіи моемъ это именно такъ, и тому, что это именно такъ, т.-е. что вотъ теперь, съ недавняго времени я взялась за систематическую литературную работу заново, съ твердой вѣрою, что еще не поздно, я въ значительной степени обязана разнымъ «человѣческимъ документамъ», въ родѣ тѣхъ, которые Вы хотите издать въ своемъ сборникѣ: они приходили мнѣ на помощь въ минуты упадка, когда казалось, что уже «поздно». Однако то, что я готова признать себя писателемъ «въ кредитъ», еще не давало бы мнѣ права публично говорить о себѣ.

Человѣкъ вообще страсть какъ любитъ поговорить о самомъ себѣ, но чтобы позволить себѣ это, нужно каждый разъ особое серьезное оправданіе. И вотъ такимъ оправданьемъ для меня являются нѣкоторыя спеціальныя и, думается, очень характерныя особенности моей литературной судьбы, нѣкоторыя обстоятельства, которыя не помогали, а *мѣшали* мнѣ сдѣлаться писателемъ.

Итакъ, я отвѣчаю на Ваши вопросы не въ качествѣ писателя, а именно въ качествѣ «не-писателя».

Писать буду въ порядкѣ Вашихъ вопросовъ.

Относительно наслѣдственности моихъ писательскихъ, беллетристическихъ склонностей, могу только сказать, что тетка моя, со стороны матери, урожденная Ильина, рано умершая, писала беллетристику.

Одну ея вещь, напечатанную въ «Современникѣ», я когда-то читала. Говорятъ, что я на нее нѣсколько похожа лицомъ и до чрезвычайности—формою рукъ (деталь, которая будетъ имѣть «оправданіе» въ печати лишь въ томъ случаѣ, если я все же умудрюсь что-нибудь изъ себя сдѣлать!)

Моя мать—человѣкъ съ серьезнымъ литературнымъ вкусомъ и живыми литературными интересами. Съ ранняго дѣтства, прежде еще, чѣмъ я обучилась грамотѣ, она много читала намъ изъ русскихъ классиковъ—сначала изъ Аксакова, потомъ изъ Тургенева, Толстого, Гончарова. Эти воспоминанія—самое яркое, что сохранилось мнѣ изъ ранняго дѣтства. Но скоро на почвѣ этихъ первыхъ литературныхъ очарованій началась и драма моего дѣтства, по-своему очень поучительная — съ педагогической точки зрѣнія.

Банальныя «дѣтскія книги» мама справедливо презирала, давъ намъ только лучшее.

Когда я, въ 7 лѣтъ, научилась читать,—книгъ для моего возраста, за устраненіемъ банальной дѣтской литературы того времени, оказалось очень недостаточно. Изъ классиковъ тоже можно было вѣдь немного набрать для 8—9-лѣтней дѣвочки. Да и самой мнѣ стыдно было открыто претендовать на чтеніе книгъ, про которыя мнѣ говорили, что я ихъ не пойму. Читала я журналъ «Дѣтское чтеніе»—въ немъ было много хорошаго, и многое, какъ, напримѣръ, переложеніе «Короля Лира» и другихъ шекспировскихъ вещей, сдѣланныя В. Острогорскимъ, производило глубокое впечатлѣніе, и еще болѣе влекло къ настоящей литературѣ. Мнѣ было, должно-быть, лѣтъ 8, когда, при переѣздѣ на новую квартиру, я какъ-то случайно подобралась къ корзинѣ съ книгами въ кабинетѣ отца, раскрыла томъ Пушкина, попала на «Русалку» и, пользуясь отсутствіемъ взрослыхъ, тутъ же, сидя на полу, съ воровскимъ трепетомъ и лихорадочнымъ жаромъ прочла до конца. Не знаю, право, что я тамъ поняла, но я была потрясена, и съ тѣхъ поръ черезъ всю жизнь свѣтитъ для меня этотъ пер-

вый восторгъ отъ Пушкинской драмы. Я все повторяла про себя строки, которыя ужъ навсегда остались въ памяти:

...Съ той поры
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой
И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей...

Это была первая сладкая и ужасная отрава,— ужасная потому, что признаться въ своемъ прегрѣшенiи мамѣ, которой я вообще никогда не лгала, оказалось для меня невозможнымъ. Чѣмъ болѣе я сознавала, что мама намъ вполнѣ довѣряетъ и не подозрѣваетъ насъ ни въ какихъ тайныхъ поступкахъ, тѣмъ болѣе было тяжко сознанiе своего грѣха. А грѣхъ сталъ хроническимъ. Я стала воровать книги, а такъ какъ квартира была небольшая и жизнь наша, въ общемъ, проходила на виду у взрослыхъ, оставалось читать по ночамъ. Но въ дѣтской, гдѣ спали также братья, свѣтила лампадка и громко храпѣла старая няня, зажигать свѣчку было невозможно. Поэтому я всячески старалась не заснуть съ вечера до тѣхъ поръ, пока папа, поздно работавшiй въ своемъ кабинетѣ, не уйдетъ оттуда, пробиралась туда потихоньку босикомъ черезъ гостиную, зажигала его свѣчи — и читала все, что только находила для себя мало-мальски доступнаго, иногда изъ его книгъ, въ числѣ которыхъ были и старые журналы, иногда изъ классиковъ, украденныхъ еще днемъ у мамы и до ночи припрятанныхъ. Воровала и новые журналы, главнымъ образомъ, «Русскiй Вѣстникъ», гдѣ печатался Достоевскiй и «Анна Каренина». Съ «Анной Карениной» связано у меня особенно тяжелое воспоминанiе. Мнѣ было десять лѣтъ, мы жили на дачѣ, и въ Успенскомъ посту рѣшено было, что намъ, дѣтямъ, нужно говѣть. И вотъ днемъ, передъ первой въ жизни исповѣдью, я пошла въ мезонинъ, въ мамину спальню, повторять молитвы, а на столикѣ тамъ лежала новая книжка съ «Анной Карениной». И я стала читать ее,— какъ разъ то мѣсто, гдѣ Анна отдалась Вронскому. Ничего я въ этомъ, конечно, толкомъ не поняла, чувствовала только, что тутъ творится что-то грѣховное и страстное — и это сливалось съ ощущенiемъ собственнаго ужаснаго грѣха—чтенiя передъ исповѣдью, вмѣсто молитвъ, запретной книги. Стыдъ меня жегъ, страхъ мучилъ—я была религiозна. И такъ великъ былъ этотъ стыдъ, что, когда священникъ спросилъ меня, послѣ разныхъ общепринятыхъ вопросовъ, не знаю ли за собою еще какихъ особенныхъ грѣховъ, я въ трепетѣ и отчаянiи, сказала «нѣтъ»: самый страшный грѣхъ свой утаила отъ него, и, получая отпущенiе, чувствовала, что нравственно погибаю...

Такъ соблазнили меня наши классики,— и воспоминанiя о дѣтствѣ неразрывно связаны съ часами сладостнаго воровского чтенiя и тяжелыхъ, никогда не дававшихъ покоя, угрызенiй совѣсти.

Быть-можетъ, всѣ эти переживанья повлiяли на меня въ томъ смыслѣ, что всякая мечта о собственномъ писательствѣ принимала для меня особенно интимный, остро личный, почти романтическiй характеръ, представлялась чѣмъ-то такимъ, о чемъ никому нельзя сказать. Сочинительствовать я начала рано. Лѣтъ въ 13 написала я «для себя» повѣсть «Сестра», которую я вскорѣ сожгла, но я еще помню ее и думаю, что на ней сказалось влiянiе Тургенева, насколько можетъ сказаться влiянiе писателя на дѣтской душѣ. Сюжетъ былъ, впрочемъ, собственнаго изобрѣтенiя: старшая сестра видитъ, что любимый человѣкъ, который одно время увлекался ею, влюбился въ ея младшую сестру, и, страдая, во имя любви къ сестрѣ и своей гордости, дѣлаетъ видъ, что она и не любила, что все это была ошибка. Произведенiе сiе было написано довольно просто, безъ всякаго романтизма, съ стремленiемъ къ психологической изобразительности.

Между тѣмъ въ это время я увлекалась до крайности литературой совсѣмъ другого рода: Куперомъ, Вальтеръ-Скоттомъ, и, обучаясь въ IV классѣ гимназіи, читала этого рода романы чуть не по тому въ ночь. Дѣло кончилось менингитомъ, отъ котораго я чуть не сгибла.

Потомъ я заинтересовалась культурою Востока, къ которому влекла меня и страстно любимая съ ранняго дѣтства «священная исторія Ветхаго завѣта»; и сочинила сказку о хилой, горбатой египетской дѣвочкѣ съ большими глазами, которую нянька-еврейка научила молиться единому Богу, и она такъ страстно молилась ему, что унеслась на небо и стала звѣздою.

Это какъ бы отвѣтъ на Вашъ вопросъ: «Фантазія или наблюдательность», хотя не слишкомъ ли громкія это слова для даннаго случая?

Лѣтъ съ 15 я въ гимназіи стала колобродить,— училась неровно, шалила, дерзила, бунтовала, мурлыкала себѣ подъ носъ романсы и т. п.

Въ это время, про себя особенно увлекалась Шекспиромъ. Лѣтомъ, въ деревнѣ, забиралась на чердакъ и рычала тамъ, съ высшимъ, доступнымъ мнѣ трагизмомъ, монологи лэди Макбетъ и короля Лира; въ то же время дѣлала попытки писать «стихотворенія въ прозѣ», а во время поѣздки на лошадяхъ въ сосѣдній губернскій городъ наведена была нѣкоторыми наблюденіями и попытками проникнуть въ душу разныхъ встрѣчныхъ обывателей на фабулу романа, который назывался тогда «Неудачники», и болѣе десяти лѣтъ спустя вышелъ, наконецъ, изъ моей головы подъ очень плохимъ названіемъ: «Плоскогорье». Всѣ эти сообщенія относительно моихъ увлеченій сначала Вальтеръ-Скоттомъ, а потомъ Шекспиромъ — и какъ бы въ связи съ этимъ о моихъ собственныхъ писаніяхъ, имѣютъ здѣсь одинъ только смыслъ, а именно, что и у пишущихъ ребятъ сочинительство идетъ иногда по путямъ, отличнымъ отъ ихъ непосредственныхъ литературныхъ увлеченій, какъ бы даже безъ связи съ тѣмъ, что особенно волнуетъ и захватываетъ умъ

и воображеніе, пробиваясь изъ какихъ-то иныхъ, менѣе сознательныхъ слоевъ душевной жизни, гдѣ уже отложились и перебродили прежнія вліянія.

Обо всѣхъ своихъ писательскихъ попыткахъ я въ семьѣ никому не говорила, да и подругамъ, если говорила, то только мелькомъ, быть-можетъ, даже съ нѣсколько небрежнымъ видомъ, прикрывающимъ острую интимную мечту о настоящемъ писательствѣ.

Въ тѣ времена зеленой молодости я, впрочемъ, имѣла слабость, которая кажется мнѣ теперь такою смѣшною и противною у другихъ: «очень много о себѣ понимала», какъ выражается въ своихъ письмахъ Чеховъ по поводу зазнавшихся молодыхъ писателей. Дневники, которые я въ то время неустанно строчила, какъ это часто дѣлаютъ молодыя дѣвушки, являются — въ цѣломъ рядѣ страницъ — безспорнымъ и теперь весьма для меня конфузнымъ доказательствомъ этого. Хотя въ то время—лѣтъ съ семнадцати— обстоятельства внутренней жизни были тяжелыя, мучительныя, мечты о будущихъ подвигахъ расцвѣтали такимъ пышнымъ цвѣтомъ, что просто бѣда! Хотѣлось сдѣлаться и тѣмъ и сѣмъ, и когда товарки, по поводу нѣкоторыхъ моихъ классныхъ сочиненій и пылкихъ тирадъ въ спорахъ о Бѣлинскомъ, говорили: «Ты будешь критикомъ», я, можетъ-быть, и смущалась немного, но въ душѣ отвѣчала: «Да и то ли еще будетъ!» А когда, перейдя на высшіе курсы, стала немного заниматься исторіей, философіей и психологіей, и профессора начали поощрять меня въ этомъ направленіи, я возгорѣлась мечтою поѣхать по окончаніи курсовъ за границу, пройти съ невѣроятной основательностью массу наукъ, сдѣлаться профессоромъ, знаменитѣйшимъ профессоромъ въ мірѣ, отъ котораго такъ и брызжутъ во всѣ стороны ослѣпительныя идеи, пронизывающія суть вещей... И все это должно было найти завершеніе вполнѣ естественно и неизбѣжно, какъ мнѣ казалось, въ художественной, беллетристической работѣ.

О ней мечтала я съ замираніемъ сердца, съ увѣренностью и съ сомнѣніемъ въ своихъ силахъ, и съ ощущеніемъ, что, если это мнѣ не удастся, тогда просто не стоитъ жить. Но, сочиняя понемногу въ головѣ своей романъ, клочья котораго выступали въ воображеніи какъ-то самопроизвольно, безъ связи съ господствующими у меня мыслями на разныя темы, я даже почти не записывала его — ждала, когда все окончательно сложится само собой. Ибо я воображала тогда, что именно такъ, безъ участія человѣческаго сознанія и воли, должны создаваться художественныя вещи. Совершенно невѣрная и чрезвычайно вредная мысль!

Вскорѣ послѣ поступленія на курсы, я прочла въ газетахъ отрывокъ изъ «Дневника Башкирцевой». Самая книга тогда еще не выходила и по-французски,— отрывокъ былъ взятъ изъ приложеній къ Каталогу художественныхъ работъ Башкирцевой, вышедшему вскорѣ послѣ ея смерти.

Я загорѣлась страстной любовью къ умершей художницѣ, почувствовавъ себя поразительно близкой ей по духу. Я написала ея матери въ Парижъ, узнала, что вскорѣ часть «Дневника» выйдетъ въ печати, и вознамѣрилась прославить Башкирцеву въ Россіи. При переходѣ со второго курса на третій, я серьезно заболѣла и поѣхала для поправки за границу. Тамъ я увидѣлась съ семьей Башкирцевой и имѣла возможность осмотрѣть всѣ ея картины, рисунки, книги, которыя она читала, тетради съ ея дневникомъ, который, кстати сказать, появился въ печати не цѣликомъ, а лишь въ выборкахъ.

По возвращеніи въ Россію, я написала статью о Башкирцевой—первую свою работу, приготовленную для печати, и отнесла ее въ «Вѣстникъ Европы».

Помню, когда я, въ положенный срокъ, явилась за отвѣтомъ, со мной разговаривалъ М. М. Стасюлевичъ. Весьма корректно и съ галантной снисходительностью къ моей черезчуръ очевидной юности, онъ сталъ доказывать мнѣ, что ужъ очень пышно написана моя

статья, совсѣмъ какъ «академическая éloge»... Я взяла свою статью и удалилась, пылая въ душѣ негодованьемъ на людей, которые хотятъ во всемъ умѣренности и не способны оцѣнить Башкирцеву. Однако, поуспокоившись и перечитавъ статью, почувствовала, что и вправду она уже какъ-то не въ мѣру патетична и отъ избытка чувствъ нѣсколько растрепана. Я взялась за ея переработку, и когда она была готова, отнесла ее, по совѣту моего отца и, главное, въ виду того, что въ «Вѣстникъ Европы» уже стыдновато было показываться еще разъ, въ «Русское Богатство», которое издавалъ тогда Л. Е. Оболенскій. На этотъ разъ все обошлось благополучно. Статью напечатали и даже гонораръ заплатили: по 30 р. съ листа, чѣмъ я была донельзя горда и довольна.

Къ этому же времени, мнѣ было тогда около 20 лѣтъ, относятся мои первыя литературныя знакомства. Въ домѣ покойной А. А. Давыдовой, тогда еще жены директора консерваторіи, образовался литературно-научный кружокъ, гдѣ я выступила съ рефератомъ о «Гамлетѣ», который уже нѣсколько лѣтъ занималъ меня. Тутъ я познакомилась съ Минскимъ (который какъ разъ въ это время написалъ нѣсколько стихотвореній, начинавшихъ собою новую полосу его поэтической дѣятельности и даже болѣе—новую полосу въ русской литературѣ), съ Волынскимъ, который писалъ тогда въ «Восходѣ», съ Мережковскимъ и др. Литературныя мои стремленія разгорѣлись ярче прежняго.

Еще до окончанія курсовъ, занимаясь тѣмъ, что полагается курсисткѣ, и прихвативъ еще занятія анатоміей у Лесгафта, чтобы «познать человѣка», я вдругъ какъ-то расхрабрилась въ той области, которая составляла мою тайну отъ всѣхъ, и написала небольшой разсказъ «Шурочка». Казалось мнѣ, что онъ— ничего себѣ. Но нести его въ редакцію я еще не рѣшалась, а предпочла дать для прочтенія одному изъ моихъ литературныхъ друзей, съ тѣмъ, чтобы по его указаніямъ сдѣлать кое-какія поправки. Я думала,

что онъ похвалитъ меня и замѣтитъ талантъ. Но когда онъ прочелъ, и на мой вопросъ: «Что же?» сказалъ нѣсколько нерѣшительно, какъ бы боясь обидѣть меня: «Да я не въ восторгѣ», и сталъ говорить разныя вещи, изъ которыхъ я заключила, что мой разсказъ какъ будто даже не достоинъ печати, — тогда мнѣ показалось, что все кончено, всѣ надежды рухнули...

Я все-таки продолжала сочинять про себя разныя вещи; постепенно романъ, задуманный еще въ гимназіи, разрастался. Но я уже отталкивала отъ себя самую мысль о томъ, чтобы теперь же писать что-либо. Казалась я себѣ для этого слишкомъ глупой дѣвчонкой, ничего не видавшей и не понимающей въ жизни. Казалось мнѣ тѣсно и глухо въ моей дѣвической жизни и проклинала я себя за то, что я женщина, не могу повсюду ходить, сталкиваться съ самыми разнообразными людьми, впитывать въ себя всѣмъ существомъ все, что есть самаго существеннаго и важнаго въ жизни. Училась я много и по-своему жила сильно и мучительно, но все это было «не то». По окончаніи курсовъ хотѣлось сейчасъ же взяться за что-то большое, дѣлать что-нибудь трудное и значительное, пробивающее пути иной жизни: не нравилось мнѣ все кругомъ. Бывала я попрежнему у Давыдовой, гдѣ встрѣчала, кромѣ знакомыхъ мнѣ молодыхъ литераторовъ, Михайловскаго, Южакова, людей стараго поколѣнія. Все въ нихъ было чуждо мнѣ. Они мечтали о журналѣ («Русское Богатство» нынѣшней формаціи еще не существовало). И мы съ Волынскимъ мечтали о своемъ журналѣ. Волынскій въ то время писалъ статьи по философіи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» Евреиновой. Эти статьи, совсѣмъ новыя по духу въ тогдашней журналистикѣ, волновали меня, отвѣчали всѣмъ моимъ умственнымъ склонностямъ (еще на курсахъ проф. Каринскій зажегъ во мнѣ интересъ къ вопросамъ метафизики), и когда «Сѣверный Вѣстникъ» Евреиновой оказался безъ средствъ и я узнала отъ Волынскаго, что есть

компанія молодежи, которая хочетъ купить этотъ журналъ, я напрягла всю волю, непривыкшую къ какимъ-либо практическимъ поступкамъ, испросила у моего отца нѣсколько тысячъ и сдѣлалась пайщицей «Сѣвернаго Вѣстника», перешедшаго офиціально въ руки Б. Б. Глинскаго.

Началась новая «боевая» жизнь. И вмѣстѣ съ тѣмъ казалось, что теперь-то я ближе подойду и къ своей личной цѣли: стоя у журнала, буду озирать жизнь, какъ съ высокой башни, наберусь впечатлѣній—и сдѣлаюсь писательницей. Но боевая жизнь, тяжелая, сложная, не давала оглянуться.

Годъ спустя, когда журналъ уже страшно запутался въ долгахъ, я поѣхала въ Москву, достала денегъ у родственниковъ и почти неожиданно для себя оказалась офиціальною издательницей журнала, выборною отъ пайщиковъ, вмѣсто Глинскаго.

Я ушла изъ своего дома и поселилась въ редакціи, гдѣ было столько всякой работы; а черезъ полгода настолько рѣзко обозначилось разногласіе между тенденціями пайщиковъ и тенденціями, уже опредѣлявшими, въ статьяхъ Волынскаго, физіономію журнала, что дѣло кончилось третейскимъ судомъ. Мнѣ приписывались разные проступки противъ коллегіи пайщиковъ, и въ третейской записи говорилось, что, смотря по приговору суда, владѣть журналомъ останутся либо они, либо я.

И я осталась владѣть журналомъ, бюджетъ котораго далеко не покрывался подпиской. Подписка росла медленно, а долги съ нарастающими на нихъ процентами—быстро. И годы шли, полные сумасшедшаго напряженія и каторжнаго труда, незабвенныхъ встрѣчъ и знакомствъ, мучительнаго добыванія денегъ подъ безчисленные векселя, шумной полемики, раздраженныхъ нападокъ со всѣхъ сторонъ, бурныхъ столкновеній не только въ печати, но и въ самой жизни, упорнаго убѣжденія, что *такъ нужно*.

Ибо, какъ тогда, когда печатались въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» боевыя статьи Волынскаго рядомъ

съ произведеніями новыхъ поэтовъ и беллетристовъ, со всѣмъ, что въ нихъ было дерзкаго, смѣлаго, раздвигающаго горизонты, хотя и страшно несовершеннаго, такъ и теперь, когда обозначились всѣ результаты этого періода литературы и многое стало уже отцвѣтать и вырождаться,—я думаю, что все это было нужно и неизбѣжно.

За эти годы, съ 1890 по 1899, въ началѣ котораго вышли послѣднія, уже совсѣмъ тоненькія книжки «Сѣвернаго Вѣстника», серьезно работать для себя было мнѣ буквально невозможно. Писала я временами довольно много, но не то, о чемъ я думала въ центрѣ своего существа,—и это требовало для своей обработки большей сосредоточенности. Впрочемъ, коечто изъ моей беллетристики все-таки было напечатано въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» въ первые же годы его существованія, и прежде всего тотъ самый злополучный разсказъ «Шурочка», изъ-за котораго я столько перестрадала. Объ немъ какъ-то вдругъ вспомнили въ редакціи, перечли его и сказали, что нужно напечатать. Я подписала его *Л. Горевъ*, и огорченій онъ мнѣ больше не причинялъ. Потомъ я быстро написала еще разсказъ «Порученіе», который напечатала уже подъ своей фамиліей, и еще одинъ крошечный набросокъ, подписанный буквами *Н. Н.*, который нѣсколькихъ литераторовъ живо заинтриговалъ и этимъ сильно приподнялъ мое беллетристическое самочувствіе. Потомъ я написала и напечатала «Прологъ» къ тому роману, который пассивно складывался у меня въ головѣ, начиная съ гимназическаго возраста. «Прологъ» этотъ тоже подбодрилъ меня. Его даже перевели въ Германіи. Наконецъ, въ 1896 году, когда дѣла журнала были уже невыносимо запутаны и нечѣмъ было даже оплатить большой романъ, который нуженъ былъ журналу,—въ одинъ прекрасный день я рѣшилась на отчаянное средство,—словно по морю пустилась вплавь: взяла стенографистку и начала ей диктовать этотъ романъ, каждый день въ опредѣленные часы, что бы ни творилось кругомъ въ шумной

редакціи и въ моей собственной головѣ и вспоминалось ли ранѣе сложившееся въ воображеніи или нужно было, безъ предварительнаго обдумыванія, сочинять переходы отъ одного стоявшаго въ воображеніи «пятна» къ другому. И все это я даже не имѣла времени переписать, передѣлать, продумать въ связи съ дальнѣйшимъ, а только подчищала по рукописи стенографистки и, не дойдя и до половины, стала уже сдавать въ печать и готовить по частямъ къ каждой дальнѣйшей книжкѣ...

Мнѣ непріятно вспоминать объ этомъ. Развѣ я не знала и тогда уже, что такъ не пишутся художественныя вещи? Но такъ было. Романъ печатался въ журналѣ подъ названіемъ «Плоскогорье» и одновременно отпечатывались листы для отдѣльнаго изданія — на отвратительной бумагѣ, въ безобразномъ журнальномъ форматѣ. Только такое изданіе и было тогда доступно. Впослѣдствіи я изъяла изъ продажи оставшіеся нераспроданными 200—250 экземпляровъ этого изданія. Если я переиздамъ этотъ романъ, то, конечно, только съ тѣмъ, чтобы произвести надъ нимъ ту работу, которой я не имѣла возможности сдѣлать во-время.

Были ли отзывы объ этомъ первомъ и единственномъ крупномъ моемъ произведеніи?

Помню большой хорошій отзывъ въ журналѣ «Новое Слово», обласкавшій меня нѣкоторыми строками, которыя въ то же время почему-то внушали довѣріе къ ихъ объективности; онъ былъ неподписанъ, и я не знаю, кто его написалъ. Зато въ «Мірѣ Божьемъ» А. Богдановичъ сказалъ, что этотъ романъ написанъ безграмотной гимназисткой. Нелестно! Были еще отзывы—въ общемъ скорѣе благосклонные, и нѣкоторые литераторы прислали мнѣ свои отзывы въ письмахъ, въ томъ числѣ Бальмонтъ, Сологубъ и Эртель (послѣдній дѣлалъ мнѣ, между прочимъ, прекрасныя указанія относительно недостатковъ романа). Эти письма произвели на меня большое радостное впечатлѣніе и при иныхъ условіяхъ, несомнѣнно, по-

могли бы мнѣ тверже, уравновѣшеннѣе взяться за дальнѣйшую работу. Но въ то же время шла уже послѣдняя отчаянная борьба за существованіе журнала, борьба не только съ безденежьемъ и съ дико разгулявшеюся цензурою, съ лично обозленнымъ на меня начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, Соловьевымъ, который и доконалъ «Сѣверный Вѣстникъ». Начиналась самая тяжелая полоса моей жизни.

«Сколько хорошихъ вещицъ сгниваетъ у меня въ головѣ», говоритъ Санчо-Панса, и это сказано глубоко и вѣрно: то, что творится въ насъ, не завершается само собою, а, напротивъ, постепенно распадается, если у насъ не хватаетъ силъ вытащить это изъ своей головы, оформить, отразить, запечатлѣть тѣмъ или другимъ способомъ. И вотъ эта-то «обрабатывающая» дѣятельность сама по себѣ есть нѣчто отличное отъ непосредственнаго творчества и отнюдь не является постояннымъ придаткомъ такъ называемаго творческаго дарованія, а слагается изъ нѣсколькихъ добавочныхъ психологическихъ моментовъ—сознательныхъ, эмоціональныхъ и волевыхъ. Тутъ играетъ огромную роль и нервное и даже чисто физическое здоровье, общій тонусъ жизни, и просто внѣшнія обстоятельства, насколько мы не можемъ побороть ихъ изнутри и поддаемся терзающимъ и треплющимъ мозгъ заботамъ и тревогамъ, и общій характеръ нашего психическаго настроенія—радость и довѣріе къ жизни, людямъ и себѣ самому или, наоборотъ, тотъ душевный упадокъ, при которомъ словно ощущаешь на губахъ горькій и противный вкусъ жизни и невольно говоришь себѣ: «Къ чему? Не все ли равно? Сочиняется внутри,—ну и прекрасно, а дѣлать усилія, ограждаться отъ людей, которые зовутъ на помощь то по одному, то по другому поводу, умудряться отрывать время для сосредоточенной, тонкой работы отъ изнурительнаго, неотложнаго труда иного порядка,— нѣтъ!..» Такъ чувствуешь и разсуждаешь во времена упадка. Но внутренняя непроизвольная работа не прекращается. Плывутъ передъ глазами люди и событія, которыхъ никогда не видѣлъ въ дѣйствительности, мимолетныя впечатлѣнія жизни, отрываясь отъ реальности, вдругъ переносятся туда, въ этотъ воображаемый міръ, вносятъ въ него новыя краски, бросаютъ въ него свой свѣтъ, иногда разрастаются, обобщаются тамъ; кажется,—уже готовъ разсказъ, драма, романъ. Но все это такъ зыбко и хрупко, — началъ писать, попалось плохое перо, кто-то позвонилъ, принесли письмо или просятъ переговорить по дѣлу,—и словно миражъ разсѣялся передъ глазами. Въ первую же минуту тишины онъ вернется, еще и еще, будетъ возвращаться неотступно, и потребность вынуть его изъ себя, запечатлѣть на бумагѣ сдѣлается мучительною, невозможность отдаться этой работѣ станетъ невыносимою, отчаяніе овладѣетъ душой: если этого нельзя, если все это обречено на смерть, — нельзя жить, не стоитъ жить. И собравшись съ силами, затворившись отъ людей, садишься за работу, пишешь черновикъ. Его тѣмъ труднѣе писать, чѣмъ безсознательнѣе и чѣмъ дольше была предварительная внутренняя работа: стоятъ передъ глазами совсѣмъ законченныя по жизненности, но не связанныя между собой пятна, а писать надо связно, подчиняя всякую частность опредѣленной художественной цѣли,—и для этого нужно отбросить многое, съ чѣмъ сжился воображеніемъ и заново построить то, чего воображеніе, предоставленное самому себѣ, вовсе не подсказывало. Черновикъ въ большинствѣ случаевъ никуда не годится. Но и онъ беретъ столько времени. Проработалъ полмѣсяца надъ черновикомъ—и уже «не на что жить», и уже нарушенъ цѣлый рядъ обязательствъ по отношенію къ людямъ. Не просто «нужда», лишенія, а та некрасивость, нечистота въ отношеніяхъ съ людьми, которая сопровождаетъ всякую настоящую нужду. И вотъ уже становится гадко, брезгливо, забота впивается въ мозгъ, сѣрая пелена на время закрываетъ отъ сознанія все, что творится въ душѣ помимо него; опять хватаешься за иную работу, «нужную», въ

томъ смыслѣ, что она кѣмъ-нибудь заказана, и ее ждутъ, и *она будетъ сейчасъ же оплочена* и развяжетъ удушающіе житейскіе узлы. Разсказъ валяется недоконченнымъ и часто такъ и погибаетъ, потому что его заслонили другіе, вновь выросшіе въ головѣ; или же, если онъ, по крайней мѣрѣ, записанъ до конца хоть въ черновикѣ, вдругъ «пускаешь его въ оборотъ»: отдаешь въ печать, лишь чуть-чуть подчистивъ на поверхности, не углубивъ его, не доведя до надлежащей выпуклости и художественнаго единства. Я знаю—такъ дѣлаютъ теперь многіе, даже большинство людей не только средняго, но и крупнаго дарованія; современная литература и завалена хламомъ, въ которомъ даже не разберешь, талантливо это или бездарно, ибо это какая-то смѣсь сильнаго, оригинальнаго съ банальнымъ, яркаго съ блѣднымъ или безформеннымъ,—словомъ, мазня, сумбуръ. Лучше совсѣмъ не писать, чѣмъ печатать въ черновикахъ.

Банкротство «Сѣвернаго Вѣстника», оставившее на мнѣ болѣе полутораста тысячъ долговъ, было, конечно, ужасающимъ разгромомъ всей моей жизни и всего моего существа. Распространяться объ этомъ было бы здѣсь неумѣстно; но понятно, что потребовалось нѣсколько лѣтъ, чтобы заново образовалась самая ткань жизни, наладился уже иной, подневольный трудъ, ради заработка, особенно тягостный отъ непривычки къ этой подневольности и особенно утомительный, потому что въ большинствѣ случаевъ онъ не былъ связанъ съ тѣмъ, чѣмъ жила мысль и воображеніе.

Я такъ уставала, что много разъ мнѣ казалось, будто никогда не найду уже въ себѣ силы писать того, что всегда и при всѣхъ условіяхъ продолжало слагаться въ головѣ. Это приводило въ отчаяніе и вслѣдъ за тѣмъ вызывало въ душѣ такой протестъ, что я начинала писать... и печатать вопреки всему.

Въ 1904 году я собрала и продала для отдѣльнаго изданія Пирожкову всѣ имѣвшіеся у меня тогда напечатанные въ журналахъ и газетахъ небольшіе

разсказы, но и при этомъ не успѣла какъ слѣдуетъ обработать ихъ. Они вышли подъ заглавіемъ: «Сѣдокъ и другіе разсказы».

Въ это время уже начиналась новая полоса русской жизни, захватывающая, смывающая съ души всѣ слѣды личныхъ невзгодъ, уносящая въ свой водоворотъ... Тотъ, кто по-настоящему пережилъ это время, знаетъ, ощущаетъ, что, чѣмъ бы (видимымъ образомъ) ни окончилось оно — результаты его въ невидимыхъ глубинахъ жизни огромны. Тѣ безумныя, сумасшедшія усилія, тѣ жертвы, которыя были принесены для достиженія неосуществившихся цѣлей, не были напрасны, и еще скажутся ихъ результаты, хотя быть-можетъ,—не въ той области, которую люди хотѣли перестроить. Острота, сила, глубина тѣхъ особыхъ, неличныхъ, переживаній придала имъ какой-то священный характеръ, и я думаю, что эти переживанія открыли въ человѣческихъ душахъ новые источники художественнаго творчества, хотя эти источники еще и не пробились наружу.

Этимъ я кончаю свои сообщенія, ибо о настоящей полосѣ моей литературной жизни, начавшейся, думается, всего лишь съ прошлаго года, говорить не приходится.

Быть-можетъ, нужно и можно сдѣлать изъ всего написаннаго нѣсколько выводовъ, которые оказались бы полезными для людей, пишущихъ или приступающихъ къ писательской работѣ. Но пусть эти выводы сдѣлаетъ тотъ, кто захочетъ серьезно поработать надъ всѣми матеріалами, которые будутъ получены для сборника.

Я писала все это, многоуважаемый Ѳедоръ Ѳедоровичъ, стараясь отвлечься отъ мысли, что пишу для печати и, дѣйствительно, забываясь.

Быть-можетъ, тутъ есть много лишняго, ненужнаго, неинтереснаго — вычеркните безпощадно, воспользуйтесь только выдержками, словомъ, какъ хотите — это вѣдь не литературное произведеніе. Посылаю Вамъ

все это, самымъ безсовѣстнымъ образомъ, даже не переписавъ, со множествомъ помарокъ. Но если начать переписывать да задумываться, пожалуй, и вовсе не пошлешь!

Преданная Вамъ Л. Гуревичъ.

Іеронимъ Іеронимовичъ Ясинскій.

Во исполненіе предложенной вами программы свѣдѣній, которыя я въ числѣ другихъ современныхъ русскихъ писателей, по желанію Вашему, долженъ о себѣ дать, дорогой Ѳедоръ Ѳедоровичъ, отвѣчаю по отдѣльнымъ пунктамъ ея.

I. Отецъ мой обладалъ даромъ стихотворной импровизаціи. Онъ написалъ три разсказа изъ жизни становыхъ приставовъ 50-хъ годовъ, и разсказы эти были сданы для напечатанія писателю А. Иванову, съ которымъ отецъ познакомился въ Черниговѣ. Но исправленные и въ сокращенномъ видѣ появились въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ фамиліей самого А. Иванова. Это было въ 60-хъ годахъ. Отецъ и тому былъ радъ. Въ 80-хъ годахъ отецъ былъ корреспондентомъ «Голоса». Онъ былъ русско-польскаго происхожденія и былъ внучатнымъ племянникомъ извѣстнаго польскаго поэта Якуба Ясинскаго, павшаго геройской смертью при защитѣ Варшавы. Въ молодости и въ зрѣломъ возрастѣ совершенно обрусѣлый, въ старости, перебравшись въ Гродненскую губернію на родное пепелище, сдѣлался польскимъ патріотомъ и даже требовалъ отъ меня, чтобы я научился польскому языку, и охладѣлъ ко мнѣ на почвѣ этого разлада изъ-за національныхъ различій и склонностей. Скончался, какъ и его отецъ, а мой дѣдъ, въ Херсонской губерніи отъ душевной болѣзни.

Мать, рожденная Бѣлинская, харьковская хохлушка, любила современныхъ ей поэтовъ, и первыя и сколько-нибудь сознательныя мои впечатлѣнія отъ нея — это были стихи Лермонтова и Жуковскаго, которые она любила декламировать, приходя въ дѣтскую. Въ домѣ всегда было много книгъ—большой шкапъ былъ набитъ ими; среди нихъ былъ Пушкинъ исаковскаго изданія и много медицинскихъ сочиненій, такъ какъ отецъ получилъ медицинское образованіе въ Харьковскомъ университетѣ. Много было также религіозныхъ книгъ—мать была очень набожна.

II. Въ домѣ у насъ бывалъ поэтъ Иванъ Петровичъ Бороздна. Онъ былъ кумомъ отца. Помню его книгу «Лучи и тѣни». Бывалъ еще Н. А. Атрыганьевъ, богатый помѣщикъ и художникъ. Устраивались по временамъ литературно-музыкальные вечера. Отецъ великолѣпно игралъ на флейтѣ. Бороздна читалъ свои стихи. Меня тоже заставляли разучивать и декламировать его стихотворенія. У насъ была няня Агаѳья, которая сказала мнѣ множество сказокъ. Потомъ я всѣ ихъ находилъ въ разныхъ этнографическихъ сборникахъ, но не въ такой живой передачѣ.

III. Обстановка жизни въ раннемъ дѣтствѣ была такая, какая была тогда въ модѣ. Всѣ старались отграничиться отъ крестьянства и жить особой дворянской жизнью. У меня были гувернеры и гувернантки, а Законъ Божій преподавалъ мнѣ дьяконъ. Изъ дѣтской классной я убѣгалъ въ людскую и къ дворовымъ мальчишкамъ. Многое изъ той поры описано мною въ романѣ «Жаръ-птица». Я рано узналъ жизнь — ея хорошія и дурныя и даже подлыя стороны. На моихъ глазахъ погибла крѣпостная система, и я засталъ еще всю ея жестокость, несправедливость; и ужасъ рабскихъ отношеній коснулся и моей дѣтской души своимъ чернымъ крыломъ.

IV. Мальчикъ я былъ, такъ сказать, фантастическій. Любилъ играть съ сестрами и братьями въ куклы, разсказывалъ имъ невѣроятныя сказки, убѣгалъ съ ними въ лѣсъ и тамъ строилъ шалаши, чтобы

жить отшельнической жизнью. Доходилъ до видѣній, нервно влюблялся преимущественно во взрослыхъ дамъ, любилъ рисовать и сочинялъ театральныя пьесы подъ вліяніемъ видѣннаго мною въ Черниговѣ на театрѣ «Гамлета». Пьесы эти я разыгрывалъ при помощи маріонетокъ, которыя я вырѣзывалъ изъ бумаги, и пользовался для этого также фарфоровыми куколками изъ коллекціи отца. Я же рисовалъ и декораціи и освѣщалъ ихъ огарками. Первая прочитанная мною книга былъ томъ Пушкина съ сказками.

V. Первое произведеніе мое создалось подъ вліяніемъ цѣлаго ряда писателей отечественныхъ и иностранныхъ — это само собою разумѣется, но я не помню своего перваго произведенія. Мальчикомъ лѣтъ въ 10 сочинялъ стихи, поэмы, комедіи.

VI. У меня было случайное совпаденіе фабулы разсказа «Ночь», напечатаннаго въ майской или іюньской книжкѣ «Слова» за 1880 годъ съ фабулой разсказа Гаршина «Ночь», напечатаннаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ томъ же мѣсяцѣ. Знакомъ я былъ тогда съ Гаршинымъ только шапочно. Въ разсказѣ описывается, какъ молодой человѣкъ, томящійся никчемностью нашей общественности, хочетъ застрѣлиться и на самомъ дѣлѣ, кажется, стрѣляется — объ этомъ у меня сохранилось смутное представленіе.

VII. Передъ тѣмъ какъ выступить въ печати въ качествѣ беллетриста, я исписалъ нѣсколько стопъ бумаги. Писалъ этюды облаковъ, полей, улицъ, обстановокъ, лицъ, сценъ,— и уничтожалъ. Въ рукописи ничего, думаю, не сохранилось изъ того времени.

VIII. Первое произведеніе мое было публицистическое. Называлось «Разрушеніе сословныхъ перегородокъ» — по поводу всеобщей воинской повинности. Оно было отправлено 10 октября 1860 въ газету «Кіевскій Вѣстникъ» В. Д. Рокотову, издававшему ее и бывшему когда-то псковскимъ предводителемъ дворянства, а затѣмъ кончившимъ свою житейскую карьеру на выходныхъ роляхъ въ Александринскомъ театрѣ.

IX. По редакціямъ не мытарствовалъ.

X. «Наташка» была возвращена «Вѣстникомъ Европы» и затѣмъ напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ». Тѣмъ же «Вѣстникомъ Европы» были возвращены «Всходы» и тоже были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ». Разумѣется, были и еще возвращенія рукописей, но, къ счастью, я на этомъ никогда не проигрывалъ. Салтыковъ никогда не возвращалъ мнѣ рукописей.

XI. Первое произведеніе мое было публицистическое, какъ уже раньше сказано. Оно же и было напечатано тогда же, тѣмъ же, тамъ же.

XII. Первое произведеніе мое предварительно было прочитано близкимъ людямъ. Вообще я прочитываю свои произведенія близкимъ людямъ, и на меня всегда дѣйствуютъ критическія замѣчанія ихъ.

XIII. Первое литературное произведеніе мое «На чистоту» прошло въ печати безъ всякихъ сокращеній и измѣненій.

XIV. Первоначальная литературная рукопись моя— разсказъ «На чистоту»—прошла безъ всякихъ сокращеній, добавленій, искаженій редакторовъ и издателей. Д. А. Корапчевскій, редакторъ, и К. Сибиряковъ, издатель «Слова», были люди интеллигентные и литературные. Точно такъ же не подверглось никакимъ искаженіямъ и мое первое публицистическое произведеніе «О разрушеніи сословныхъ перегородокъ».

XV. Опечатки, искажающія смыслъ произведенія, а также буквенныя, случались. Опечатки нѣчто неизбѣжное и роковое въ русскомъ книгоиздательствѣ. Самыя ужасныя опечатки были въ моей книгѣ «Бунтъ Ивана Ивановича», изданной товариществомъ М. О. Вольфъ. Я даже изгналъ ее изъ своей библіотеки, несмотря на ея изящную внѣшность.

XVI. Первый разсказъ мой «На чистоту» повлекъ за собой предостереженіе журналу «Слово». Романъ «На зарѣ жизни» цензоръ Фрейманъ запретилъ на томъ основаніи, что я изображаю въ немъ ужасы крѣпостного права, «а между тѣмъ крѣпостное право

скоро будетъ возстановлено». Разумѣется, я добился разрѣшенія романа въ высшей инстанціи.

XVII. Даромъ первыхъ произведеній своихъ я не печаталъ.

XVIII. Первый мой гонораръ изъ «Кіевскаго Вѣстника»—былъ по $2^1/_2$ копейки со строки.

XIX. Большихъ неисправностей въ платежахъ издателей и редакторовъ по отношеніи ко мнѣ не было. Единственный разъ я пострадалъ, когда обанкротился одинъ издатель, недоплатившій мнѣ нѣсколько тысячъ по условію. Самымъ неисправнымъ, впрочемъ, редакторомъ-издателемъ былъ я самъ по отношенію къ себѣ, когда издавалъ свои журналы. Я не только не заплатилъ себѣ ни копейки за свои многочисленные и безсонные труды, но еще, въ концѣ-концовъ, отнялъ у себя и подарилъ русской публикѣ до 40 тысячъ трудовыхъ денегъ.

XX. Родственники и знакомые къ первому напечатанному произведенію моему отнеслись равнодушно.

XXI. Первое публицистическое произведеніе мое я подписалъ своей фамиліей. А первое литературное—псевдонимомъ «Максимъ Бѣлинскій»—именемъ и фамиліей отца моей матери.

XXII. Первыми моими литературными критиками были гг. Введенскій, Буренинъ, Горленко, Скабичевскій, Минаевъ, Александровъ, Коршъ, Оболенскій.

XXIII. Не только напечатаніе перваго произведенія, но и какого бы то ни было, не доставило мнѣ доселѣ полнаго нравственнаго удовлетворенія.

XXIV. Возвращенныя редакторами и издателями рукописи, какъ первыя, такъ и позднѣйшія, если таковыя случаются, принимаются и печатаются другими редакторами-издателями.

XXV. Въ матеріальномъ отношеніи я никогда не былъ очень стѣсненъ въ качествѣ писателя и литератора. Сравнительно я много зарабатывалъ уже на первыхъ шагахъ литературной дѣятельности. Въ малой мѣрѣ, я заработалъ въ теченіе свей литературной жизни

литературными трудами тысячъ четыреста. Въ настоящее время я все же обремененъ долгами, и половина моихъ литературныхъ заработковъ идетъ на ихъ погашеніе. Я объ этомъ упоминаю не только для того, чтобы отвѣтить на вашъ вопросъ, но и указать на то, что, въ общемъ, русскіе литераторы даже съ среднимъ литературнымъ заработкомъ, какъ я, не должны жаловаться на судьбу. И если они, тѣмъ не менѣе, бѣдствуютъ, то этимъ обязаны себѣ. Французскій писатель на моемъ мѣстѣ, напримѣръ, сумѣлъ бы и прилично прожить, и отложить на старость тысячъ двѣсти, которыя въ какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ, лежа въ банкѣ, удвоились бы. Мы часто завидуемъ иностранцамъ совсѣмъ напрасно, если не завидуемъ ихъ бережливости и стремленію къ матеріальной независимости и обезпеченности.

Надежда Александровна ТЭФФИ.

I. Наслѣдственность своего писательскаго дара я могу считать атавистической, такъ какъ прадѣдъ мой Кондратій Лохвицкій, бывшій масономъ во времена Александра Благословеннаго, писалъ мистическія стихотворенія, часть которыхъ подъ общимъ названіемъ «О Филадельфіи Богородичной» сохранилась въ историческихъ трудахъ Кіевской академіи.

Отецъ мой, профессоръ А. В. Лохвицкій, былъ извѣстнымъ ораторомъ и славился своимъ остроуміемъ. Онъ оставилъ послѣ себя много научныхъ работъ.

Мать всегда любила поэзію и была хорошо знакома съ русской и, въ особенности, европейской литературой.

II. Чьего-либо вліянія на развитіе писательской способности припомнить и указать не могу.

III. Дѣтство мое прошло въ большой обезпеченной семьѣ. Воспитывали насъ по-старинному—всѣхъ вмѣстѣ на одинъ ладъ. Съ индивидуальностью не справлялись и ничего особеннаго отъ насъ не ожидали.

Первая прочтенная и десятки разъ перечтенная книга была «Дѣтство и Отрочество» Толстого. Затѣмъ отрывки изъ Пушкина. Въ дѣтствѣ я читала очень много. Постоянно.

Раннихъ жизненныхъ опытовъ не было. Хорошо это или плохо—теперь судить трудно.

IV. Въ первыхъ моихъ творческихъ произведеніяхъ преобладалъ элементъ наблюдательности надъ фантазіей. Я любила рисовать карикатуры и писать сатирическія стихотворенія.

V. Первое изъ моихъ напечатанныхъ произведеній было написано подъ вліяніемъ Чехова.

VI. Совпаденіе моей фабулы съ чьей-нибудь изъ иностранныхъ писателей случалось со мной довольно часто. Такъ, напримѣръ, пьеса на сюжетъ «Эльга» была мною почти закончена, когда ее напечаталъ Гауптманъ. Но по счастливой случайности мои вещи появляются обыкновенно прежде, чѣмъ ихъ двойники.

VII. Законченныхъ произведеній въ рукописи у меня никогда не оставалось.

VIII. Первое отправленное для напечатанія произведеніе было маленькое стихотвореніе, появившееся въ журналѣ «Сѣверъ» въ августѣ 1901 г.

IX. Мытарствъ по редакціямъ не было.

X. Въ 1904 году «Міръ Божій» вернулъ мнѣ маленькій разсказъ, который затѣмъ былъ напечатанъ въ «Нивѣ». Заглавіе разсказа «День прошелъ».

XI. Первое напечатанное произведеніе появилось въ «Сѣверѣ» въ 1901 г.

XII. Первое напечатанное произведеніе было прочитано предварительно кое-кому изъ знакомыхъ, и ими же было отослано въ редакцію.

XIII. Первымъ моимъ произведеніемъ были стихи. и редакція не требовала сокращенія или измѣненія.

XIV. И самовольно не исправлено.

XV. Опечатокъ не помню.

XVI. Первыя мои произведенія отъ цензуры не страдали. Послѣдующія — очень.

XVII. Имѣла ли редакція намѣреніе заплатить мнѣ за мое первое произведеніе — я не знаю, такъ какъ очень стѣснялась показаться на глаза людямъ, принявшимъ мои скверные стихи.

XVIII. Первый гонораръ: 25 коп. за строчку стиховъ.

XIX. Бывали неисправные издатели, но въ недобросовѣстности своей никто не признавался. Сваливали на несостоятельность.

XX. Родственники моего перваго напечатаннаго произведенія не читали. Посторонні лица хвалили, но кто-то сказалъ, что страшная ерунда.

XXI. Первое произведеніе я напечатала подъ своей дѣвичьей фамиліей «Н. Лохвицкая».

XXII. Напечатанные отзывы были только о моихъ драматическихъ произведеніяхъ, такъ какъ отдѣльной книги я еще не выпускала.

XXIII. Когда я увидѣла первое свое произведеніе напечатаннымъ, мнѣ стало очень стыдно и непріятно. Все надѣялась, что никто не прочтетъ.

XXIV.

XXV. Особой разницы между моимъ матеріальнымъ положеніемъ въ началѣ моей литературной дѣятельности и теперешнимъ положеніемъ я не замѣчаю. Можетъ-быть, оттого, что я работаю только 8 лѣтъ. А еще вѣрнѣе оттого, что ничѣмъ не выдвинулась.

Николай Осиповичъ ПРУЖАНСКІЙ.

I. Наслѣдствененъ ли у меня писательскій даръ?— этого я въ точности сказать не могу. Но если у меня этотъ даръ имѣется и если въ немъ есть что-нибудь наслѣдственное, то полагаю, что унаслѣдовалъ я это отъ матери, которая отличалась удивительно живымъ воображеніемъ. Имѣлись, впрочемъ, въ роднѣ и съ отцовской стороны люди, которые пріобрѣли громадную извѣстность въ еврейской духовной литературѣ. Не могу сказать, чтобы мои родители отличались начитанностью, но литературу, хотя и своеобразную, любили: они были евреями.

II. Лицъ, благопріятствовавшихъ развитію моего литературнаго таланта, у меня никогда не было.

Я никогда не имѣлъ ни руководителей, ни покровителей. И если я чего-нибудь добился, то этимъ я обязанъ исключительно себѣ.

III. Какова обстановка, въ которой прошли мое дѣтство и молодость? Самая неприглядная. Жили мы въ деревнѣ (отецъ былъ деревенскій кузнецъ) въ курной деревенской избѣ и перебивались съ хлѣба на квасъ. Что это была за жизнь—могутъ дать вѣрное представленіе слѣдующіе два эпизода, которые сохранились въ моей памяти до сихъ поръ. Одинъ изъ нихъ—это, когда панъ (въ деревнѣ котораго мы жили) за что-то разсердился на моего отца и зимой въ трескучій морозъ велѣлъ вынуть изъ нашей избы окна и двери. И мы имѣли удовольствіе дышать свѣжимъ морознымъ воздухомъ ровно двое сутокъ.

Другое такое же пріятное воспоминаніе сохранилось у меня о слѣдующемъ эпизодѣ. Мнѣ, помнится, тогда было лѣтъ семь. А мудрый законъ тогда былъ таковъ, что каждое еврейское общество могло сдавать въ солдаты дѣтей и каждаго иногородняго безпаспортнаго еврея. Образовалась правильная, вполнѣ узаконенная торговля людьми. Не въ этомъ, впрочемъ, дѣло. И вотъ въ одно прекрасное утро мать видитъ изъ окна, что къ намъ катятъ «ловцы» человѣковъ. Мать моментально сунула меня въ кровать, уложила, прикрыла периной, подушками — и стала принимать гостей. Гости оказались людьми набожными — они расположились молиться, завтракать, а я, чуть не задохнувшись, затаивъ дыханіе, неподвижно долженъ былъ лежать въ кровати.

IV. Первая прочитанная книга была, конечно, Библія.

Ранніе жизненные опыты? Какіе же у меня могли быть опыты? Опытъ мнѣ говорилъ, что, если мужикъ или баба лѣнится, то ихъ растягиваютъ посреди улицы и сѣкутъ. Что, когда отца зовутъ къ становому, чтобы объявить, что евреямъ нельзя жить въ деревнѣ, то хоть изъ земли вырой, а нужно достать для него трехрублевку, — ну, а больше какой же опытъ?

Не думаю, чтобы и еврейская школа, куда я былъ отданъ, тоже могла способствовать развитію писательскаго таланта и дать тотъ или другой жизненный опытъ. Я думаю, наоборотъ, что школа, оторвавшая меня отъ природы, среди которой я провелъ свое раннее дѣтство, отчуждала отъ жизни, уродовала ее.

V. Несомнѣнно, что въ молодости у меня фантазія всегда преобладала надъ наблюдательностью. Для того, чтобы развить наблюдательность, необходимо видѣть жизнь, людей, а гдѣ я ихъ могъ видѣть?

Впечатлѣнія были слишкомъ обычны, однообразны, для того, чтобы они бросались въ глаза. Фантазировать же я могъ сколько угодно и безъ всякой жизни.

VI. Подъ вліяніемъ какого писателя создалось мое первое произведеніе?—Вотъ вопросъ, который, откровенно сказать, ставитъ меня втупикъ.

Дѣло въ томъ, что «начинать» мнѣ пришлось не разъ, а два раза. Влеченіе къ писательству я почувствовалъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, чуть ли не съ десятилѣтняго возраста. Но въ этомъ возрастѣ мое,

такъ сказать, чисто-еврейское міровоззрѣніе было еще не тронуто. И я мечталъ о совершенно другого рода писательствѣ, которое ничего общаго съ жизнью не имѣетъ. Приблизительно же лѣтъ въ двѣнадцать, и то совершенно случайно, мнѣ стали попадаться книжонки, которыя мало-по-малу начали переворачивать вверхъ дномъ это міровоззрѣніе. Произошла страшная ломка во взглядахъ, чувствахъ, симпатіяхъ, и на мѣсто своихъ прежнихъ кумировъ пришлось создавать новыхъ боговъ. Если сказать откровенно, то это были неважные боги; а если хотите, то это были даже не настоящіе боги, а игрушечные, дѣлающіе громъ и молнію изъ пустяковъ. Тѣмъ не менѣе, среди окружающаго тогда меня мрака, они мнѣ казались небожителями.

Я говорю о возрождавшейся тогда древне-еврейской свѣтской литературѣ, которая, къ крайнему моему удивленію, ужасно похожа на нашу теперешнюю такъ называемую новѣйшую. Сходство поразительное. Тѣ же пустота, отсутствіе всякой серьезной мысли, тѣ же вычурность, громкія заковыристыя фразы, тѣ же кривлянье, манерность, стилистическое фокусничанье. То же заигрываніе съ космосомъ, вѣчностью, природными стихіями.

Словомъ, какъ будто онѣ въ школѣ на одной скамейкѣ сидѣли. И нерѣдко, когда мнѣ теперь приходится читать нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, которые иначе не появляются на свѣтъ Божій, какъ только съ барабаннымъ боемъ, у меня невольно вырывается восклицаніе: «Ба, да это старый, давно забытый знакомый! Какъ же, какъ же, читалъ я все это въ маленькихъ книжкахъ съ квадратными буквами. Даже стихіи природы, переодѣтыя въ персонажи, я очень хорошо знаю». Единственное, чѣмъ новѣйшая русская литература отличается отъ тогдашней древне-еврейской, это то, что тамъ нѣтъ порнографіи. Въ этомъ отношеніи она была неповинна: она для этого была слишкомъ наивна, цѣломудренна.

Такъ изволите видѣть, задавшись цѣлью сдѣлаться писателемъ и полагая, что только свѣта, что въ моемъ окнѣ,—то весьма естественно, что я употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы сдѣлаться такимъ же пустозвономъ, какими тогда были большинство тогдашнихъ корифеевъ древне-еврейской литературы. И дѣйствительно, когда мнѣ было лѣтъ шестнадцать, я уже былъ образцовымъ стилистомъ, переписывался со многими знаменитостями, — словомъ, былъ доволенъ собою я самъ и были довольны мною и другіе. И когда въ 1863 году я послалъ въ «Гамелицъ» (ежедневная древне-еврейская газета) статью, которая, какъ помнится, была удачнымъ стилистическимъ фокусомъ, она была немедленно напечатана и отъ редактора я получилъ очень любезное письмо съ приглашеніемъ сотрудничать. Такъ что сказать, подъ чьимъ вліяніемъ я написалъ эту статью, довольно мудрено. Богъ его знаетъ. Это было «первое» начало.

Второе начало тоже было довольно-таки странное. Началъ я, конечно, съ русской азбуки (когда я ужъ былъ напечатанъ по древне-еврейски, я еще не зналъ русской азбуки); читать пришлось, учиться по Пушкину, Тургеневу и т. п., и понятно, что надлежащаго впечатлѣнія они на меня произвести не могли. Я былъ слишкомъ зараженъ заковыристыми фразами и сразу не могъ почувствовать прелести, глубины, силы и простоты русскихъ писателей. Для того, чтобы почувствовать это, мнѣ понадобилось года три упорной работы. И первое русское произведеніе, которое произвело на меня потрясающее впечатлѣніе, было «Преступленіе и наказаніе». И полагаю, что первый разсказъ, написанный мною по-русски (напечатанный въ 1869 году въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ» подъ названіемъ «Наташа») былъ написанъ подъ вліяніемъ Достоевскаго. Потому что, какъ мнѣ смутно помнится, это было что-то въ родѣ исторіи падшей дѣвушки.

Написанъ былъ разсказъ, надо полагать, отвратительнымъ языкомъ, потому что мнѣ еще долго послѣ этого (даже послѣ того, какъ я печатался въ столичныхъ изданіяхъ) пришлось работать надъ собой, чтобы вытравить у себя «духъ» еврейскаго языка.

VII. Случалось ли сойтись въ фабулѣ съ другимъ писателемъ? Да, случалось и даже нерѣдко. Въ особенности это часто случается въ послѣднее время. Не говоря уже о публицистическихъ статьяхъ, на сходство съ которыми мнѣ приходилось наталкиваться даже и не по единому разу, но бываетъ это и съ беллетристическими вещами. Такъ, могу указать на разсказъ подъ названіемъ «Съ крестомъ» (напечатанный въ «Приложеніяхъ» къ «Нивѣ» въ 1905 году, а впослѣдствіи вошедшій въ отдѣльное изданіе «Бездна жизни»), въ которомъ не только фабула, но и все остальное (за исключеніемъ конца), ужасно похожи на другой разсказъ (названія не помню), напечатанный въ 1906 году въ одномъ, очень постномъ, толстомъ журналѣ. Бываетъ, все на свѣтѣ бываетъ.

VIII. Мытарства по редакціямъ? Тоже вопросъ, на который мнѣ не легко отвѣтить. Такъ какъ для того, чтобы обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ, пришлось бы написать цѣлую книгу.

Пришлось-таки помытарствовать. И если сказать откровенно, то, главнымъ образомъ, потому, что я человѣкъ ужъ очень неподходящій для редакцій. Никогда я не могъ сдѣлаться настоящимъ редакціоннымъ человѣкомъ.

Редакціоннымъ человѣкомъ нужно родиться, умѣть имъ сдѣлаться, и для этого нужно имѣть способности, иногда, впрочемъ, ничего общаго съ литературой не имѣющія. Притомъ никогда я не могъ писать и писать не могу то, что въ данный моментъ для редакціи требуется. Я всегда придерживался и придерживаюсь тѣхъ взглядовъ, что далеко не всегда истина хранится въ одной только редакціи, что можетъ она сказаться и въ другомъ мѣстѣ. И приспособляться, укорачиваться, сжиматься, поддѣлываться, чтобы какъ

разъ подойти къ редакціонному шаблону, — не въ моемъ характерѣ. И понятно, что при такихъ условіяхъ пришлось много помытарствовать.

IX. Измѣненіе и сокращеніе въ рукописи? О, да, это даже часто случалось. Въ особенности, если сапожникъ вообразитъ себя редакторомъ.

X. Самовольное добавленіе къ рукописи? Въ этомъ отношеніи со мной былъ даже курьезъ.

Дѣло было въ началѣ моей литературной дѣятельности. Это было въ 1872 году. «Сынъ Отечества» издавалъ тогда Иванъ Успенскій, который купилъ у меня разсказъ для воскресныхъ приложеній. Одно мѣсто въ этомъ разсказѣ показалось редакціи опаснымъ. И она дѣлаетъ вотъ что. Посрединѣ разсказа, не отдѣляя ничѣмъ отъ текста, даже въ строку, она дѣлаетъ вставку, приблизительно слѣдующаго содержанія: «Мы нарочно печатаемъ этотъ разсказъ для того, чтобы показать, до какой дерзости могутъ доходить евреи. Вы присмотритесь только къ этой ядовитой, не уступающей свифтовской сатирѣ (это выраженіе у меня твердо сохранилось въ памяти), которой нашъ даровитый еврей бичуетъ наше правительство» и т. д. А вслѣдъ за тѣмъ опять текстъ. Сказано ли это отъ имени редакціи, отъ имени ли автора—ничего неизвѣстно. Такъ что выходило, что я самъ себя похвалилъ, но въ то же время и здорово обругалъ.

XI. Цензурныя препятствія къ напечатанію? Да, было и это. Изрядное-таки количество моихъ статей, цѣлыхъ брошюръ до сихъ поръ хранятся въ архивахъ столичныхъ и провинціальныхъ цензурныхъ комитетовъ. Должно же было правительство позаботиться и о крысахъ!

XII. Неисправность въ платежахъ редактора или издателя — не безъ этого, конечно. Вслѣдствіе недобросовѣстности или несостоятельности? — было то и другое. Но все-таки мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи я заслуживаю пальмы первенства.

Никому, кажется, не приходилось видѣть столько ростовщической недобросовѣстности, торгашескаго безстыдства, сколько на своемъ вѣку пришлось видѣть мнѣ. Мнѣ, напримѣръ, цѣлый годъ пришлось вынести на своихъ плечахъ одно изданіе, ежедневно писать по шести-семи сотъ строкъ въ день, а по воскресеньямъ и до тысячи. А гонораръ уплачивался по слѣдующей таксѣ. Большой фельетонъ, хотя бы въ тысячу строкъ—по пяти рублей, а маленькій фельетонъ и другого рода статьи—по одному рублю. При этомъ я никоимъ образомъ не могъ добиться, чтобы свои статьи я могъ подписывать какимъ-нибудь псевдонимомъ, буквой, знакомъ—онѣ являлись безъ всякой подписи, какъ редакціонныя. И когда у меня заходила объ этомъ рѣчь, кулакъ-редакторъ говорилъ мнѣ прямо: «Простите, голубчикъ, никоимъ образомъ не могу вамъ дозволить подписать свои статьи. Будь вы такой же пѣшкой, какъ всѣ остальные сотрудники, тогда бы для меня это было безразлично. Но вы человѣкъ талантливый. Ваши статьи обращаютъ на себя вниманіе, онѣ читаются, и дай я вамъ какую-нибудь подпись, вы черезъ два мѣсяца будете изъ меня верёвки вить. Если вы теперь уйдете, то для меня плевать, а тогда, если вы потребуете отъ меня пятьсотъ-шестьсотъ рублей въ мѣсяцъ, я долженъ буду дать».

Я могъ бы разсказать еще болѣе поразительные факты беззастѣнчивой издательской эксплуатаціи. Но право же, къ чему дразнить гусей, предки которыхъ, хотя и пасли свиней, но Рима не спасли.

XIII. Первые критическіе отзывы?.. И на этотъ вопросъ я точнаго отвѣта дать не могу. Сказать, что отзывы печати меня не интересуютъ, это, конечно, будетъ неправдой, но, право же, въ этомъ отношеніи относительно меня установился какой-то странный шаблонъ.

Я, конечно, не принадлежу къ тѣмъ счастливцамъ, за которыми господа критики ходятъ по пятамъ, слѣдятъ за каждымъ ихъ словомъ и доискиваются смысла каждой ихъ глупости; но вѣдь все-таки обо мнѣ писали и пишутъ, даже много. И не было и нѣтъ почти органа, чтобы въ то или другое время обо мнѣ не было критической замѣтки, статьи. Но всѣ онѣ какія-то странныя. И производятъ онѣ впечатлѣніе, будто всѣ эти господа сговорились писать однѣми и тѣми же фразами, а главное, что никто изъ нихъ не читалъ то, о чемъ онъ пишетъ, что написано это по обложкѣ. Кто, гдѣ и когда установилъ относительно меня этотъ критическій шаблонъ, я, право, съ точностью сказать не могу.

XIV. Дальнѣйшая судьба возвращенныхъ редакторами первыхъ рукописей? Разная. Нѣкоторыя впослѣдствіи напечатаны, нѣкоторыя пропали, а нѣкоторыя хранятся до сихъ поръ.

Затерянныя и уничтоженныя? Такихъ много. Много рукописей было у меня взято Третьимъ Отдѣленіемъ во время моего ареста и ссылки, и до сихъ поръ не возвращено.

Даже въ послѣднее время охраной были взяты нѣкоторыя мои рукописи во время обысковъ въ редакціяхъ и тоже не возвращены, хотя ничего общаго онѣ съ политикой не имѣютъ.

Кстати, въ то время, когда я еще писалъ по древне-еврейски, мною былъ написанъ романъ подъ названіемъ «Десять лѣтъ спустя». Романъ былъ взятъ «Гамелицомъ» для напечатанія, но изъ редакціи его кто-то укралъ. Ужъ много лѣтъ спустя, мнѣ говорили, что этотъ романъ напечатанъ подъ другой, разумѣется, фамиліей. Мнѣ, впрочемъ, не приходилось его видѣть.

XV. Борьба за существованіе въ началѣ литературной дѣятельности и теперешнее положеніе? Я нахожу, что теперь эта борьба гораздо болѣе жестока, чѣмъ вначалѣ. Вначалѣ была борьба жестокая, кровавая, каждый шагъ, движеніе впередъ пришлось брать приступомъ. Но тогда, по крайней мѣрѣ, были молодость, здоровье, надежды. А теперь что? Теперь и этого нѣтъ... Теперешнее обезпеченіе! Да проститъ мнѣ почтенный Ѳедоръ Ѳедоровичъ — смѣшное слово

онъ выдумалъ—теперешнее обезпеченіе для русскихъ писателей! Вѣдь единственное, чѣмъ русскій писатель обезпеченъ, это смертью, а другое какое же у него можетъ быть обезпеченіе? Впрочемъ, виноватъ, обезпеченъ русскій писатель и тѣмъ, что, если онъ умретъ, его Литературный фондъ похоронитъ. Ну, а если Литературный фондъ провинится, и его закроютъ? Тогда что? Тогда, конечно, у него нѣтъ и этого обезпеченія!

Павелъ Владиміровичъ ЗАСОДИМСКІЙ.

Можно думать, что любовь къ литературѣ и склонность къ писательству я получилъ въ наслѣдство отъ моего дѣда по отцу: онъ былъ педагогъ и писатель.

Мои отецъ и мать также любили книгу: у отца была довольно порядочная библіотека, и я сталъ рано пользоваться ею. Я очень много читалъ.

Первыми прочитанными мною книгами были: Жизнеописанія великихъ мужей древности Плутарха, Робинзонъ Крузо, Исторія Наполеона, Тысяча и одна ночь, сочиненія Пушкина.

Мать снисходительно относилась къ моимъ дѣтскимъ литературнымъ опытамъ — прозой и стихами, иногда даже сама помогала мнѣ; отецъ какъ-то недовѣрчиво покачивалъ головой...

Въ 1866 году я началъ было повѣсть «Подъ грозой», съ рѣзко выраженной политической окраской; темой для нея послужило общественное движеніе начала 60-хъ годовъ. Я не кончилъ ее, бросилъ. Въ томъ же году я написалъ повѣсть подъ заглавіемъ «Отецъ» изъ семейнаго быта: тема ея — семейный деспотизмъ. Повѣсть не была напечатана; я ее сжегъ.

Въ 1867 году я написалъ воззваніе къ русскому обществу о помощи болгарамъ, въ ту пору боров-

шимся съ турками за свою независимость и свободу. Въ видѣ письма я послалъ воззваніе въ редакцію газеты «Голосъ», гдѣ оно и появилось 20 іюля (№ 198). Въ то же лѣто нѣсколько моихъ стихотвореній были напечатаны подъ различными псевдонимами въ «Иллюстрированной Газетѣ» (издававшейся Бауманомъ подъ редакціей В. Р. Зотова). Даже заглавій этихъ стихотвореній теперь не помню; никакого серьезнаго значенія я имъ не придавалъ, хотя къ одному изъ нихъ впослѣдствіи, уже гораздо позже, однимъ изъ нашихъ молодыхъ композиторовъ была написана музыка. Гонорара за нихъ я не получалъ.

Въ 1868 году въ журналѣ «Дѣло» была напечатана подъ моей фамиліей повѣсть «Грѣшница» (№№ 1 и 3). Вторую половину повѣсти я немного измѣнилъ, отчасти по своей иниціативѣ, отчасти по совѣту Гр. Е. Благосвѣтлова (бывшаго въ то время фактическимъ редакторомъ-издателемъ «Дѣла»); вслѣдствіе этой задержки повѣсть и не могла быть закончена во второй книгѣ журнала. Редакція мнѣ уплатила по 60 руб. за листъ.

Первый критическій отзывъ объ этой повѣсти былъ данъ въ «Недѣлѣ» Н. К. Михайловскимъ.

Наибольшее вліяніе на меня имѣли изъ иностранныхъ писателей В. Гюго, изъ русскихъ—Н. Г. Чернышевскій.

Въ началѣ литературной дѣятельности жилось очень трудно...

Андрей Ефимовичъ ЗАРИНЪ.

Я думаю, что влеченіе къ литературѣ у меня наслѣдственное. Отецъ мой, Ефимъ Ѳедоровичъ, въ 1859 году напечаталъ въ «Библіотекѣ для чтенія» переводъ пьесы Байрона «Сарданапалъ», послѣ чего

переѣхалъ (изъ г. Пензы) въ Петербургъ, гдѣ и посвятилъ себя литературѣ, сотрудничая сначала въ «Библіотекѣ для чтенія», а затѣмъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», которыя фактически редактировалъ вплоть до времени, когда Краевскій сдалъ этотъ журналъ въ аренду Некрасову.

За этотъ періодъ времени отецъ мой успѣлъ составить себѣ имя и внести свой вкладъ въ русскую литературу, какъ переводчикъ Байрона и какъ горячій защитникъ эстетики. За 1862, 1863 и 1864 годы ему принадлежитъ рядъ полемическихъ и критическихъ статей въ «Отечественныхъ Запискахъ» подъ псевдонимомъ «Incognito».

Я родился въ расцвѣтѣ его литературныхъ силъ и на зарѣ своей жизни видѣлъ въ качествѣ его друзей и знакомыхъ П. И. Вейнберга, А. Н. Майкова, Лѣскова, Всеволода Крестовскаго, Щербину и многихъ другихъ, съ которыми потомъ встрѣтился, какъ младшій товарищъ.

Мать моя тоже причастна къ литературѣ, и, между прочимъ, ей принадлежитъ повѣсть «Питомцы», получившая въ свое время личное одобреніе Щедрина и напечатанная въ «Современникѣ».

Что до меня, то съ ранняго дѣтства я помню себя постоянно фантазирующимъ и ни о чемъ, кромѣ писательства, не мечтающимъ.

Любовь къ литературѣ я впиталъ въ атмосферѣ своего дѣтства, красоту языка и размѣренной рѣчи постигъ также рано и дѣтскія слезы свои проливалъ не только при чтеніи трогательныхъ исторій, но и отъ глубокаго волненія передъ красотой. Въ 10 лѣтъ я зналъ наизусть всего Лермонтова, массу стихотвореній Пушкина, а затѣмъ Фета, Майкова, Полонскаго и другихъ.

Но рядомъ съ такимъ воспитаніемъ и развитіемъ, во мнѣ никто не поощрялъ литературныхъ наклонностей, и отецъ всегда столь жестоко смѣялся надъ каждой моей попыткой къ творчеству, что я даже впослѣдствіи не показывалъ ему ни одного своего

произведенія въ рукописи, предоставляя читать уже напечатанное.

Несомнѣнно, въ ранней юности своей, я былъ поэтомъ и, будучи въ третьемъ классѣ гимназіи, уже исписывалъ тетради стихами, услаждая чтеніемъ ихъ своихъ товарищей, но литературнымъ идеаломъ моимъ были и остаются до сихъ поръ два великихъ иностранца - прозаика: Сервантесъ и Чарльзъ Диккенсъ... «Донъ Кихотъ» у меня лежитъ настольною книгою, романы Диккенса и теперь вызываютъ у меня чистыя слезы.

Писать я началъ очень рано и также рано увидалъ свои произведенія въ печати.

Судьба, оторвавшая отца отъ литературы, послѣ многихъ мытарствъ, закинула его въ Вильно, гдѣ я учился сперва въ гимназіи, потомъ въ реальномъ училищѣ, и гдѣ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» было напечатано первое мое произведеніе. Это была обличительная статья по поводу порнографическихъ фотографій, выставленныхъ въ витринахъ одного магазина на ярмаркѣ. Затѣмъ тамъ же появилась и вторая статья такого же характера, по поводу представленія «зулусовъ», которые на глазахъ публики разрывали на части живую курицу и ѣли ея окровавленное мясо.

Я былъ тогда ученикомъ пятаго класса. Въ эту же пору я послалъ въ Петербургъ два стихотворенія, и они оба были напечатаны въ «Петербургской Газетѣ» за подписью З. А. Ринъ. За этой же подписью немного позднѣе было напечатано стихотвореніе «Подражаніе Гейне» въ послѣдней книжкѣ журнала «Дѣло». Помню, въ этой же книжкѣ я прочелъ повѣсть К. Баранцевича «Раба» и полюбилъ его за нее.

Но сдѣлаться литераторомъ было еще для меня далекой мечтой.

Въ 1883 году я былъ въ той же Вильнѣ арестованъ и заключенъ въ такъ называемый «14-ый номеръ», гдѣ просидѣлъ въ одиночкѣ 9 мѣсяцевъ и былъ выпущенъ на поруки подъ надзоръ.

Въ 1884 году я, освобожденный изъ надзора, пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь, учась и давая уроки, также причастился къ литературѣ, составляя для фирмы «Народная Польза» брошюры для народа и написавъ для журнала «Дѣтское Чтеніе» популярную статью о способахъ исчисленія времени.

Эта статья сослужила мнѣ службу, доставивъ знакомство съ Бородинымъ и съ В. П. Острогорскимъ.

Въ концѣ того же года я вынужденъ былъ опредѣлить своимъ мѣстожительствомъ Саратовъ, гдѣ жилъ въ то время мой братъ, и литературныя занятія отошли на второй планъ, такъ какъ надо было много работать для денегъ.

Но изъ Саратова я послалъ нѣсколько корреспонденцій въ «Театральный Мірокъ» о гастроляхъ Сальвини, а затѣмъ нѣсколько стихотвореній.

Въ 1886 году, въ ноябрѣ, я вернулся въ Петербургъ и рѣшилъ учиться и служить. Но служба моя была неудачна. Я оказался негоднымъ чиновникомъ, невнимательнымъ контролеромъ, плохимъ счетчикомъ, и въ теченіе года испыталъ до пяти родовъ служебныхъ занятій. Получалъ мало, работалъ много. Но служебныя мытарства принесли мнѣ пользу тѣмъ, что дали возможность и повидать многое.

За это же время я напечаталъ два стихотворенія въ «Иллюстрированномъ Мірѣ» Турбы и свой первый разсказъ «Шура» въ приложеніи къ «Гражданину» подъ редакціей Голицына-Муравлина. Касательно этихъ двухъ случаевъ у меня сохранились нѣкоторыя воспоминанія.

Въ минуту жизни трудную мнѣ кто-то сказалъ, что за стихи иногда платятъ гонораръ, и я рѣшился попытать счастья у Турбы, съ которымъ имѣлъ только письменныя сношенія, т.-е. посылалъ ему стихи почтою, а онъ печаталъ ихъ.

Въ редакціи я засталъ полный разгромъ, и мнѣ сказали тамъ, что редакція мѣняетъ помѣщеніе и самъ редакторъ-издатель уже на новой квартирѣ. Я смѣло отправился туда. Новая квартира оказалась на

Литейномъ пр., подлѣ Симеоновской улицы, въ 5 этажѣ громаднаго дома. Я взобрался наверхъ и, увидѣвъ открытую дверь, вошелъ прямо въ квартиру.

Въ громадной еще пустой комнатѣ на полу сидѣлъ какой-то человѣкъ безъ сюртука и жилета и старательно склеивалъ золоченый стулъ.

Увидѣвъ меня, онъ сердито спросилъ:

— Чего вамъ?

— Хотѣлъ бы увидѣть г-на Турба.

— Это я самъ. Что нужно?

Я назвалъ себя, думая тотчасъ услышать выраженія удовольствія, но услышалъ только угрюмое «гмъ»... Смутившись, я несвязно изложилъ свои надежды относительно гонорара, и эффектъ отъ моихъ словъ превзошелъ всякія ожиданія.

Сидѣвшій на полу замахалъ ножкою отъ стула, которую собирался вклеить, и заревѣлъ:

— Гонораръ! Платить! Всѣмъ платить! За переѣздъ, за почту, еще за паршивые стихи! Нахалъ этакій!

Кровь ударила мнѣ въ голову.

— Самъ ты нахалъ!—закричалъ я.

— Вонъ! — раздался дикій крикъ и, вскочивъ на ноги съ поднятой ножкой стула, онъ бросился на меня. Я позорно убѣжалъ и опомнился только на улицѣ.

Разсказъ свой «Шура» я снесъ сперва къ Л. Е. Оболенскому въ его журналъ «Русское Богатство».

Въ этомъ разсказѣ была изображена тяжелая смерть ребенка отъ воспаленія мозга. Когда я пришелъ за отвѣтомъ, Л Е. вышелъ ко мнѣ и съ самымъ серьезнымъ видомъ сказалъ:

— Разсказъ мнѣ понравился, но въ немъ описаны болѣзнь и смерть; поэтому я не могу его напечатать, пока не пріѣдетъ мой докторъ и не просмотритъ, насколько вѣрно описаны въ немъ симптомы. Подождите недѣли три.

Но я не сталъ ждать и взялъ отъ него разсказъ.

Въ началѣ 1887 года я черезъ стараго своего друга, Д. Л. Михаловскаго, познакомился съ А. К. Шеллеромъ и сталъ печатать у него стихи и статьи.

Въ октябрѣ 1887 года состоялось празднованье 25-лѣтняго юбилея этого «лучшаго изъ людей», и въ этотъ приснопамятный для меня день я получилъ, такъ сказать, свое литературное крещенье. Я познакомился тогда на его праздникѣ почти со всѣми литераторами, большими и малыми, и почувствовалъ себя среди своихъ.

Въ концѣ того же года я продалъ въ журналъ «Живописное Обозрѣніе» свою первую большую повѣсть «Сорныя травы», получилъ за нее сразу 300 р. и рѣшилъ, что я могу посвятить себя исключительно литературѣ.

Годъ кончился и я оставилъ службу.

Въ первое воскресенье 1888 года вышелъ 1 № журнала «Живописное Обозрѣніе» съ моей статьей о Полежаевѣ, и съ того дня я уже всецѣло отдался писательству и всю свою жизнь и способности посвятилъ литературѣ.

Въ концѣ года, по обычаю того времени, появились «проспекты» о подпискѣ на 1889 годъ на иллюстрированные журналы съ рекламною строкою: «При участіи извѣстныхъ писателей и художниковъ», и въ этомъ спискѣ, обычно начинавшимся: «Альбовъ М. Н., Баранцевичъ К. С. и т. д.», стояло всюду и мое имя. Мало того: почти во всѣхъ были названы и мои произведенія, какъ уже имѣющіяся «въ портфелѣ редакціи».

Я скоро понялъ тщеславную суету этихъ анонсовъ, выкриковъ и рекламъ, но тогда былъ гордъ и доволенъ.

Съ той поры прошелъ уже ровно 21 годъ; на исходѣ и 22—и все это время я работалъ, буквально не прерывая труда и не зная ни одного продолжительнаго отдыха.

Былъ я на конѣ и подъ конемъ, видалъ и перeиспыталъ всякой дряни не мало, но ни разу я не посѣтовалъ на то, что избралъ для себя тернистый путь русскаго писателя.

Писать — это моя потребность; литература — моя стихія. Пишу я легко и быстро и могу сказать безъ преувеличенья, что мнѣ приходится въ годъ писать отъ 80 до 100 печатныхъ листовъ, изъ которыхъ въ послѣднее время выпадаютъ 2 — 3 листа, которые удовлетворяютъ меня и даютъ мнѣ сознанье, что я что-нибудь дѣлаю.

Краткое мое curriculum таково:

Литературѣ себя посвятилъ съ января 1888 года. Въ 1890 году выпустилъ первую книжку: разсказы «Тотализаторъ». Съ января 1893 года до ноября 1895 года былъ редакторомъ журнала «Звѣзда», который издавалъ П. П. Сойкинъ и потомъ продалъ. Затѣмъ съ 1 декабря 1901 года по январь 1903 года былъ редакторомъ «Живописнаго Обозрѣнія», въ издательствѣ д-ра Рамма; съ октября 1903 г. по апрѣль 1905 года редактировалъ журналъ «Воскресеніе», къ 20 сентября 1904 года присоединилъ и редактированіе журнала «Природа и Люди». Въ ноябрѣ 1905 г. у того же П. П. Сойкина сталъ редактировать газеты: сперва «Обновленную Россію», потомъ «Современную Жизнь» до закрытія ихъ въ день роспуска перваго созыва Государственной Думы 9 іюля 1906 года и за это редактированіе судился по 26 обвиненіямъ, былъ присужденъ къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ и 6 мѣсяцевъ, и отбылъ это наказаніе въ «Крестахъ» въ 1908—1909 гг.

Просматривая свою записную книжку, я невольно заинтересовался перечнемъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ я работалъ въ теченіе этого времени. И, дѣйствительно, онъ занимателенъ, какъ количествомъ названій, такъ политическими оттѣнками органовъ. Но мысленно пробѣгая свою жизнь, я могу смѣло сказать, что подъ всѣмъ написаннымъ мною я и теперь бы подписался безъ всякаго смущенья, такъ какъ ни одной строкой я не поступился своими убѣжденіями. Вотъ этотъ списокъ: 1. «Петербургская Газета».

2. «Сынъ Отечества» (у Добродѣева и потомъ у фирмы «Издатель» подъ редакціей Кривенки). 3. «Живописное Обозрѣніе». 4. «Нива». 5. «Всемірная Иллюстрація». 6. «Родникъ». 7. «Родина». 8. «Иллюстрированный Міръ». 9. «Трудъ». 10. «Звѣзда». 11. «Восходъ». 12. «Сѣверный Вѣстникъ». 13. «Русскій Вѣстникъ». 14. «Новое Время». 15. «Благовѣстъ». 16. «Славянскія Извѣстія». 17. «Свѣтъ». 18. «Петербургская Жизнь». 19. «Домашняя Библіотека». 20. «Саратовскій Дневникъ». 21. «Природа и Люди». 22. «Дѣло». 23. «Дѣтское Чтеніе». 24. «Всходы». 25. «Биржевыя Вѣдомости». 26. «Сѣверъ». 27. «Театральный Мірокъ». 28. «Наше Время». 29. «Осколки». 30. «Камско-Волжскій Край». 31. «Петербургскій Листокъ». 32. «Либавскія Новости». 33. «Русское Обозрѣніе». 34. Приложеніе къ «Гражданину». 35. «Россія» (редакція Амфитеатрова и Дорошевича). 36. «Уральская Жизнь». 37. «Русскій Листокъ». 38. «Московскій Листокъ». 39. «Иллюстрація». 40. «Сѣверный Курьеръ». 41. «Шутъ». 42. «Журналъ для всѣхъ». 43. «Вѣстникъ Европы». 44. «Новый Міръ». 45. «Родная Нива». 46. «Народное Здравіе». 47. «Задушевное Слово». 48. «Книжный Міръ». 49. «Воскресенье». 50. «Обновленная Россія». 51. «Современная Жизнь». 52. «Пробужденіе». 53. «Красныя Зори». 54. «Страна». 55. «Голосъ Правды» (редакція А. А. Коринѳскаго). 56. «Огонекъ». 57. «Новое Слово». 58. «Читальня Народной Школы». 59. «Русское Богатство». 60. «Міръ».

Много я перевидалъ редакторовъ и не мало издателей, изъ которыхъ—увы!—добрая половина, если не болѣе, представляли далекихъ отъ культуры и жадныхъ до наживы людей.

Изъ писателей, къ которымъ я питалъ особенно нѣжныя чувства, могу назвать незабвеннаго Шеллера, потомъ Чуйко, Лѣскова, Плещеева, Полонскаго, Случевскаго, Мордовцева, Всеволода Соловьева, Авенаріуса и Ясинскаго. Два послѣднихъ живы и до сихъ поръ; мы въ пріятельскихъ отношеніяхъ. За свое время не мало, въ свою очередь, я и самъ благословилъ людей на нашъ тернистый путь, изъ которыхъ не безъ гордости могу назвать писательницу Чарскую и писателя Измайлова. Понятно, за это время было у меня не мало столкновеній съ цензурою, этимъ нашимъ проклятіемъ, особенно въ дни редакторствъ; но и помимо этого случалось терпѣть отъ ея авгуровъ не мало непріятностей. Въ «Камско-Волжскій Край» я посылалъ еженедѣльно фельетоны, и рѣдкій изъ нихъ проходилъ безъ возмутительныхъ помарокъ цензора. Далѣе 12 большихъ статей были совершенно уничтожены цензурой, и мнѣ до сихъ поръ жалко неразрѣшенную, а теперь затерянную статью «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи», надъ которой я работалъ почти полгода. Бывали столкновенія и съ издателями: мелкіе обсчеты и наглые обманы, эпизоды комическіе и драматическіе.

Помню, одинъ издатель разсчитывался за разсказы по буквамъ. Такъ, фразу въ разговорѣ: «Да!» Онъ считалъ не за строку, а за двѣ буквы!.. Этотъ же издатель нѣсколько разъ уплачивалъ гонораръ книгами своего изданія.

Другой издатель, покупая романъ или повѣсть для приложеній, дѣлалъ потомъ на книжку новую обложку и выпускалъ ее въ продажу. Русскій писатель не способенъ судиться, и всѣ такія продѣлки проходили и проходятъ для издателей безнаказанно.

Что написать еще? Писать исторію прохожденія своего пути—это получилась бы длинная и, пожалуй, скучная повѣсть.

Борьба за существованіе проходитъ красной нитью черезъ всю мою жизнь, но я въ настоящее время думаю, что мы — писатели, художники, артисты — ухитряемся сами устраивать адъ своей жизни.

Начальники отдѣленій въ разныхъ департаментахъ, вице-директоры и директоры имѣютъ содержанія не больше нашихъ заработковъ, но устраиваютъ свою жизнь соотвѣтственно своему положенію. Имѣютъ достаточно на всѣхъ одѣжды, хорошее помѣщеніе, выдержанную прислугу и даже устраиваютъ пріемы.

Мы же, зарабатывая отъ 4 до 6 тысячъ, подчасъ нуждаемся въ трехъ рубляхъ на обѣдъ.

Быть-можетъ, неаккуратность и неравномѣрность получаемыхъ нами суммъ пріучаетъ насъ къ безпечной, нерасчетливой жизни,—но это зло тяготѣетъ надъ всѣми нами.

И надо мною.

Я счастливъ тѣмъ, что могу причислить себя къ семьѣ русскихъ литераторовъ, но я не благословилъ бы сына своего на этотъ тернистый путь.

Алексѣй Михайловичъ РЕМИЗОВЪ.

«...Тамъ, въ какомъ-нибудь дымномъ углу, въ конурѣ какой-нибудь, которая, по нуждѣ, за квартиру считается, мастеровой какой-нибудь отъ сна пробудился; а во снѣ-то ему, примѣрно говоря, всю ночь сапоги снились.. Это бы и ничего, и писать объ этомъ не стоило, но вотъ какое выходитъ тутъ обстоятельство: тутъ же, въ этомъ же домѣ, этажомъ выше или ниже, въ позлащенныхъ палатахъ и богатѣйшему лицу все тѣ же сапоги, можетъ-быть, ночью снились, т.-е. на другой манеръ сапоги, фасона другого, но все-таки сапоги...»

Эти сапоги, о которыхъ говоритъ Достоевскій (см. «Бѣдные люди», т. I, стр. 92. Юбилейное изд. 1906), есть дѣло каждаго. Снятся они и въ короткую и долгую ночь, и въ обѣдъ и совсѣмъ не въ показанное время, какъ придется, пока живъ человѣкъ. И странное дѣло, почему-то непремѣнно хочется разсказать о нихъ, о сапогахъ этихъ. И у однихъ выходитъ хорошо, а у другихъ,—такъ лопочутъ. Я не знаю, можетъ, у кого выходитъ хорошо, тѣмъ за это самое— въ отместку, либо въ награду, Богъ знаетъ,—такіе сапожищи въ голову лѣзутъ, пожалуй, пожалѣешь и свое умѣнье. И все-таки, какое счастье сумѣть хоть пролопотать о своемъ сапогѣ. А то вотъ у насъ паспортистъ въ домѣ, такъ онъ только когда напьется: ударитъ ему въ голову казенка—языкъ и развяжется... и все про свои сапоги, а то тихій, слова не добьешься, все паспорта прописываетъ. А то бываетъ и такъ, разсказать-то охота, да и не охота ужъ, а прямо: умру — разорвусь, а разскажу. Встрѣтилъ я недавно такого — идетъ по Гороховой, одѣтъ чистенько — въ пальто, шляпа на головѣ (бываетъ и безъ шляпы) и хохочетъ—разливается на всю улицу; видно, такому они, лаковые какіе-нибудь съ голенищами лаковыми, не ночь, а сразу ночей съ десятокъ снятся. А бываетъ и совсѣмъ по - другому—выбралъ подходящее мѣстечко, да головой бухъ въ Фонтанку: слушайте, молъ, разсказъ мой!

Въ первый разъ напечатали мой разсказъ въ «Курьерѣ» (московская газета съ участіемъ Горькаго и Л. Андреева) въ 1902. И въ этомъ же году объ эту пору познакомился я съ В. Я. Брюсовымъ, который принялъ меня въ «Сѣверные Цвѣты».

Евтихій Павловичъ КАРПОВЪ.

Моя мать умерла, когда мнѣ было три года. Отецъ, насколько помню, никогда особенно не интересовался литературой. Онъ мечталъ видѣть меня блестящимъ офицеромъ и очень былъ огорченъ, не имѣя возможности опредѣлить меня въ кадетскій корпусъ.

Братъ моей матери, Евтихій Алексѣевичъ Небольсинъ, военный инженеръ, убитый во время Севастопольской войны, при защитѣ Малахова кургана, грѣшилъ литературой. Печатался ли онъ, — не знаю, но въ его бумагахъ я нашелъ объемистую тетрадь, въ

которой его рукой написана повѣсть изъ быта дворянъ-крѣпостниковъ.

У меня рано проявилась любовь къ литературѣ. Я не знаю, кто и что заронило во мнѣ первую искру любви къ чтенію. Но я хорошо помню, какъ, будучи восьми-девяти лѣтъ, живя у смотрителя Брянскаго уѣзднаго училища, И. А. Ракитскаго, приготовляясь въ гимназію, я забирался въ пустой классъ, изъ оконъ котораго открывался чудный видъ на нижнюю часть г. Брянска, на широкую Десну, на зарѣчные, бархатные, зеленые луга, на темнѣющіе вдали дремучіе лѣса, садился съ ногами на подоконникъ и со слезами на глазахъ читалъ въ хрестоматіи Паульсона стихи Пушкина, Лермонтова, Фета, Кольцова, Никитина.

Десяти лѣтъ я въ первый разъ попалъ въ театръ на представленіе «Гамлета». Неизгладимое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ спектакль. Съ тѣхъ поръ я буквально бредилъ театромъ. Я сочинялъ пьесы и, пріѣзжая на праздники домой, разыгрывалъ пьесы и, пріѣзжая на праздники домой, разыгрывалъ их въ дѣтской, передъ сестрами, бабушкой, тетей и дворней.

Живя въ пансіонѣ, при гимназіи, мнѣ рѣдко удавалось бывать въ театрѣ; но когда отецъ переѣхалъ на жительство въ Орелъ, я тайкомъ часто удиралъ изъ дому въ театръ и, прячась на галеркѣ, испытывалъ высокое наслажденіе, смотря мелодраму «Клара Д'Обервиль», «Розовый Павильонъ» и т. п. пьесы.

Въ третьемъ классѣ гимназіи я началъ издавать журналъ, въ которомъ былъ и редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ. Тамъ я, подъ вліяніемъ повѣстей Нефедова, написалъ длиннѣйшую повѣсть «Сельскій учитель»; содержаніе ея до сихъ поръ помню. Журналъ мой скоро попалъ въ руки класснаго наставника и былъ конфискованъ за «вредное направленіе».

Четырнадцати лѣтъ я попалъ въ кружокъ развитыхъ, литературно-образованныхъ людей, интересующихся политикой и экономическими науками.

Подъ вліяніемъ мужа моей сестры, Д. М. Рогачева, я началъ усиленно заниматься чтеніемъ по выработанной имъ программѣ. Чего, чего только не было въ этой программѣ! И беллетристика, и критика, и исторія, и философія, и богословіе, и экономическія науки, и психологія, и соціологія, и біологія... Я съ жадностью поглощалъ книгу за книгой. Рогачевъ часто бесѣдовалъ со мной о прочитанномъ, давалъ указанія, объяснялъ неясныя для меня мѣста и даже вступалъ иногда со мной въ споры. Кругомъ меня постоянно шумѣли горячіе дебаты о политикѣ, о литературѣ, общественныхъ вопросахъ... Все это меня страшно волновало и занимало. Скоро среди зеленой молодежи г. Орла, гимназистовъ, семинаристовъ, гимназистокъ, образовался кружокъ самообразованія. На собраніяхъ кружка сообща читались и разбирались сочиненія русскихъ классиковъ: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Тургенева, Гончарова... Попалъ въ этотъ кружокъ и я. Зимой мы собирались по очереди у членовъ кружка. Лѣтомъ отправлялись въ Мамонову рощу, на лодкахъ, по Орлику. И тамъ, на лонѣ природы, читали «Евгенія Онѣгина», «Рудина», «Отцы и дѣти», «Герой нашего времени». Разбирали эти произведенія; захлебываясь, читали критическія статьи Добролюбова, Писарева, Чернышевскаго... До поздняго вечера раздавались наши громкіе голоса въ тиши засыпающаго лѣса. Я жилъ въ какомъ-то пріятномъ чаду, окруженный чудными образами, созданными великими писателями. Любимыми моими поэтами были Лермонтовъ и Тургеневъ. Лермонтова я зналъ почти всего наизусть. Герои Тургенева: Рудинъ, Инсаровъ, Базаровъ были моими идеалами. Изъ критиковъ я увлекался Добролюбовымъ. Помню до сихъ поръ, какое сильное впечатлѣніе производили на меня его статьи: «Темное царство», «Когда же настанетъ настоящій день», «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». Волновалъ и зажигалъ Писаревъ, во многомъ помогъ разобраться Бѣлинскій, но глубоко полюбить литературу заставилъ меня Добролюбовъ.

Въ это время въ Орелъ пріѣхала труппа П. М. Медвѣдева. Въ ея составѣ были выдающіеся артисты и артистки: Стрепетова, Савина, Гусева, Кудринъ, В. Н. Давыдовъ, П. М. Медвѣдевъ, Погодинъ, Александровскій и многіе другіе.

П. М. Медвѣдевъ, большой поклонникъ Островскаго, въ основу репертуара положилъ его пьесы. Москвичъ по происхожденію, Медвѣдевъ прекрасно понималъ духъ пьесъ Островскаго; тщательно, съ любовью ихъ ставилъ; заботился о стройности исполненія. Талантливая труппа, хорошо сыгравшаяся, представляла пьесы Островскаго неподражаемо. Увидавъ въ исполненіи труппы Медвѣдева «Грозу», я пришелъ въ неописуемый восторгъ и сдѣлался страстнымъ театраломъ. Всѣ деньги, которыя я получалъ, я тратилъ на билеты въ галерку.

Островскій, освѣщенный Добролюбовымъ, представленный на сценѣ талантливой труппой Медвѣдева, сталъ моимъ любимымъ драматургомъ. Я принялся самъ сочинять пьесы. Моя первая комедія называлась «Мышеловка». Содержанія ея я не помню, но хорошо помню, что я читалъ ее въ кружкѣ молодежи и заслужилъ похвалы.

Начиная съ пятнадцати лѣтъ, я постоянно писалъ разсказы, повѣсти, очерки, пьесы и даже грѣшилъ стихами...

Въ 1875 г., попавъ въ кружокъ студентовъ-народниковъ и рѣшивъ навсегда уйти въ народъ, я, не безъ сожалѣнія, сжегъ всѣ свои писанія.

Литературныя занятія я возобновилъ въ тюрьмѣ, куда попалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія въ народѣ.

Я просидѣлъ въ тюрьмѣ, съ небольшими перерывами, около двухъ лѣтъ. Сознаніе недостаточности научной подготовки для общественной дѣятельности и скука одиночнаго заключенія помогли мнѣ пріобрѣсти много знаній. Читалъ я до одурѣнія цѣлые дни и ночи. Буквально глоталъ книги. Я заболѣлъ, какъ опредѣлилъ докторъ, отъ умственнаго переутомленія.

Мнѣ запретили читать, отобрали книги, кромѣ Евангелія и Библіи.

Я принялся за Библію. И здѣсь, въ тюрьмѣ, я въ первый разъ постигъ глубокую, поэтическую красоту этой чудной книги. Ея житейскую мудрость, ея поразительный, по необъятности фантазіи, символизмъ, ея страстную поэтичность любовныхъ пѣсенъ, ея проникнутую горячей, непоколебимой вѣрой въ пришествіе Мессіи, въ наступленіе царства правды, исторію жизни человѣчества.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія, по моей просьбѣ, мнѣ было разрѣшено имѣть письменныя принадлежности. Въ домѣ предварительнаго заключенія во мнѣ снова проснулась страсть къ писательству. Здѣсь я написалъ мой первый очеркъ «Ополченецъ», который былъ напечатанъ въ журналѣ «Свѣтъ», издаваемомъ подъ редакціей Л. Е. Оболенскаго, въ апрѣлѣ и маѣ 1879 года, подъ псевдонимомъ Владиміръ Друхановъ. Не берусь описать того волненія, которое я испыталъ, увидавъ свое первое произведеніе въ печати. Я ходилъ весь день въ какомъ-то чаду, радостно взволнованный и необыкновенно гордый. Моя мечта осуществилась,—я писатель. Мой очеркъ напечатанъ въ журналѣ! Скоро я принялся за драму, сюжетъ которой у меня уже давно былъ набросанъ. Я писалъ, не вставая, цѣлые дни. Недѣли въ двѣ у меня была готова драма въ пяти дѣйствіяхъ «По разнымъ дорогамъ». Два первыхъ дѣйствія я написалъ въ тюрьмѣ, остальныя—на волѣ. Черезъ Л. Е. Оболенскаго я познакомился съ І. І. Ясинскимъ. Онъ редактировалъ тогда журналъ «Слово» и начиналъ работать по беллетристикѣ. По вторникамъ у него собирались литераторы и, за чашкой чая, вели бесѣды о появившихся въ свѣтъ новыхъ произведеніяхъ, а иногда и читали здѣсь свои еще ненапечатанныя работы. На вторникахъ бывало много литераторовъ. Бывалъ Боборыкинъ, Коробчевскій, Арсеній Введенскій и другіе. Постоянными посѣтителями вторниковъ были: М. Н. Альбовъ, К. С. Баран-

цевичъ, Осиповичъ и я. Въ развитіи моихъ литературныхъ симпатій и вкусовъ этотъ кружокъ сыгралъ большую роль. І. І. Ясинскій въ это время очень увлекался французской литературой. Золя, Додэ и въ особенности Флоберъ страстно захватывали его. Флобера онъ изучалъ съ большой тщательностью и кропотливостью. Помню, когда вышелъ романъ «Бюваръ и Пекюше» Флобера, въ русскомъ переводѣ, мы нѣсколько вечеровъ подъ рядъ читали и разбирали его. Іеронимъ Іеронимовичъ приходилъ въ неописуемый восторгъ отъ этого произведенія Флобера. Признаюсь, я не раздѣлялъ его восторговъ этимъ романомъ, но вообще увлекся французской литературой и основательно принялся за чтеніе Золя, Додэ, Флобера, братьевъ Гонкуръ и ихъ молодыхъ послѣдователей. Въ октябрѣ 1880 года меня снова арестовали и отправили въ Вышневолоцкую центральную политическую тюрьму, объявивъ, что я ссылаюсь въ Восточную Сибирь. Здѣсь, дожидаясь отправки въ Сибирь, мнѣ пришлось просидѣть до мая 1881 года. Я снова усердно принялся за писанье. Добрый и крайне оригинальный человѣкъ, смотритель тюрьмы, капитанъ И. П. Лаптевъ, о которомъ у меня сохранились самыя хорошія воспоминанія, отвелъ мнѣ отдѣльную камеру для занятій, далъ письменныя принадлежности, и приказалъ надзирателямъ соблюдать въ моемъ коридорѣ тишину. Въ Вышневолоцкой тюрьмѣ я написалъ драму «Тяжкая доля» и нѣсколько главъ изъ романа «Прологъ драмы».

Меня сослали въ Красноярскъ. Я попалъ въ кружокъ политическихъ ссыльныхъ. Насъ было въ Красноярскѣ болѣе 50 человѣкъ. Изъ Кіева, Одессы, Харькова, Варшавы, Москвы, Петербурга и другихъ городовъ. Жили мы довольно дружно, что далеко не всегда бываетъ въ ссылкѣ. Въ Красноярскѣ случайно подобрался весьма интеллигентный и хорошій составъ ссыльныхъ. Мы часто собирались, читали вмѣстѣ новые журналы, сами писали рефераты по научнымъ и общественнымъ вопросамъ, обсуждали

политическія событія. Вообще жили умственными интересами. Въ кружкѣ ссыльныхъ я прочелъ свою драму «Тяжкая доля». Пьеса понравилась моимъ товарищамъ, и одинъ изъ нихъ, одесситъ, Г. Г. Кобылинскій, посовѣтывалъ мнѣ отправить мою пьесу на конкурсъ въ Одесскій университетъ. Послѣ долгихъ колебаній я рѣшилъ попытать счастья. Долго мнѣ пришлось ждать отвѣта.

Правда, я былъ убѣжденъ, что моя пьеса не возьметъ преміи, но гдѣ-то глубоко все же тлѣла надежда. Изъ Красноярска я, пробывъ тамъ годъ, былъ переведенъ въ Вологду. Я хорошо не зналъ срока присужденія преміи и, не получая долго никакихъ извѣстій изъ Одессы, потерялъ всякую надежду на полученіе преміи. Какъ вдругъ, въ началѣ сентября, я получаю телеграмму изъ Одессы отъ Кобылинскаго, что моя пьеса взяла премію Вучины. Помимо, такъ сказать, славы, мнѣ предстояло получить 250 р. Я, живя въ Вологдѣ съ семьей, страшно нуждался. Весь мой заработокъ, корреспондента газеты «Голосъ», ограничивался десятью-пятнадцатью рублями въ мѣсяцъ, да и то далеко не аккуратно получаемыми. Понятно, съ какой радостью я принялъ извѣстіе о присужденіи мнѣ преміи. Я воспрянулъ духомъ и еще ревностнѣй принялся за работу. Изъ Вологды я послалъ въ «Русскія Вѣдомости» очеркъ «Въ Таврію», который былъ тамъ немедленно напечатанъ. Гонораръ я получилъ весьма приличный для начинающаго.

«Тяжкую долю» я отправилъ въ дирекцію Императорскихъ театровъ, съ просьбою ее поставить. Литературно-театральный комитетъ единогласно одобрилъ пьесу къ представленію; но, тѣмъ не менѣе, она не была поставлена на Императорской сценѣ.

Отзывъ профессора Некрасова, декана историко-филологическаго факультета, былъ крайне благопріятный и лестный для меня. Онъ, главнымъ образомъ, хвалилъ меня за хорошій народный языкъ, какимъ написана драма. Въ январѣ 1882 года «Тяжкая доля» была поставлена на сценѣ Вологодскаго театра, въ

пользу недостаточныхъ студентовъ-вологжанъ. Пьеса имѣла успѣхъ, и хотя не принесла мнѣ никакой матеріальной выгоды, но наградила лаврами и ссылкой въ отдаленный Устьсысольскъ. Бывшему тогда вологодскому губернатору, А. Н. Масолову, показалось невмѣстнымъ, что мнѣ сдѣлали овацію, какъ автору. Онъ донесъ въ Петербургъ, что въ театрѣ по моему адресу была устроена политическая шумная демонстрація, и что меня, для безопасности общественнаго спокойствія, надо сослать въ Устьсысольскъ.

Въ концѣ марта, я, ночью, съ необычной поспѣшностью, подъ строгимъ конвоемъ, былъ отправленъ изъ Вологды. За исключеніемъ этой «маленькой непріятности», я не могу пожаловаться, чтобы мои «первые шаги» на литературномъ поприщѣ были особенно тернисты. Гонораръ, за малымъ исключеніемъ, мнѣ платили аккуратно (даже за первый мой очеркъ Л. Е. Оболенскій заплатилъ мнѣ хорошо). Статьи хотя иногда и возвращали, но онѣ помѣщались скоро въ другихъ изданіяхъ.

Я никогда не былъ доволенъ тѣмъ, что я написалъ, но все же я глубоко счастливъ, что судьба привела меня на дорогу литератора и заставила работать на поприщѣ, почтеннѣе и важнѣе котораго въ жизни я не знаю.

Евгеній Михайловичъ БЕЗПЯТОВЪ.

Таясь отъ всѣхъ, стыдясь и крадучись, лелѣялъ я свою любовь къ литературѣ. И съ самыхъ раннихъ лѣтъ какое-то патологическое безудержное чтеніе безъ плана, безъ системы, безъ разбора. Но я объ этомъ не жалѣю. Наоборотъ, давайте дѣтямъ читать все, пусть сами пріучаются работать надъ самымъ лучшимъ, что есть въ человѣкѣ—надъ мыслью.

Пусть это будетъ ересью, — но какъ можно больше книгъ, книгъ и книгъ и поменьше футболовъ, велосипедовъ, воздухоплаванія и Шерлоковъ Холмсовъ.

Героическая борьба моей матери съ нуждой, колоссальная работа воспитанія огромной семьи безъ всякой поддержки со стороны богатой родни,—все это не могло создать благопріятной почвы для развитія въ ребенкѣ художественныхъ началъ.

Поэтому и остается одно лишь чтеніе, чтеніе до самозабвенія въ ущербъ, быть-можетъ, школьнымъ занятіямъ, здоровью и т. д. Правда, здѣсь не безъ наслѣдственности: моя мать, вѣчно живая, энергичная и бодрая въ тяжелой работѣ своей, не отрывалась до глубокой ночи отъ книги, когда всѣ дѣти спали.

То же надо сказать и о театрѣ. Отца я совершенно не помню, но, по преданію, и онъ былъ страстнымъ театраломъ и другомъ знаменитаго Васильева I.

Первые литературные опыты мои, конечно, исчезли, но это было въ раннемъ дѣтствѣ 10—11 лѣтъ. И, разумѣется, стихи. Проза началась въ IV классѣ гимназіи подъ рѣзкимъ и исключительнымъ вліяніемъ Достоевскаго, который къ тому времени былъ основательно прочитанъ, какъ это видно по оставшимся запискамъ. Вотъ писатель, который является спутникомъ всей моей жизни. И здѣсь наслѣдственность: разсказываютъ, что мать моя варила супъ и, стоя у плиты, держала подъ мышкой «Карамазовыхъ».

Жизненный опытъ и обстановка, развившіе любовь къ труду и литературѣ,—нужда и одиночество. Я въ дѣтствѣ не имѣлъ игрушекъ, а книги были въ изобиліи. Старшій братъ такъ даже организовалъ постоянную игру «въ библіотеку», на что уходили цѣлые вечера.

Учился я, конечно, скверно, т.-е. лишь настолько, чтобъ быть освобожденнымъ отъ платы и переходить изъ класса въ классъ.

Для иллюстраціи приведу одинъ курьезный случай.

Одинъ богатый дядя соблаговолилъ позвать на елку бѣдныхъ родственниковъ. Мнѣ было лѣтъ 10—12.

Всѣмъ дѣтямъ были розданы подарки,—о счастье!—я получаю книгу. Развертываю и глазамъ своимъ не вѣрю: «Маменькины сказки» Гофмана! Это мнѣ-то «Маменькины сказки», когда и Гоголь, и Пушкинъ, и Жюль Вернъ — все это были уже добрые и неразлучные друзья! Большей обиды я въ жизни не переносилъ.

Единственнымъ человѣкомъ, глубоко повліявшимъ на меня въ смыслѣ развитія литературности, былъ преподаватель русскаго языка въ VII Петербургской гимназіи А. А. Цвѣтковъ [1]). Вѣчная память этому цѣльному человѣку, крѣпко и умно любившему своихъ учениковъ! Онъ зналъ и любилъ родную рѣчь, родную литературу. Онъ такъ ревниво оберегалъ чистоту русскаго языка, что мы всѣ, его ученики, съ самыхъ раннихъ лѣтъ привыкли чтить дивныя красоты и музыку русской литературы.

Свою литературу дѣтскаго періода я, слава Богу, во-время уничтожилъ, и только уцѣлѣлъ десятокъ-другой стиховъ съ датами 1888 года.

Я никогда не стремился къ печати. Причина этому, конечно, робость и «секретность» творчества; но первые стишонки были напечатаны втайнѣ отъ всѣхъ на пятнадцатомъ году и настолько втайнѣ, что никакихъ слѣдовъ отъ нихъ уже не осталось. Впослѣдствіи кой-гдѣ случайно, подъ самыми разнообразными псевдонимами, проходило какое-нибудь стихотвореніе, напримѣръ, въ «Журналѣ для всѣхъ» (самое первоначальное изданіе), въ «Живописномъ Обозрѣніи» и т. д. И какъ хорошо, что отъ всѣхъ этихъ попытокъ не осталось даже слѣдовъ!

Въ 1898 году издалъ я маленькій сборникъ своихъ произведеній, подъ заглавіемъ «Лютикъ». Въ продажу онъ не поступилъ, а разошелся по рукамъ.

Первый гонораръ я получилъ отъ покойнаго издателя «Научнаго Обозрѣнія» М. М. Филиппова, удивительно привѣтливаго и доброжелательнаго къ юношескимъ работамъ человѣка. Это было около 1894 г. Я работалъ у М. Филиппова нѣсколько лѣтъ, гдѣ помѣстилъ цѣлый рядъ научныхъ статей, какъ, напр.: «Физіологическія условія эмоцій», «Къ вопросу о цвѣтномъ слухѣ», «Главные моменты въ исторіи біологіи» и т. д. Кажется, тогда же я напечаталъ въ «Жизни» и стихи, и научныя работы, но—даромъ.

[1]) Другъ Помяловскаго, описанный имъ въ «Бурсѣ» подъ именемъ «Огурца».

Первыми критическими отзывами почтили меня «Русское Богатство» (очень сочувственно и одобрительно) и «Міръ Божій» (грубо и неуклюже) за мои разсказы: «Жиганъ», «Что освѣтило солнце» и «Весною», напечатанные въ 1896 году въ «Университетскомъ Сборникѣ» подъ ред. Майкова, Григоровича и Полонскаго.

На вопросъ (по-моему, крайне важный въ исторіи литературнаго развитія каждаго писателя) о томъ, какъ относились родственники и постороннія лица къ литературной работѣ моей, скажу одно: да будетъ имъ стыдно! Одна мать... ну, такъ вѣдь она же и мать...

Настоящая же литературная дѣятельность моя начинается съ 1903 года, со времени постановки на сцену первой моей пьесы «Лебединая пѣснь», и здѣсь оканчиваются мои «первые литературные шаги». Дальше идетъ уже лихорадочная, полная тревогъ и огорченій, труда и радостей жизнь съ неослабнымъ интересомъ и неостывающей любовью къ литературѣ. О, странная это любовь! Какая-то безрадостная, всегда неудовлетворенная.

Матеріально никогда я не былъ заинтересованъ въ своей литературной работѣ. Быть-можетъ, оттого-то въ ней мало напряженія, какъ съ качественной, такъ и съ количественной стороны, и во всей моей дѣятельности тѣсно и органически сплетаются и врачъ, и литераторъ, и театралъ, и ученый.

— Ich liebe Den, der über sich selber hinaus schaffen will und so zu Grunde geht... [1]).

[1]) «Я люблю того, кто хочетъ создать нѣчто выше себя и такъ погибаетъ». *Ницше.*

Такъ говорилъ тотъ, кто смѣлъ мыслить и творить выше себя. Но намъ, эпигонамъ великой русской литературы, остается въ удѣлъ честно и искренно творить свою красоту, маленькую и, можетъ-быть, неглубокую, но *свою*, чтобы быть въ правѣ предстоять въ томъ Пантеонѣ, гдѣ свѣтятъ міровые свѣтильники: Достоевскій, Гоголь, Тургеневъ, Пушкинъ, Толстой, и гдѣ творится великая любовь...

А «любовь — аминь вселенной...» [1]).

Иванъ Алексѣевичъ БѢЛОУСОВЪ.

1) Прямое.

2) Учитель городского училища, гдѣ я получилъ образованіе.

3) Жизненная обстановка въ дѣтствѣ и юности, въ смыслѣ развитія литературнаго таланта, была самая неблагопріятная: у отца была портновская мастерская; я помогалъ отцу въ дѣлѣ съ дѣтства. Жили бѣдно. Книги первыя были народнаго изданія: «Бова Королевичъ», «Еруслапъ Лазаревичъ», «Гуакъ»,—то, что читалось рабочими въ мастерской.

5) Стихи А. Н. Плещеева.

7) Одно изъ первыхъ произведеній—стихи (не помню какіе), которые написаны по просьбѣ учителя для того, чтобы замѣнить текстъ какой-то малорусской пѣсенки, чтобы исполнять ее въ классномъ хоровомъ пѣніи.

11) Первыя два стихотворенія были напечатаны оба вмѣстѣ въ одномъ № газеты «Свѣтъ» 1882 года 26 февраля.

12) Не было.

---

[1]) Новалисъ.

13) Нѣтъ.

17) Напечатано безплатно, но за это высылалась газета.

20) Не было никому извѣстно.

21) За подписью имени и фамиліи.

23) Чувствовалось удовлетворенье и подъемъ духа.

25) Жилъ не литературнымъ трудомъ, а потому вопросъ отпадаетъ.

Александръ Модестовичъ ХИРЬЯКОВЪ.

Отецъ мой и мать, оба любили литературу, много читали и обладали хорошо развитымъ литературнымъ вкусомъ. Отецъ, какъ и многіе образованные люди его времени (онъ родился въ 1813 году), довольно свободно владѣлъ стихомъ и любилъ иногда, исключительно для самого себя, повѣрять бумагѣ свои мысли. Писалъ онъ и переводилъ, главнымъ образомъ, научныя сочиненія. Изъ беллетристики мнѣ извѣстенъ только его переводъ одной шведской пьесы и переводъ извѣстнаго стихотворенія Пушкина «Талисманъ» на шведскій языкъ.

Отецъ среди своихъ знакомыхъ славился какъ прекрасный чтецъ и обыкновенно по вечерамъ онъ читалъ моимъ братьямъ и мнѣ вслухъ наиболѣе выдающіяся произведенія міровой литературы.

Мнѣ было около пяти лѣтъ, и я еще не умѣлъ читать, но помню, какъ сейчасъ, какое огромное наслажденіе доставляло мнѣ чтеніе отцомъ «Иліады» и «Одиссеи», «Руслана и Людмилы», пушкинскихъ сказокъ и балладъ Жуковскаго, «Наля и Дамаянти» и т. п. Приблизительно въ это же время меня заставляли ко дню именинъ или рожденія отца выучивать стихотворенія Державина, Пушкина и Лермонтова. И

мнѣ доставляло большое удовольствіе повторять звучныя строфы Державинской оды: «Съ бѣлыми Борей власами и съ сѣдою бородой, потрясая небесами, облака сжималъ рукой».

Вслѣдствіе переѣздовъ изъ провинціи въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Петрозаводскъ и совпавшей съ этими переѣздами болѣзни матери, я выучился читать довольно поздно, лѣтъ семи. Но зато, когда выучился, то набросился на книги съ ненасытной жадностью, перечитывая нѣкоторыя по нѣскольку разъ. Однѣ изъ первыхъ прочитанныхъ книгъ были сочиненія Жюль Верна, Купера, «Путешествіе Гуливера» Свифта и разсказы Чистякова, изъ которыхъ «Святославъ, князь Липецкій» былъ прочитанъ, по крайней мѣрѣ, разъ восемь.

Первая попытка писать была сдѣлана лѣтъ въ 12, уже въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ разсказа одного родственника о томъ, какъ его знакомые студенты, вслѣдствіе крайней бѣдности, должны были питаться кониной. Помню, что я тогда же сшилъ себѣ небольшую тетрадь и озаглавилъ свое первое произведеніе— «Студенты». Повѣсть.

Но дальше пяти-шести страницъ повѣсть не подвинулась.

Находясь въ старшихъ классахъ гимназіи и увлекаясь былинами, я попробовалъ изложить стихами былину объ Ильѣ Муромцѣ и Сокольникѣ. Отецъ показывалъ этотъ опытъ академику Я. К. Гроту и тотъ, быть-можетъ, изъ любезности, а можетъ - быть, и искренно, одобрилъ. Я попробовалъ послать стихотвореніе въ «Ниву», и тамъ оно погибло.

Слѣдующая попытка печататься была только лѣтъ черезъ семь. Я написалъ два стихотворенія и отнесъ въ «Вѣстникъ Европы». Когда пришелъ за отвѣтомъ, мнѣ ихъ очень любезно возвратили, прибавивъ, что возвращеніе ихъ не значитъ, что они не могутъ быть напечатаны въ другомъ журналѣ. Тогда я отнесъ ихъ въ «Сѣверный Вѣстникъ», и поэтъ Плещеевъ одно изъ нихъ напечаталъ, предложивъ прибавить одинъ

вступительный куплетъ, а другое за нецензурностью возвратилъ.

Заплатили мнѣ за это стихотвореніе по 50 к. за строку, и этотъ первый гонораръ, а главное, самое появленіе моего стихотворенія за моей подписью въ печати наполнили мое сердце «великолѣпной гордостью».

Въ слѣдующемъ году одно мое стихотвореніе было напечатано въ «Русскомъ Богатствѣ» у Л. Е. Оболенскаго.

Появленіе моихъ стихотвореній въ печати, доставляя мнѣ большое удовольствіе, все-таки не будило во мнѣ сознанія, что я писатель, поэтъ, литераторъ. Жизнь шла своимъ чередомъ, а стихи являлись чѣмъто случайнымъ, неожиданнымъ.

Въ 1889 г. я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію и всецѣло погрузился въ занятія сельскимъ хозяйствомъ. Пахота, посѣвъ, косовица, жнитво, молотьба и т. п. дѣла отодвинули куда-то далеко литературные интересы. И вотъ, придя съ возами сѣна въ городъ, я зашелъ въ городскую читальню и, просматривая журналы, увидалъ подъ однимъ изъ разсказовъ незнакомую мнѣ подпись И. Потапенко. Читаю и чувствую несомнѣнный талантъ автора. Беру другой журналъ и нахожу повѣсть въ стихахъ Д. Мережковскаго «Вѣра». Читаю, наслаждаюсь, а нѣкоторыя строфы вызываютъ прямо восторгъ. Возвращаюсь обратно къ своему хозяйству и чувствую, что все это хозяйство со всѣми его удачами и разочарованіями для меня совершенно ничтожно по сравненію съ появленіемъ на литературномъ горизонтѣ талантливаго автора или даже нѣсколькихъ яркихъ строфъ, красивыхъ образовъ, мѣткихъ сравненій.

Въ эту минуту я почувствовалъ въ себѣ литератора, возлюбилъ литературу всѣмъ сердцемъ и званіе литератора сталъ предпочитать всякому другому.

Такого мнѣнія держусь и теперь, несмотря ни на какія тернія, которыми украшенъ путь литератора въ наше «конституціонное» время.

Что касается матеріальной обезпеченности, то она подвержена довольно значительнымъ колебаніямъ. Жаловаться на какія-либо особенныя неудачи не приходится, но все же вспоминается иногда стихъ Омулевскаго:

«Не проработалъ день,
Нѣтъ хлѣба на другой».

Дмитрій Михайловичъ ЦЕНЗОРЪ.

Вотъ общія, внѣшнія черты того, какъ я сдѣлался писателемъ.

Помню, въ дѣтствѣ, когда мнѣ было лѣтъ 6—8, я съ братьями и сестрами усаживался куда-нибудь въ темный уголъ и разсказывалъ разныя невѣроятныя исторіи. Мы очень увлекались, и въ минуты наибольшаго вдохновенія я разсказывалъ стихами. Я безъ конца могъ импровизировать наивными дѣтскими стихами фантастическія сказки. Онѣ часто носили юмористическій оттѣнокъ.

Когда сталъ учиться, я запомнилъ наизусть множество стихотвореній, главнымъ образомъ, Пушкина. Мой отецъ, бѣдный, необразованный человѣкъ, пившій запоемъ,—но очень одаренный,—развивалъ и поддерживалъ во мнѣ эту любовь къ поэзіи (и еще къ рисованію).

Первыя поэтическія настроенія зародились во мнѣ очень рано. Почти все дѣтство и раннюю юность я провелъ въ Ярославлѣ, на Волгѣ и въ Ростовѣ (Ярославскомъ), гдѣ много провинціальной тишины и поэзіи. Меня никто не воспитывалъ. Я жилъ мальчишеской, уличной жизнью и имѣлъ возможность съ дѣтства близко соприкоснуться съ природой и страстно ее полюбить. Съ дѣтства много поэтическихъ переживаній будилъ во мнѣ женскій образъ.

Первое болѣе или менѣе «правильное» стихотвореніе написалъ, когда мнѣ было лѣтъ двѣнадцать. Въ тѣ годы на меня вліяли стихи Надсона.

Первое стихотвореніе напечаталъ лѣтъ семнадцати въ «Виленской Газетѣ» и подписалъ инициалами.

До 16—17 лѣтъ писалъ лирическіе стихи,—о природѣ и любви.

Въ 17 лѣтъ я попалъ въ Сѣверо-Западный край,—Ковно и Вильну, и много увидѣлъ горя и страданія еврейской бѣдноты въ чертѣ осѣдлости. Я полюбилъ болѣзненную, сумеречную жизнь кривыхъ еврейскихъ кварталовъ. Прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, сильно увлекся соціальными науками, общественными идеалами и былъ захваченъ настроеніями пролетарской молодежи, среди которой, главнымъ образомъ, вращался. Я начинаю сознательно подавлять въ себѣ склонность къ чистой, субъективной лирикѣ и пишу стихи только на гражданскія темы. Мои товарищи своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ чистому искусству поддерживаютъ во мнѣ увлеченіе гражданской народолюбивой поэзіей.

Въ годы ранней юности я написалъ огромное количество стихотвореній, которыя почти всѣ были сожжены моей квартирной хозяйкой во время одного обыска, въ мое отсутствіе.

Въ 1901—02 гг. я попалъ въ Одессу, и тамъ началось мое возрожденіе. Я поступилъ въ художественную школу и всецѣло отдался искусству. Во мнѣ снова пробуждается лирикъ. Увлекаюсь Фридрихомъ Ницше.

Въ Одессѣ мои стихи попали къ поэту А. М. Федорову и С. Полякову. Они убѣдили меня отдать стихи въ печать. Я сталъ очень часто печататься въ «Одесскихъ Новостяхъ», гдѣ встрѣтилъ чуткое отношеніе редактора Л. Хейфеца. Въ то же время я познакомился съ К. Чуковскимъ и Влад. Жаботинскимъ, тогда еще только начинавшими свою литературную дѣятельность. Это знакомство имѣло въ то время на меня, несомнѣнно, благотворное вліяніе.

Затѣмъ я печатался въ «Южныхъ Запискахъ» М. А. Славинскаго. Изъ Одессы я посылалъ стихи въ «Русское Богатство», но получилъ отъ П. Я. отвѣтъ, который содержалъ въ себѣ нѣсколько лестныхъ для меня замѣчаній и совѣтъ,—не стремиться въ печать, поработать года два въ тиши кабинета, чтобы рѣшить окончательно, истинное ли у меня дарованіе, или только «плѣнной мысли раздраженье».

По молодости, я не принялъ полезнаго совѣта и продолжалъ печататься въ одесскихъ изданіяхъ и кое-какихъ петербургскихъ. Съ 1903 года я сталъ жить въ Петербургѣ. Покойный А. Я. Острогорскій взялъ у меня кое-что для «Образованія». И вслѣдъ за этимъ мои стихи были приняты въ «Міръ Божій» (теперь «Современный Міръ»). Здѣсь я встрѣтилъ большую нравственную поддержку въ Ѳ. Д. Батюшковѣ.

Въ то же время, однимъ изъ главныхъ, оказывалъ на меня вліяніе кружокъ, группировавшійся вокругъ Вячеслава Иванова. На «средахъ» В. Иванова, въ то время пользовавшихся большой популярностью, развился и окрѣпъ мой художественный вкусъ.

Печатался я уже во многихъ столичныхъ изданіяхъ.

Какъ это ни курьезно, но въ первое время мнѣ очень вредила моя фамилія. Многіе редакторы не хотѣли ее печатать, находя неудобной... Были инциденты съ цензорами, видѣвшими въ моей подписи насмѣшку надъ ними. И я иногда подписывался только «Дмитрій Ц.».

Начиная съ 1905 г., меня, какъ и всѣхъ поэтовъ, захватила революція, и стихи мои принимаютъ гражданскій боевой характеръ. Два-три года живу возбужденной жизнью среди учащейся молодежи (посѣщаю Академію Художествъ и университетъ) и артистической богемы. Безчисленное количество разъ читаю стихи на студенческихъ балахъ и вечеринкахъ. Потомъ снова поворачиваю въ сторону интимной, субъективной лирики, и чѣмъ дальше, тѣмъ проще и непосредственнѣе пишу стихи. Печатаюсь въ большинствѣ русскихъ передовыхъ изданій.

Изъ современныхъ русскихъ поэтовъ мнѣ ближе другихъ—К. Бальмонтъ и А. Блокъ. Они оказали на меня вліяніе.

Въ настоящее время ни къ какому кружку, ни къ одной изъ литературныхъ группъ близко не примыкаю и литературную жизнь веду совершенно самостоятельно, особнякомъ. Въ послѣдніе годы я, кажется, нашелъ свою мелодію.

Издалъ двѣ маленькія книжки стиховъ, имѣющія случайный характеръ: «Старое Гетто» въ 1907 г. и «Крылья Икара» (стихи 1905—06 гг.) въ 1909 году. Въ настоящее время выпускаю первый томъ лирики: «Легенда будней».

Читалъ много, но безъ системы. Моими излюбленными писателями были: Пушкинъ, Лермонтовъ, Чеховъ, Кнутъ Гамсунъ, Шелли, Тютчевъ и Жоржъ Роденбахъ.

Изабелла Аркадьевна ГРИНЕВСКАЯ.

Въ отвѣтъ на вашу повѣстку я прежде всего хочу сказать вамъ нѣсколько словъ о начатомъ вами дѣлѣ.

Обычныя біографіи писателей, особенно живущихъ, предпосылаемыя въ сборникахъ къ образчикамъ сочиненій каждаго изъ нихъ, сводятся къ сухимъ фактамъ и числамъ. Родился тогда-то, тамъ-то, учился тамъ-то, выступилъ на литературномъ поприщѣ тогда-то...

Когда подобныя свѣдѣнія даются объ умершихъ писателяхъ, произведенія и духовная личность которыхъ хорошо извѣстны всѣмъ, то такіе обзоры, какъ краткое повтореніе, могутъ быть оправдываемы... Но что говорятъ эти наклейки къ портретамъ писателей, еще не завершившихъ своего круга и о кото-

рыхъ даже и нельзя было бы сказать не только всего, но многаго.

Сборники съ подобными біографіями, обыкновенно сопровождаемые портретами, мнѣ кажутся энтомологическими ящиками, въ которыхъ насѣкомыя аккуратно торчатъ на булавкахъ, всѣ съ одинаково расправленными крылышками, мертвыя, неподвижныя, оставляющія равнодушнымъ сердце.

Одно восклицаніе вызываетъ такая коллекція: какъ ихъ много и какъ пестро. Повторю: когда говорятъ о живущемъ и дѣйствующемъ писателѣ, то сухой перечень офиціальныхъ фактовъ его жизни никого не можетъ привлечь ни къ его личности, ни къ его сочиненіямъ.

Даже портретъ, прилагаемый къ нимъ, который могъ бы еще возбудить къ себѣ вниманіе людей съ развитымъ воображеніемъ, теряетъ отъ этихъ описаній всякій интересъ.

Каждый изъ писателей, включенный въ такія коллекціи, навѣрное, думаетъ: «Издатель, вмѣсто *біографіи* дайте лучше еще одинъ образчикъ моихъ сочиненій. Читатели, читайте меня: прочитавъ, вы узнаете меня, и можетъ-быть, и полюбите меня». А вѣдь такова цѣль всѣхъ сборниковъ: чтобы читатель полюбилъ сочиненія писателя и его самого.

Вы хотите именно дать нѣчто живое о писателяхъ. Вы хотите открыть завѣсу съ ихъ духовной жизни, хотя бы въ теченіе ихъ первыхъ шаговъ на литературномъ пути.

Вамъ желательно имѣть вѣсти не только объ успѣхахъ писателя, о которыхъ часто кичливо указываются на юбилеяхъ ихъ, вамъ интересно знать и терніи, устилающіе путь ихъ къ... могилѣ, конечно.

Говорю къ «могилѣ», а не къ славѣ и благополучію; у насъ слава такъ похожа на несчастіе, а блага получаемыя до того въ большинствѣ случаевъ ничтожны и не отвѣчаютъ труду, затраченнымъ силамъ и матеріальнымъ жертвамъ, что приходится, говоря

о конечной цѣли писателя, говорить только о могилѣ.

Великій Владиміръ Соловьевъ жилъ въ квартирѣ, меблировка которой состояла изъ простыхъ двухъ стульевъ и простого стола и т. п., а слава его сопровождалась такими иглами, что врядъ ли она могла доставить ему удовольствіе.

Хотя и тутъ за недостаткомъ мѣста, а главное по многимъ причинамъ нельзя сказать всего, но все же съ радостью отвѣчаю вамъ на ваши вопросы.

1) Несомнѣнно, все, что могутъ во мнѣ цѣнить, я получила въ наслѣдство отъ родителей, главнымъ образомъ, отъ матери, а также атавистическимъ путемъ. Среди моихъ дѣдовъ и прадѣдовъ были выдающіяся, оригинальныя личности. Любовь къ литературѣ была у матери. Пушкинъ, Лермонтовъ, Мицкевичъ были ея любимыми писателями. Изъ нѣмецкихъ классиковъ она чаще всего вспоминала драму «Торквато Тассо» Гете.

У одной изъ моихъ тетокъ со стороны отца тоже была большая начитанность въ нѣмецкой литературѣ.

Она особенно любила «Die Braut von Messina».

2) Кто препятствовалъ развитію моего литературнаго таланта?—Если въ томъ и были прегрѣшившія лица, то это были грѣшники невольные. Конечно, это были лица близкія, наиболѣе любившія меня, мѣшавшія мнѣ учиться, возиться въ моихъ тетрадяхъ и книгахъ изъ опасенія за мое здоровье. Можно ли ихъ винить, что они думали о моемъ благѣ, а не о «благѣ» литературы, требующей жертвъ отъ своихъ служителей. Но кто ставилъ на пути моемъ преградъ наиболѣе, — такъ это была я *сама*, взявши на себя нѣкоторыя заботы, которыя были непосильны для моихъ слабыхъ юныхъ плечъ. Но, быть-можетъ, испытанныя мною вслѣдствіе этого затрудненія, которыхъ иначе бы не было, внесли новый элементъ въ источникъ страданій, изъ котораго питается всякая муза: «Страданіе-то—лучшій нашъ учитель». А хорошіе учителя требуютъ и хорошей платы.

Людей, благопріятствовавшихъ моему «таланту», было очень много. Я вижу передъ собою вереницы лицъ, дававшихъ мнѣ прекраснѣйшія впечатлѣнія, окрылявшихъ мою душу. Они помогали развитію моего таланта уже тѣмъ, что существовали, что находились въ полѣ моего зрѣнія и что въ отношеніяхъ ко мнѣ они проявляли теплоту, которая все живитъ и заставляетъ цвѣсть.

Болѣе осязательную помощь я получала отъ немногихъ изъ нихъ, если не считать нѣкоторыхъ учителей: директора и директрисы гимназіи, учителя русскаго языка, гдѣ я училась (о нихъ я скажу впослѣдствіи подробно), извѣстнаго преподавателя русскаго языка Рашевскаго и извѣстнаго педагога, преподавателя математики, Страннолюбскаго, который такъ и не научилъ меня рѣшать математическихъ задачъ, но своимъ требованіемъ ясно, кратко и точно излагать мысли давалъ мнѣ безсознательно уроки стилистики. Я должна упомянуть образованныхъ учителей французовъ братьевъ Годенъ, а впослѣдствіи недавно умершаго учителя Пажескаго корпуса Лассина. А. А. Полонскій, П. О. Морозовъ и Э. И. Плотлеръ дали мнѣ нѣсколько уроковъ итальянскаго языка, а бесѣды ихъ не могли не способствовать моему развитію. Тутъ я не могу не вспомнить съ благодарностью Ин. М. Болдакова, бывшаго завѣдующаго иностраннымъ отдѣломъ Публичной библіотеки, указывавшаго мнѣ на лучшіе источники для моихъ работъ, тогда еще не предназначавшихся даже для печати. Съ нимъ меня познакомилъ П. О. Морозовъ. (Объ И. М. Болдаковѣ, объ этой поистинѣ замѣчательной личности я тоже скажу подробно впослѣдствіи). Такого же рода интересныя указанія я получала отъ Вл. Вас. Стасова, о знакомствѣ съ которымъ говорю въ «Воспоминаніяхъ» о немъ.

Способствовалъ, несомнѣнно, развитію моего дарованія А. К. Гриневскій, который обладалъ очень сильнымъ и оригинальнымъ умомъ и остроуміемъ и прекрасно владѣлъ русскимъ языкомъ и имѣлъ обширныя познанія въ разныхъ областяхъ естественныхъ наукъ. Неблагопріятно сложившіяся обстоятельства жизни были причиной, что онъ оставался въ тѣни (о немъ также когда-нибудь скажу особо). Онъ вліялъ на развитіе моего дарованія также признаніемъ во мнѣ большихъ и многообразныхъ знаній, а также... (впрочемъ, еще Годенъ сдѣлалъ надпись подъ однимъ изъ почти дѣтскихъ моихъ сочиненій на имъ заданную тему: «Idées nouvelles et originales»). Говоря мнѣ, что тѣ или иныя мысли, высказываемыя мною, новы, А. К. Гриневскій пріучилъ меня съ увѣренностью относиться къ самой себѣ и къ смѣлому выраженію моихъ положеній.

Въ такомъ же направленіи имѣли на меня вліяніе и другія авторитетныя лица, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, какъ, напримѣръ, уже упомянутые Л. А. Полонскій, Писаревскій и П. О. Морозовъ, а также и Евг. Пет. Вейнбергъ, сынъ поэта Вейнберга, который всякій разъ, когда, прочитавъ ему тотъ или другой очеркъ, я спрашивала его, куда бы можно было помѣстить подобную вещь, неизмѣнно отвѣчалъ въ «Вѣстникъ Европы». Онъ вліялъ на меня и здравыми взглядами, любовью къ простотѣ и правдѣ. Мое отвращеніе къ манерности, вычурности, фальши и приторности находило въ немъ всегда поддержку. Ему я обязана развитіемъ музыкальнаго вкуса. Но прежде всѣхъ вліяла на развитіе мое моя мать, которая была и первая моя учительница (о ней тоже скажу въ другомъ мѣстѣ), а также бабушка (со стороны матери).

Изъ друзей, поощрявшихъ меня, я должна назвать и старшаго сына С. В. Максимова (академика), Ивана Сергѣевича; второй же сынъ его, Александръ Сергѣевичъ, съ которымъ я тоже дружила, относился равнодушно къ моимъ опытамъ. Отъ обоихъ молодыхъ Максимовыхъ я слыхала много остроумныхъ разсказовъ о прежнихъ писателяхъ Островскомъ, Писемскомъ и др.

Они особенно какъ-то умѣли освѣщать тѣ же разсказы ихъ отца. Первый изъ нихъ умеръ, второй нынѣ консулъ въ Токіо.

Въ дни ранней юности, въ тѣ годы, когда я еще была далека отъ писательскаго пути, я уже вращалась въ лучшихъ литературныхъ кругахъ: я бывала въ домахъ А. А. Потѣхина, С. В. Максимова, П. И. Вейнберга, Н. Г. Писаревскаго, А. А. Полонскаго. Во всѣхъ этихъ домахъ я познакомилась со многими выдающимися лицами того времени, изъ коихъ многіе живутъ теперь: съ А. Плещеевымъ, Григоровичемъ, Горбуновымъ, сен. Таганцевымъ, съ артистомъ Писаревымъ, Боборыкинымъ, Градовскимъ, Гуревичемъ, С. Н. Сыромятниковымъ (у Максимова), П. О. Морозовымъ, Василевскимъ-Буквой, Б. В. Гей. Хотя эти лица впослѣдствіи, когда я начала печататься, какъ говорится, не оказывали мнѣ никакого содѣйствія, но они уже тѣмъ способствовали развитію моего «таланта», что, какъ я сказала, существовали въ полѣ моего зрѣнія и что за исключеніемъ, быть-можетъ, двухъ-трехъ лицъ, выражали мнѣ доброе вниманіе. Я дѣлаю эту оговорку, ибо могутъ думать, что мой литературный путь, благодаря такому знакомству, былъ легокъ. Нѣтъ, я его сама затруднила, какъ могъ бы это сдѣлать врагъ, никогда не обратившись къ нимъ за помощью. Григоровичъ мнѣ даже самъ однажды предложилъ помѣщать мои разсказы и «торговаться за нихъ», но я ни разу не воспользовалась его предложеніемъ. Раза два обращалась къ П. И. Вейнбергу, но его двѣ попытки оказать мнѣ «протекцію» были неудачными и больше я никогда къ нему за ней не обращалась. Онъ, какъ и всѣ, знакомился съ моими сочиненіями, когда они появлялись въ печати. Ни одна моя пьеса, даже первыя, не увидѣли рампы благодаря чьему-либо содѣйствію. Объ этомъ могутъ свидѣтельствовать Е. П. Карповъ, П. П. Гнѣдичъ, В. П. Буренинъ, А. С. Суворинъ и засвидѣтельствовалъ бы покойный В. Крыловъ. Когда я явилась къ нему съ моей первой пьесой «Первая гроза», онъ меня спросилъ, откуда я пріѣхала. Кажется, этотъ же вопросъ мысленно сдѣлалъ мнѣ Е. П. Карповъ, когда я пришла къ нему впервые. По крайней мѣрѣ, я читала въ его глазахъ почему-то удивленіе и вопросъ.

Обязана благодарностью Кауфманамъ: А. А. Кауфману и сыну его доктору С. А. Кауфману, знакомымъ моихъ родителей, родственникамъ одной уже умершей подруги. Они помогли мнѣ окончить курсы въ Петербургѣ, предложивъ мнѣ жить у нихъ, такъ какъ мать моя не отпускала меня въ столицу безъ надзора на студенческія квартиры. Помимо того, вся обстановка, окружавшая меня въ этомъ домѣ, способствовала развитію моего вкуса: старинныя великолѣпныя картины, старинная стильная мебель... Все убранство жилища Кауфманъ представляло собой музей рѣдкостей, который приходили осматривать. Помимо обстановки, здѣсь на вечерахъ и обѣдахъ я встрѣчала много интересныхъ и извѣстныхъ лицъ финансоваго и чиновнаго міра. Правда, я тогда не умѣла еще *смотрѣть* и разбираться въ окружающемъ, но все вмѣстѣ давало впечатлѣнія, проявившіяся впослѣдствіи. Отдаленность этого моего мѣстожительства отъ «источника науки» заставила меня—увы!—«*самовольно*» переѣхать на «холостую квартиру», гдѣ я проводила время среди «учащейся молодежи», въ числѣ которой были превосходныя дѣвушки и благородные молодые люди, какихъ теперь рѣдко можно встрѣтить. Въ это же время я познакомилась съ домомъ геніальной В. В. Мичуриной-Самойловой (это было въ послѣдніе годы ея жизни), а также съ извѣстной піанисткой Сипягиной и К. И. Масленниковымъ. Въ домѣ И. А. Ефрона (Энциклопедическій словарь) я знакомилась съ кругами талантливой учащейся молодежи, среди которой своими душевными качествами и дарованіями выдѣлялась дочь хозяевъ, нынѣ французская писательница. Въ домахъ М. Д. Игнатьевой, ея сестры Новицкой, нѣкогда выдающейся піанистки, на ихъ вечерахъ и балахъ я встрѣчала сановниковъ и воен-

ныхъ, среди которыхъ было много интересныхъ и образованныхъ людей.

Въ домахъ Сытиныхъ (управляющаго имѣніями Августѣйшихъ дѣтей) и братьевъ его Л. А. и П. А. Сытиныхъ и С. В. Унковскихъ я встрѣчала общество въ такомъ же родѣ образованное и интересное.

Въ домѣ Ковецкихъ я знакомилась съ патріархальнымъ кругомъ польскаго общества. Дома Вилькинъ, Э. Кетрица, инженеровъ Литвиновскаго, А. Н. Венцель давали мнѣ возможность узнать многихъ выдающихся инженеровъ, не считая хозяевъ. Въ числѣ этихъ лицъ былъ и Н. Перцовъ, впослѣдствіи издававшій газету «Слово», и извѣстный И. С. Кологривовъ.

Если назвать домъ извѣстнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ педагоговъ Страннолюбскаго и Е. Страннолюбской, его жены-писательницы, дома: Плотлеръ, Бутовскихъ, Дмитріевыхъ (Михаилъ Дмитріевичъ), у которыхъ (т.-е. у Дмитріевыхъ) собиралось высшее чиновничество, если упомянуть И. М. Попова, моихъ несравненныхъ подругъ Т. Гринбергъ, А. Михелесъ, К. Шаманскую, Каминскихъ, Е. Попова, Т. Брауде, Леви, дома доктора Клячко и женщины-врача Шейтлесъ, то скажу, что всѣ лица, въ домахъ которыхъ я бывала, какъ и то разнообразное общество, которое я встрѣчала у нихъ,—всѣ способствовали моему развитію именно въ томъ направленіи, въ какомъ оно вылилось — ихъ личными качествами и красивымъ добрымъ отношеніемъ ко мнѣ. Это отношеніе ко мнѣ лицъ разныхъ классовъ, состояній и народностей можетъ быть и поддержало во мнѣ прирожденныя мнѣ свойства души, склоняющія меня къ широкой терпимости, которую я считаю первой ступенью къ всечеловѣческой любви и основнымъ краеугольнымъ камнемъ общежитія. Всѣ эти лица явились для меня, какъ я сказала, источниками прекраснѣйшихъ впечатлѣній, обширнымъ полемъ для наблюденій.

Впослѣдствіи, на первыхъ порахъ вступленія моего на путь литературы, я познакомилась съ новыми людьми самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, настроеній и направленій, что, несомнѣнно, имѣло вліяніе на расширеніе моего кругозора. Хочу назвать ихъ, ибо само это разнообразіе, быть-можетъ, характерно. Зайдя въ редакцію «Вѣстн. Евр.» съ моимъ первымъ стихотвореніемъ, впервые увидѣла замѣчательнаго даже по наружности Вл. С. Соловьева, отношеніе котораго къ моимъ первымъ стихамъ не могло не ободрить меня. Около этого времени познакомилась съ домомъ П. В. Быкова, С. А. и А. А. Сувориными и съ домомъ В. П. Буренина, Н. И. Аѳанасьева и съ К. С. Тычинкиномъ.

Къ этому же времени относится мое знакомство съ домами П. Гнѣдича, А. А. Давыдовой и редактора журнала «Міръ Божій» Острогорскимъ, Н. К. Михайловскимъ, на вечерахъ котораго я встрѣчала всѣхъ выдающихся въ то недавнее время писателей и который принималъ меня съ большимъ радушіемъ. Въ то же время въ союзѣ писателей встрѣчаю Л. Е. Оболенскаго и Ф. Ф. Фидлера. О домѣ Фидлера можно скорѣе говорить какъ о храмѣ литературы съ неугасимой лампадой любви къ слову. И его домъ дѣлается для меня однимъ изъ самыхъ дружественныхъ для меня домовъ. Въ лицѣ Фидлера встрѣчаю одного изъ первыхъ въ эту пору писателей, признавшихъ меня «*талантомъ*», а помѣщеніемъ фотографіи среди изумительной коллекціи портретовъ (съ автографами) знаменитостей онъ, такъ сказать, закрѣпилъ ходившее, быть-можетъ, въ то время въ разныхъ кружкахъ мнѣніе обо мнѣ.

Тутъ же часто встрѣчаюсь съ С. А. Венгеровымъ, съ З. А. Венгеровой, съ Коркуновымъ, Баранцевичемъ, Либровичемъ, Заринымъ, Линевымъ, съ Пѣшковой-Толивѣровой, ред. «Игрушечки». У нея знакомлюсь съ ея сотрудницей, переведшей мои разсказы на французскій языкъ, Загуляевой. Въ этотъ же періодъ знакомлюсь съ домомъ редактора - издателя «Сѣвера» Мерцъ, съ Чюминой, М. А. Лохвицкой и съ поэтами Минскимъ (котораго встрѣчаю вновь), Бальмонтомъ,

Аллегро, Сологубомъ, съ покойнымъ Лихачевымъ, Хвостовымъ, Шуфомъ, Мазуркевичемъ, съ новыми прозаиками, ютившимися вокругъ I. I. Ясинскаго, съ блестяще начавшимъ свое поприще Измайловымъ во главѣ. Изъ нихъ назову Ѳ. Н. Фальковскаго, познакомившаго меня съ С. В. Ахшарумовымъ, издателемъ моей книги «Огоньки», и еще съ Чебышовой-Дмитріевой, О. Шапиръ и А. Черевковой, и встрѣчаюсь снова съ А. Г. Шиле, бывавшей также на вечерахъ С. М. Максимова (академика).

Тогда же познакомилась съ домомъ К. О. Нотовича, а также съ нѣкоторыми сотрудниками его газеты, какъ, напримѣръ, съ М. Б. Городецкимъ. Нѣсколько позже познакомилась съ домами М. Суворина, I. I. Ясинскаго и съ домомъ ред. «Журнала для юношества» Альмедингенъ, а затѣмъ и съ домомъ М. С. Проппeръ. Въ эту пору у моихъ друзей Плотлеръ познакомилась съ бывшимъ ихъ учителемъ музыки А. А. Грингмутомъ, а черезъ него и съ издателемъ газеты В. А. Грингмутомъ, съ которымъ мнѣ пришлось бесѣдовать нѣсколько разъ и который въ бесѣдахъ высказывалъ много гуманныхъ мыслей. Въ это же время становлюсь дѣятельной сотрудницей «Театра и Искусства» и знакомлюсь съ его редакторомъ Кугелемъ, издательницей Холмской и сотрудникомъ его Бѣляевымъ. Къ тому же времени, кажется, относится и мое знакомство и съ кн. Барятинскими, Лидіей Борисовной (Яворской) [1]) и Владиміромъ Владиміровичемъ [2]), на большихъ пріемахъ которыхъ вновь встрѣчаю самое разнообразное общество. На этихъ пріемахъ впервые встрѣчала многихъ писателей, поэтовъ и артистовъ. Чаще всѣхъ встрѣчала здѣсь Арабажина, редактировавшаго «Сѣверный Курьеръ», въ которомъ также принимала участіе. На этихъ вечерахъ я познакомилась также съ извѣстнымъ трагически погибшимъ Филипповымъ, ред.-изд. «Научнаго Обозрѣнія».

---

[1]) Извѣстной артисткой

[2]) Извѣстнымъ драматургомъ.

Здѣсь я должна упомянуть о моемъ знакомствѣ съ В. Ѳ. Комиссаржевской. Съ ней мнѣ пришлось выступить въ одинъ и тотъ же вечеръ на сценѣ Александринскаго театра. Она дебютировала на ней въ пьесѣ Зудермана «Бой бабочекъ» въ роли Розы—въ качествѣ артистки, а я ставила послѣ этой большой пьесы мою первую пьесу — «Первая гроза». Она же поставила въ свой *первый* бенефисъ мою одноактную пьесу «Пьеса для разъѣзда» и играла въ моей *первой* большой пьесѣ «Друзья» (перев. съ итальянскаго). Мы появились съ ней одновременно на поприщѣ самомъ для меня дорогомъ, и вотъ мнѣ уже приходится писать о ней, какъ о невозвратно прошедшемъ. Я была знакома и съ ея во многихъ отношеніяхъ интересной семьей. Съ ней меня познакомилъ извѣстный гитаристъ Де-Лазари, бывавшій въ домахъ моихъ знакомыхъ Новицкой и Дмитріевой, а также въ домѣ свѣтлѣйшей княгини Суворовой, домъ которой я должна считать въ числѣ интереснѣйшихъ домовъ, гостепріимно открытыхъ для меня въ то время. Въ числѣ послѣднихъ должна упомянуть домъ Кондырева, ред. «Журнала Журналовъ», въ которомъ я участвовала и гдѣ было помѣщено одно изъ первыхъ моихъ стихотвореній, статья: «Гауптманъ и мотивы его драмъ» и переводъ трагедіи д'Аннунціо: «Мертвый городъ». Среди многихъ лицъ, встрѣченныхъ здѣсь, былъ и покойный проф. Тархановъ. Въ его домѣ бывала довольно часто.

Вспоминаю и впечатлѣніе, которое произвело на меня посѣщеніе А. М. Жемчужникова, лично принесшаго мнѣ свою книгу «Пѣсни старости» и сдѣлавшаго на ней собственноручную надпись. Онъ оказалъ мнѣ эту честь только какъ писателю, ибо до того я никогда и нигдѣ его не встрѣчала. Къ этому же времени относится моя встрѣча и съ Анат. Ѳед. Кони, который впослѣдствіи уже устнымъ и письменнымъ одобреніемъ нѣсколько разъ, самъ того не зная, поднялъ мой духъ въ минуты, когда меня охватывало

жестокое унынie. Если существуютъ невольные грѣхи, то существуютъ невольныя благодѣянiя.

Я должна сдѣлать здѣсь оговорку: такъ какъ всѣ мои друзья и знакомые меня единогласно обвиняютъ въ одномъ и томъ же, а именно, въ томъ, что я обо всѣхъ говорю хорошо,—то изъ этого надо заключить, что я сумѣла сохранить добрыя отношенiя со всѣми этими, иногда прямо противоположными по понятiямъ лицами не путемъ опорочения отсутствующаго и его мiровоззрѣнiя...

Полная снисходительность къ другимъ и строгость къ себѣ, а также необходимость для писателя смотрѣть на дѣла мiра съ высоты, были всегда моими девизами и останутся до конца дней, какъ бы мнѣ это ни вредило временно въ глазахъ тѣхъ или другихъ. Никогда не поступалась въ угоду, кому бы то ни было и чему бы то ни было, моими убѣжденiями, взглядами на тотъ или иной вопросъ, какъ бы дружески я не относилась къ тѣмъ или инымъ лицамъ. Считала бы не благодарностью, если бы въ ряду лицъ, оказавшихъ мнѣ услуги, вниманie словами и дѣлами и оставившихъ слѣдъ въ моей душѣ — я бы не назвала моей вѣрной прислуги Натальи Захаровой.

3) Стремленie къ сочинительству проявилось у меня съ самаго ранняго дѣтства. Всегда что-то писала въ моихъ тетрадкахъ, о чемъ-то размышляла, но никому объ этомъ не говорила и моими писанiями въ дѣтствѣ, слава Богу, не носились. Гордились моими способностями къ танцамъ и къ декламацiи и нерѣдко демонстрировали эти мои таланты.

4) У меня не было особыхъ раннихъ опытовъ, но я имѣла возможность наблюдать ихъ—и это, конечно, способствовало развитiю писательскаго дара. Способствовали развитiю его, мнѣ кажется, самыя стѣны дома, въ которомъ я жила. Это былъ домъ, нѣкогда принадлежавшiй польскимъ королямъ, старый, мрачный (объ этомъ домѣ разскажу впослѣдствiи). Гимназiя тоже помѣщалась въ замкѣ, принадлежавшемъ когда-то чудаку-магнату, о которомъ сложились фантастическiя легенды. Все толкало меня къ Голгоѳѣ писательства. Дѣтскихъ книгъ, спецiально дѣтскихъ, никогда не читала. Любила басни и стихотворенiя лирическiя. Помню, что мнѣ нравилось стихотворенie «Подъ вечеръ осени ненастной», хотя я и не понимала смысла его. Изъ первыхъ книгъ я помню польскую книжечку: «Описанie жизни польскихъ королей», потомъ еще помню разсказъ какой-то «Трудовой хлѣбъ». «Дневникъ лишняго человѣка» произвелъ на меня сильное впечатлѣнie; только впослѣдствiи узнала дорогое имя автора. Помню какой-то романъ, въ которомъ герой-художникъ зарисовываетъ дѣвушку въ альбомъ изъ засады въ лѣсу. Эту повѣсть я разсказывала подругамъ почти дословно. Читала въ ранней юности Бѣлинскаго и такъ увлекалась имъ, что заучивала цѣлыя страницы наизусть. «Рудинъ» и «Дворянское гнѣздо» произвели на меня громадное впечатлѣнie. «Дѣтство и отрочество» Толстого и «Войну и миръ» читала нѣсколько разъ. Впослѣдствiи уже мнѣ попался Достоевскiй, а именно «Записки изъ мертваго дома». Особенно влiялъ на меня Диккенсъ, а его рождественскie разсказы прямо имѣли громадное влiянie на мое мiровоззрѣнie. Любила читать описанiя бiографiй великихъ людей. Я помню «Жизнь Франклина». Изъ этой книги для моего руководства выписывала цѣлыя страницы. «Жизнь Iисуса» Ренана произвела на меня впечатлѣнie потрясающее. Упивалась описанiемъ путешествiй, описанiемъ природы. Любимой книгой моей была Гумбольдта «Картины природы». Любила читать сочиненiя естественно-научнаго содержанiя и молитвы. У меня была нѣмецкая книга какихъ-то особенныхъ молитвенныхъ размышленiй. Не знаю ни имени автора, ни названiя его.

5) И фантазiя и наблюдательность, а главное размышленiя о мiрозданiи были элементами моихъ первыхъ опытовъ.

6) Не могу сказать, чтобы мои первые опыты создались подъ чьимъ-либо влiянiемъ.

7) Было ли совпаденіе фабулы съ фабулой другого писателя,—кажется, было, но теперь не вспомню.

8) Оставшихся въ рукописи сочиненій у меня нѣсколько. Есть рукопись, написанная почти дѣтскимъ почеркомъ: «Опроверженіе теоріи Дарвина: «Происхожденіе видовъ». Какой-то очеркъ подъ названіемъ «Портретъ Ѳедора Ѳедоровича», въ родѣ Чеховскихъ разсказовъ, и одноактная пьеска, также написанная въ ранней юности, о томъ, какъ писали сочиненіе на гимназическую тему «Утро на берегу моря» гимназистки въ одной изъ губерній самыхъ отдаленныхъ отъ всѣхъ морей. Никогда никому не отдавала этихъ рукописей и, кажется, даже и не читала.

9) Первое, отправленное для напечатанія, болѣе или менѣе значительное, сочиненіе—это «О воспоминаніяхъ о Тургеневѣ». Я послала его въ газету «Новости» при посредствѣ П. И. Вейнберга. Черезъ полгода, когда я пришла узнать о судьбѣ моей статьи, О. К. Нотовичъ сказалъ мнѣ, что оно находится еще въ цѣломъ столбѣ непрочитанныхъ рукописей. Хотя онъ предложилъ мнѣ черезъ нѣсколько дней прочесть ее, но я потребовала статью обратно, вломившись въ амбицію за себя и за справедливость, очагъ которой, мнѣ казалось тогда, долженъ быть въ редакціяхъ.

Этотъ опытъ мнѣ показалъ, что не слѣдуетъ прибѣгать къ протекціи, ибо, помимо всякихъ постороннихъ вліяній, О. К. Нотовичъ вскорѣ оказался однимъ изъ наиболѣе горячо поощрявшихъ меня.

Говоря о первыхъ моихъ произведеніяхъ, мнѣ придется говорить о нѣсколькихъ первыхъ сочиненіяхъ, съ которыми я въ теченіе моей дѣятельности выступала въ разныхъ областяхъ ея, какъ-то: о первыхъ разсказахъ, первыхъ одноактныхъ пьесахъ, о первыхъ стихахъ, первыхъ большихъ пьесахъ, первыхъ статьяхъ.

Начала я свое писательство съ переводовъ съ разныхъ языковъ. Первымъ моимъ болѣе значительнымъ оригинальнымъ сочиненіемъ была монографія о Монтэнѣ [1]), которая послѣ многихъ мытарствъ увидѣла свѣтъ въ журн. «Образованіе» подъ ред. А. Я. Острогорскаго. Первые разсказы я предложила «Нивѣ». Редакторъ ея возвратилъ мнѣ ихъ, замѣтивъ, что они написаны мило, но что въ нихъ нѣтъ содержанія. Одинъ изъ нихъ послѣ этого я отнесла въ «Новое Вр.» ред. Булгакову, а другой—Шеллеру въ «Живописное Обозрѣніе». Булгаковъ напечаталъ разсказъ мой черезъ нѣсколько дней, а Шеллеръ отвѣтилъ мнѣ любезнымъ письмомъ, что мой разсказъ появится черезъ два мѣсяца. Редакторомъ «Всемірной иллюстраціи» и «Труда», П. Быковымъ, были помѣщаемы въ этихъ журналахъ рядомъ съ моими переводами мелкія статейки, а также мои первыя одноактныя пьесы. Первыя стихотворенія были: «Прости» и «Изъ Гауптмана». «Прости» было принято съ одобреніемъ Буренинымъ и сейчасъ же напечатано въ «Нов. Времени», а «Изъ Гауптмана» было принято Владиміромъ Соловьевымъ въ «Вѣстникѣ Европы». Первыя мои пьесы: «Первая гроза», принятая Крыловымъ, поставлена на Александринской сценѣ, и въ этомъ же году пьеса «Трудовой день» была принята В. П. Буренинымъ и А. С. Суворинымъ для Малаго театра.

«Первую Грозу» я разыграла до постановки ея въ Императорскомъ театрѣ сама съ сыномъ С. В. Максимова на домашней любительской сценѣ у А. Д. Новицкой.

10) Возвращенныя редакціями рукописи, кромѣ названныхъ, были и другія, по разнымъ причинамъ; но такъ какъ эти возвращенія меня не огорчали, а служили мнѣ только въ пользу, то теперь о нихъ не буду говорить.

11)

12) Всѣ мои первыя сочиненія бывали прочитываемы только людьми близкими и друзьями, большей частью почти въ окончательной формѣ. Никогда не носила ихъ читать авторитетамъ.

---

[1]) Монтэнь и его Essais.

Читала мои первые переводы и мелкія статейки А. К. Гриневскому, статью «О Монтэнѣ» дала провѣрить секретарю Энциклопедическаго словаря Ефрона М. М. Марголину, съ просьбой указать мнѣ на ошибки научнаго характера. Прочитавъ мою статью, онъ нашелъ необходимымъ сдѣлать лишь нѣкоторыя сокращенія, и то по причинамъ исключительно практическаго характера, въ видахъ скорѣйшаго помѣщенія статьи. Мои пьесы и стихи читала Е. П. Вейнбергу, сыну поэта и профессора, Н. Плотлеру, Устрялову (внуку историка). Отношеніе этихъ добрыхъ читателей къ моимъ сочиненіямъ было всегда восторженное. Относительно практическаго и нравственнаго вліянія А. К. Гриневскаго я уже сказала; что касается Е. П. Вейнберга, то выражаемая имъ увѣренность въ моихъ литературныхъ дарованіяхъ и выраженіе его отношенія къ нимъ давало мнѣ ту смѣлость и увѣренность, которыхъ у меня, робкой по природѣ и сосредоточенной, можетъ-быть, не было бы.

Купринъ сказалъ, когда его спросили о его первомъ произведеніи: «Мое первое произведеніе «Поединокъ». Подражая Куприну, скажу: «Мое первое произведеніе «Бабъ», и я прегрѣшила бы противъ правды, если бы я не сказала тутъ объ этомъ моемъ «первомъ произведеніи». Отрывки его еще въ рукописи я читала упомянутымъ друзьямъ и еще одному персологу Брандгэндлеру. Матеріалы мнѣ доставлялъ изъ Публичной библіотеки Болдаковъ. Въ корректурѣ его читалъ А. А. Вейнбергъ; какъ онъ, такъ и его двоюродный братъ Е. П. Вейнбергъ горячо одобрили это сочиненіе.

До появленія отзывовъ, его читалъ режиссеръ Императорскихъ театровъ Дарскій, который высказался о немъ въ восторженныхъ выраженіяхъ (объ этомъ чтеніи разскажу особо). Напечатала мою поэму отдѣльнымъ изданіемъ, минуя журналы. О судьбѣ этой пьесы съ самаго начала ея зарожденія скажу въ другомъ мѣстѣ.

13) Измѣненій мнѣ не приходилось дѣлать никакихъ. Лишь въ статьѣ «О Монтэнѣ» мнѣ пришлось по просьбѣ редактора исключить главу о воспитаніи, такъ какъ объ этомъ въ журналѣ «Образованіе» была помѣщена уже раньше статья.

14) Самовольныхъ исправленій, добавленій и сокращеній редакторами моихъ рукописей почти не было; даже великій В. Соловьевъ письменно обратился ко мнѣ съ разрѣшеніемъ исправить строчку въ моемъ первомъ стихотвореніи.

15) Опечатокъ, конечно, было много. Перечислить ихъ трудно. Въ моемъ сборникѣ стиховъ есть опечатки, приводящія меня въ смущеніе и теперь, напримѣръ: вмѣсто: ручеекъ подъ старой ивой сказано: ручеекъ надъ старой ивой.

16) Цензурныхъ препятствій къ напечатанію не было, но при постановкахъ моихъ пьесъ на сцену мнѣ приходилось ихъ испытать. Такъ, въ моей переводной пьесѣ «Друзья», шедшей въ Михайловскомъ театрѣ, мнѣ пришлось исключить нѣсколько мѣстъ. Цензура вначалѣ не разрѣшала выкриковъ газетчика (по пьесѣ) газеты «Свобода». Въ то время это слово считалось нецензурнымъ, но мнѣ удалось отстоять его такъ же, какъ и нѣкоторые догматы кооперативныхъ началъ.

Эти слова и фразы были столь новы въ то недавнее для насъ время, что печать находила эту драму, въ которой описывались выборы, говорилось о «свободѣ», кооперативныхъ обществахъ, слишкомъ чуждой для нашего пониманія. Приходилось отстаивать для сцены и «Баба» и «Суровые дни». Цензура всегда уступала основательнымъ доводамъ и вовсе не проявляла намѣренія непремѣнно «запрещать».

17) За первыя сочиненія я гонораръ получила, хотя и небольшой. Точной цифры не могу припомнить.

18) Помню, что за «Монтэня» я получила 90 руб. (!) Сколько листовъ—не знаю.

19) Неисправности въ платежахъ были, но объ этомъ не хочу говорить, какъ это ни было обидно.

20) Къ моимъ первымъ и печатнымъ сочиненіямъ относились, какъ я сказала, всѣ близкіе и друзья съ большой добротой, такъ же относились и посторонніе. Прежде всего тѣ, которые печатали ихъ. Никто изъ нихъ не скупился на слова, точно такъ же и товарищи по перу, всегда встрѣчавшіе мои первыя произведенія устными похвалами. На первыхъ порахъ эти устныя одобренія поддерживали мой духъ и мою рѣшимость слѣдовать по мною избранному пути, прислушиваться только къ движеніямъ моего ума и сердца безъ какихъ бы то ни было постороннихъ соображеній, какія бы они не представляли мнѣ выгоды или успѣхи. Выступала большею частью подъ своимъ именемъ. Первый мой разсказъ «Мое свадебное путешествіе» былъ напечатанъ подъ иниціалами «И. Г.». Подъ тѣми же буквами появилась статья «Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ» (отзывы о книгѣ Конторовича). «Письма о выставкѣ изъ Стокгольма» печатались подъ псевдонимомъ «И. Гринъ».

За исключеніемъ мелкихъ замѣтокъ въ тѣхъ или иныхъ изданіяхъ, я подписывала мою фамилію, и это благодаря П. В. Быкову, который, можно сказать, далъ мнѣ имя. Ибо всѣ переводы и мелкія статейки, которыя я отдавала ему подписанные иниціалами, онъ всякій разъ выпускалъ съ моей полной подписью, и на мои претензіи за это онъ отвѣчалъ: «Если бы было нехорошо, я бы не помѣстилъ совсѣмъ, а разъ хорошо, нечего скрываться подъ буквами».

21) На этотъ вопросъ отвѣтила раньше.

22) По незнанію положенія вещей на литературной биржѣ, я довольствовалась устными похвалами, которыми встрѣчали каждое мое сочиненіе, будь то разсказъ, пьеса, стихотвореніе или статья, товарищи и печатавшіе мои вещи. Такъ какъ поощрявшіе меня живы, то они могутъ удостовѣрить правду этихъ строкъ. Въ виду полной неосвѣдомленности, преступной непрактичности, я никому изъ извѣстныхъ и опытныхъ

издателей не предложила издать мою первую книгу «Огоньки», содержаніе которой должно было состоять изъ встрѣченныхъ одобреніемъ разсказовъ, пьесъ, шедшихъ на первыхъ сценахъ, и изъ десятка стихотвореній, стяжавшихъ мнѣ мѣсто среди поэтовъ. Я отдала печатаніе моей книги лицу, предложившему мнѣ ее издать, а именно—владѣльцу художественной типографіи С. Ахшарумову, задумавшему издавать новыхъ, получившихъ извѣстность, писателей. Но С. В. Ахшарумовъ былъ совершенно неопытенъ въ дѣлѣ распространенія книгъ, а я носилась въ то время съ мыслью о «Бабѣ» и весьма мало заботилась о разсылкѣ моей книги для отзывовъ, совершенно довольствуясь платоническими устными похвалами. Моя книга, вслѣдствіе отсутствія извѣстій о ней, осталась на полкахъ типографіи неразосланной, а по увѣренію многихъ писателей и издателей, она должна была разойтись въ одинъ мѣсяцъ.

Появившіеся отзывы объ этой моей первой книгѣ «Огоньки» были почти всѣ благопріятные (въ «Русск. Бог.»—Горнфельдъ; въ «Нов. Вр.»—Сыромятниковъ; въ «Новостяхъ» — Генкенъ; въ «Моск. Вѣд.»—Бассаргинъ; въ «Русск. Словѣ» — Ермиловъ; въ «Нивѣ» (не знаю кто); въ приложеніи къ «Нов. Міру»—отзывъ Бурдеса; въ «Сѣверѣ»—г. Носковъ). Была и ложка дегтя въ бочкѣ меда. Какъ, наприм., отзывъ Скабичевскаго, причислившаго мою книгу къ порнографіи. Были, какъ мнѣ говорили, и другіе отзывы, но я ихъ не видѣла, не умѣла собирать и перестала интересоваться, чѣмъ бы то ни было, занятая моей новой работой: драматической поэмой «Бабъ», которую при появленіи въ печати хотя не скупилась разсылать, но все же несвоевременно. И дѣйствительно, объ этой пьесѣ появились отзывы въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ всевозможныхъ направленій. Въ Россіи отзывы объ этой пьесѣ появились какъ о книгѣ, такъ и о сценическомъ представленіи: въ журн. «Вѣстн. Европы»—Л. Е. Оболенскій; «Міръ Божій» — Вейнбергъ; «Русское Богатство» —

(не знаю кто); «Вѣстн. Знанія»—Ю. Веселовскій; въ «Нов. Вр.» — Ивановъ; въ «Новостяхъ» — пр. Морозовъ; въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» — Бассаргинъ (отзывъ Бассаргина — одинъ изъ первыхъ серьезныхъ отзывовъ, и явился для меня сюрпризомъ, какъ по размѣрамъ его, такъ и по содержанію. Знакомство съ предметомъ, а также отношеніе критика къ моему сочиненію возбудили во мнѣ желаніе выразить автору статьи мою благодарность. Отсюда возникла интересная переписка по занимавшему меня предмету. Авторомъ оказался профессоръ (пишущій подъ псевдонимомъ), извѣстный знатокъ по исторіи восточныхъ религій); въ «Пет. Вѣд.»—Зигфридъ; въ «Русск. Вѣд.»—проф. Хахановъ; въ «Бирж. Вѣд.» — Измайловъ; въ «Нов. Руси» — Зенгеръ; въ «Гражданинѣ» — (?); въ «Театрѣ и Искусствѣ» — Быховскій; въ «Каспіи» — Ю. Веселовскій; въ «Нивѣ» — (?); въ «Сѣверѣ»—И. Соколовскій; въ «Петербург. Газетѣ»—(?); въ «Пет. Листкѣ»—Россовскій и въ другихъ. А въ изданіяхъ на иностранныхъ языкахъ: въ Herold'ѣ—Ф. Ф. Фидлеръ; въ «Journal de St.-Pétersbourg»—(?); въ «Petersburger Zeitung» — (?). Пьеса эта была принята къ постановкѣ А. С. Суворинымъ и поставлена Е. П. Карповымъ. Особенно горячее участіе принималъ въ постановкѣ М. А. Суворинъ; нѣкоторые директора театра, какъ, напримѣръ, Плющевскій - Плющикъ, очень интересовались постановкой моей трагедіи. Помимо печатныхъ отзывовъ, я удостоилась письма Л. Н. Толстого, а также коллективнаго отзыва общества бабидовъ (на Кавказѣ). Кромѣ этого, меня обрадовали своими письменными одобреніями проф. Жуковскій, П. И. Ковалевскій и многіе еще, о чемъ я скажу въ другой разъ.

Вѣсть объ этой моей пьесѣ проникла и за границу. Въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ были даже довольно обширные отзывы о ней, какъ, наприм., въ «Revue des Revues»; а также читалъ о ней лекціи Г. Весселитскій въ Лондонѣ, въ салонахъ герцогини Суттерландтъ, въ присутствіи всей печати и представителей литературы и искусствъ, а также политическихъ круговъ и высшаго лондонскаго свѣта (о томъ, какъ этотъ политикъ и глубокій знатокъ Востока познакомился съ моимъ сочиненіемъ, разскажу въ другой разъ).

23) Я находила бы недобросовѣстнымъ по отношенію къ читателямъ выпустить завѣдомо плохую вещь. До выпуска моихъ сочиненій въ свѣтъ—бываю долго не удовлетворена ими и поэтому медлю ихъ печатать, подвергая ихъ пересмотру и исправленіямъ: «Polissez et repolissez votre ouvrage». Придерживаюсь мнѣнія автора L'art poétique, а также мнѣнія великихъ нашихъ писателей на этотъ счетъ. Но почти всегда приходится выпустить сочиненіе раньше времени въ формѣ не вполнѣ окончательной. И замѣчаемыя тѣ или иныя ошибки въ сочиненіи, появившемся въ свѣтъ, всегда меня очень огорчаютъ, хотя бы онѣ остались незамѣченными другими.

24) «О воспоминаніяхъ о Тургеневѣ» были помѣщены въ сокращенномъ видѣ въ «Театрѣ и Искусствѣ», объ остальныхъ я сказала.

25) Я уже ранѣе сказала о писательскомъ благополучіи—и его пришлось испытать и мнѣ. Скажу: мнѣ не разъ приходилось сожалѣть о томъ, что не пошла за Терпсихорой, такъ улыбавшейся мнѣ въ дни дѣтства и юности. Но меня занимали грезы о героическомъ самоотреченіи. Мнѣ казалось заманчивымъ слѣдовать по пути тѣхъ поэтовъ, которые умирали на чердакахъ. Если мои мечты «о смерти на чердакѣ» не вполнѣ исполнились и я продолжаю существовать, то этому я обязана моему терпѣнію, упорному труду и, быть-можетъ, способностямъ, привлекшимъ ко мнѣ благородные умы. Привыкшей къ благосостоянію, избалованной, мнѣ приходилось жестоко страдать отъ непосильной борьбы, на самомъ дѣлѣ, оказавшейся далеко не привлекательной, хотя она шла рядомъ съ блестящими побѣдами и успѣхами.

Что сказать о моемъ положеніи теперь?

Въ наше время, когда мечта о чердакахъ вышла изъ моды, когда таланты оцѣниваются пропорціонально получаемымъ ими доходамъ, мнѣ не хотѣлось бы дескредитировать мою музу указаніемъ на цифру дохода, которая, по моимъ соображеніямъ, при нѣкоторой умѣлости могла быть увеличена въ 25 разъ. Поэтому здѣсь краснорѣчиво умолкаю.

Иванъ Алексѣевичъ БУНИНЪ.

I. Наслѣдственность, можетъ-быть, сказалась. Была въ нашемъ роду поэтесса (Анна Петровна Бунина); Жуковскій изъ нашего рода. Но какова степень ихъ родства съ нами,—не знаю... Отецъ читалъ много и съ большой охотой (хотя могъ не читать и по году), любилъ образный языкъ, сравненія.

II. Домашній учитель (готовившій меня въ гимназію), немного рисовалъ, писалъ стихи (сатирическіе вирши на мѣстные нравы), поощрялъ мои первые стихотворные опыты. Поощрялъ позднѣе, когда мнѣ было лѣтъ 12—15, и старшій братъ Юлій. Родители радовались, но никакого вліянія въ этомъ отношеніи на меня не оказали.

III. Въ дѣтствѣ—глухая усадьба въ Орловской губ. (имѣнія отца уже приходили въ разореніе). Потомъ—уѣздный городъ, гимназія. Жилъ въ Орлѣ, Харьковѣ, Полтавѣ,—и все въ радикальскихъ кружкахъ,—учился, немного работалъ въ провинціальныхъ газетахъ, странствовалъ по югу России, года два служилъ въ полтавскомъ губернскомъ земствѣ статистикомъ, библіотекаремъ, временами порядочно нуждался. Первыя прочитанныя книги: «Одиссея», «Пѣснь о Гайаватѣ».

IV. И то и другое; преобладала, кажется, наблюдательность.

V. Началъ стихами,—писалъ подъ вліяніемъ Пушкина, Веневитинова. Увлекался Надсономъ (но недолго), Шиллеромъ, Майковымъ.

VII. Нѣсколько тетрадей стиховъ.

VIII. Стихотвореніе «Деревенскій нищій», отправленное и напечатанное въ маѣ 1887 года (въ «Родинѣ»).

IX. Не испыталъ. Съ сентября 1888 года сталъ довольно часто печататься въ «Книжкахъ Недѣли» Гайдебурова.

X. Стиховъ мнѣ почти никогда не возвращали; разсказовъ, кажется, совсѣмъ никогда.

XI. См. пунктъ VIII.

XII. И стихи и разсказы читалъ обычно передъ отсылкой брату; кажется, только ему.

XVII. Даромъ.

XVIII. См. «Кн. Недѣли»,—за три стихотворенія въ сентябрѣ 1888 г., всего 21 р. (кажется, копеекъ по 25 за строку).

XX. См. пунктъ II.

XXI. Подъ своей фамиліей.

XXII. Рецензія Ив. Ив. Иванова (въ «Артистѣ», на книгу стиховъ, изданную мною въ Орлѣ въ 1891 г.: «Стихотворенія 1887—1891 гг.»), совѣтовавшаго мнѣ бросить стихи и заняться лучше прозой.

XXIII. Чудесный весенній день!

XXV. См. пунктъ III. Теперь недурно, гонорары получаю большіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.